

Яна Вагнер

ТОННЕЛЬ

Новый роман автора бестселлеров

«ВОНГОЗЕРО»

и «КТО НЕ СПРЯТАЛСЯ»

18+

Яна Вагнер: история одной компании

Яна Вагнер

Тоннель

«Издательство АСТ»

2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Вагнер Я.

Тоннель / Я. Вагнер — «Издательство АСТ», 2024 — (Яна Вагнер: история одной компании)

ISBN 978-5-17-132737-8

Яна Вагнер – прозаик, автор антиутопий-бестселлеров «Вонгозеро» и «Живые люди», детектива «Кто не спрятался». Ее книги переведены на 17 языков. «Тоннель» – новый роман, на этот раз – герметичный триллер. Несколько сотен человек внезапно оказываются запертыми под Москвой-рекой. Причина неизвестна, спасение не приходит, и спустя считанные часы всем начинает казаться, что мира за пределами тоннеля не осталось. Важно только то, что внутри. Содержит нецензурную брань

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-132737-8

© Вагнер Я., 2024
© Издательство АСТ, 2024

Содержание

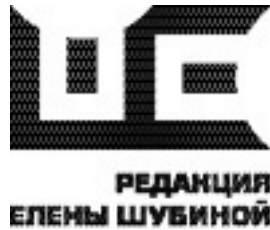
Конец ознакомительного фрагмента.	70
-----------------------------------	----

Яна Вагнер

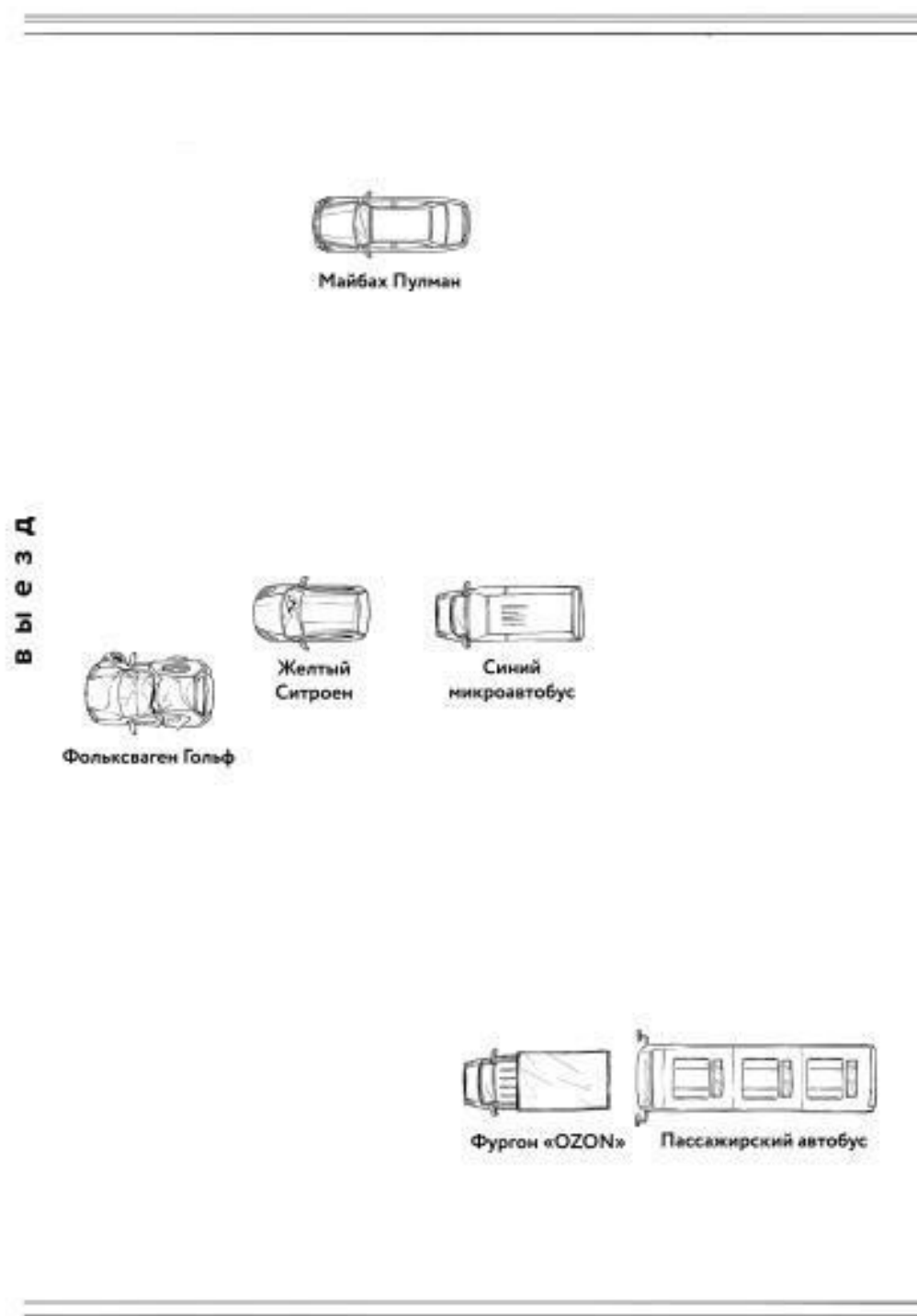
Тоннель

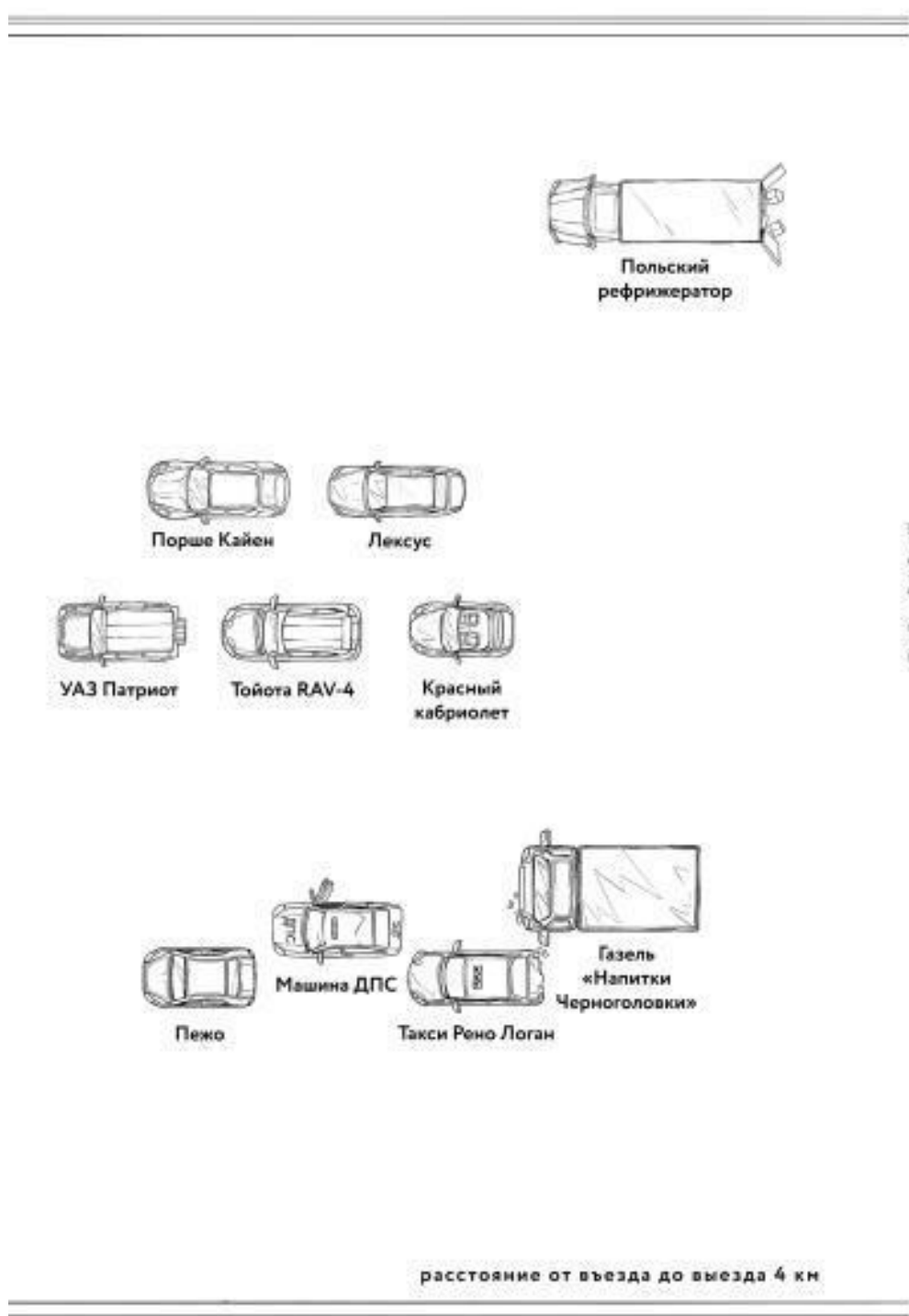
*Если б было светло, они б сгорели со стыда.
Но кругом чернела ночь.*
Уильям Голдинг. Повелитель мух

Издательство благодарит литературное агентство «Банке, Goumen & Smirnova» за содействие в приобретении прав

© Яна Вагнер
© ООО «Издательство АСТ»

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 6 ИЮЛЯ, 23:00

Раскаленный город не остыл даже к ночи, и все-таки после заката стало чуть легче, так что машин на пригородном шоссе было вдвое больше обычного и толкаться начали еще до кольцевой. Поток дачников, которым одновременно пришлось в голову выехать попозже, уплотнился и замедлился; втискиваясь с широкой трассы в три полосы, превратился в безрадостную воскресную пробку. Несмотря на поздний час, жара стояла невыносимая, а стоило въехать в тоннель, воздух как будто перестал двигаться совсем, загустел от выхлопных газов.

– Стекло подними, – сказала Саша. – Дышать нечем.

Митя мог бы возразить, что, если закрыть окна, станет только хуже. Роскошь запереться в собственном автомобиле доступна тем, у кого работает кондиционер, который в Тойоте сломался еще в прошлом году. Но он давно перестал побеждать в спорах, так что просто молча нажал на кнопку, хотя тут же некстати вспомнил, что и стеклоподъемник срабатывает через раз. Пассажирское стекло дрогнуло, а потом все-таки поехало вверх и сразу предательски запотело изнутри. Никакой радости не осталось от выпитого в полдень пива, только изжога и испарина на стекле. Он отвернулся и осторожно задышал носом.

Машины ползли по тоннелю плотно, в три ряда, как фарш через мясорубку. За четверть часа продвинулись вперед метров на триста, не больше, а потом встали глухо. Радио уже минут десять предсмертно булькало и хрипело, сквозь помехи почти нельзя было разобрать ни слов, ни музыки, но вместо того чтобы выключить приемник, Саша выкрутила громкость вверх. И он снова промолчал, потому что и задраенные окна, и кошмарные эти звуки были сейчас единственным ее аргументом. Как бы жена ни сердилась, она никогда не ссорилась с ним при Аське. Никогда, ни разу за десять лет. И негласный этот уговор, и так уже довольно хрупкий, нужно было беречь.

Дочь сидела сзади, уткнувшись в телефон, и, когда он оглянулся, чтобы как раньше перекинуться понимающими взглядами, не улыбнулась ему, как сделала бы еще пару лет назад, не состроила сочувствующую гримаску, даже не подняла брови. Лицо у нее было взрослое и раздраженное, чужое.

– Мама спрашивает, во сколько мы будем, – сказала она. – Мне к зубному вообще-то завтра.

– Мне тоже интересно во сколько, – сказала Саша, не оборачиваясь. – Только мы вряд ли узнаем, пока не доедем.

Они часто теперь так разговаривали – не глядя друг на друга, просто подкидывая реплики в воздух, как будто адресат у этих реплик был еще не определен. Митя мог бы сделать вид, что слова предназначаются ему, и ответить, а то и пошутить, но сегодня сил на это точно не было никаких.

Ася защелкала по клавиатуре, подождала, пощелкала еще.

– Ну отлично, еще и телефон здесь не ловит, – сказала она и сползла по сиденью вниз, стукнула коленками в спинку водительского кресла.

Саша закусила губу и крепче сжала руль, и Митя быстро отвел взгляд. Вот и хорошо, вот и ладно, подумал он, завезем Аську и доругаемся дома. Голова трещала, во рту пересохло, спина была мокрая. Черт бы побрал эту жару, дачу и проклятое пиво. Он снова отвернулся и закрыл глаза.

Радио булькнуло в последний раз и умолкло.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 6 ИЮЛЯ, 23:19

Телефон потерял сеть и тут же начал разряжаться – 22 процента, 14 и, наконец, 8. Шнурок лежал в рюкзаке, но, чтобы воткнуться в зарядку на приборной панели, пришлось бы накло-

ниться вперед и попросить, выслушать еще один терпилин недовольный вздох. Вздохов этих Ася и так за два дня наслушалась достаточно.

Терпилой вторую папину жену назвала мама. Прозвище возникло не сразу, поначалу они звали ее просто «эта», без имени, а в «терпилу» она превратилась сравнительно недавно, и конечно, не для Асиных ушей. «Митя и эта его терпила», – говорила мама в телефонную трубку или подругам за вином, понижая голос. И все немного смеялись, понимая и по-взрослому, и Ася тоже.

«Когда будем не знаю», – написала она маме. «Пробка адская и жарко ужасно». Сети не было, сообщения зависли. «Я больше с ними не поеду», – дописала она уже просто так, в пространство, и швырнула бесполезный телефон на сиденье. Еще раз мстительно пихнула коленом спинку терпилиного кресла и стала смотреть в окно. Делать все равно было нечего.

Пробка не двигалась, машины стояли тесно, как вагоны бесконечного поезда. Справа от Тойоты замер черный матовый Порше Кайен, похожий на огромный кусок дизайнерского мыла, с двумя женщинами внутри. Обе тоже были шикарные, как их машина, в узких черных платьях. У них-то, наверное, прохладно внутри, в салоне, подумала Ася, духами пахнет и кожей. Может, даже холодильник есть какой-нибудь с просекко. Интересно, кто они – подруги? Сестры? И откуда едут? Быть не может, чтоб с дачи. У той, что сидела за рулем, были какие-то невероятные крупные кольца, а у ее соседки – прямая светлая челка и татуировка на плече, то ли бабочка, то ли птица. Ася чуть передвинулась и прижала нос к стеклу, чтобы рассмотреть рисунок, но тут светлая с челкой закричала вдруг что-то неслышное, замахала руками и, кажется, заплакала. Вторая, с кольцами, даже не шевельнулась, так и сидела, сжимая руль и глядя перед собой, равнодушная и спокойная, совсем как терпила. Теперь видно было, что она здорово старше первой; точно не сёстры. И скорей всего, не подруги.

Младшая из женщин вдруг повернулась, перехватила Асин взгляд и сердито вскинула средний палец. Лицо у нее в самом деле было зареванное и очень молодое, ноготь некрасиво обкусан до мяса. Ася отпрянула от окна и поспешно опять пересела налево.

Там оказалась пыльная патрульная машина с глубокой вмятиной вдоль борта. Через мутное водительское стекло она увидела толстяка в голубой рубашке с блестящим от пота лицом, а рядом – второго, тоже в форме, но помоложе, и дальше присматриваться не стала, не хватало еще разглядывать полицейских. Все остальное вокруг было такое же скучное: чумазая Газель «Напитки Черноголовки», полированный Лексус со спящим бородатым стариком, несвежее желтое такси, УАЗ Патриот с наклейкой «Спасибо деду за Победу», косо приклеенной поперек задней двери. И Ася собралась уже вернуться к интересным женщинам из Порше Кайен, как сзади вдруг обнаружился кабриолет. Ярко-красный, с раскосыми фарами и белоснежными диванами. Парочка в кабриолете тоже была как с картинки – плечистый красавец в льняной рубашке и длинноволосая загорелая нимфа. Вид у нимфы был скучающий, она сняла туфли и закинула ноги на приборную панель кабриолета. Непохоже было, что поза удобная, зато ноги правда были красивые, длинные и голые. Из патрульной машины, по-детски раскрыв рот, на них пялился молодой полицейский, и Ася поймала себя на том, что тоже пялится, и рассердилась окончательно. Снова откинулась на сиденье, еще раз проверила полумертвый телефон и приготовилась умереть от скуки.

В этот самый момент Газель с надписью «Напитки Черноголовки» тронулась с места, медленно покатила вперед и уткнулась носом в задний бампер желтого Рено Логан с шашечками вдоль борта. Из Рено выскочил таксист, темнолицый и маленький, как ниндзя, и с криком бросился к Газели, рванул на себя переднюю дверь и полез в кабину.

Заскучавшая пробка оживилась, предвкушая скандал. Нимфа из кабриолета подобрала ноги и привстала, чтобы лучше видеть. Ася поборолась с собой секунду, а потом опустила окно.

Газелист оказался такой же смуглый и низкорослый, но совсем молоденький. Он покорно дал себя вытащить и стоял теперь, сонно хлопая глазами. Вид у него был растерянный, как у человека, который проснулся только что и понятия не имеет, что сделал не так. Таксист схватил его за плечо и поволок к своей поврежденной машине. Увидев расколотый бампер, юный Газелист охнул, очнулся и дальше поступил неожиданно: вырвался и побежал, оставив на асфальте один из своих резиновых шлепанцев. Остолбенев на мгновение, свирепый маленький таксист нагнулся, зачем-то подобрал шлепанец и кинулся следом, продолжая ругаться на своем сердитом языке. Они скрылись за Газелью, а через мгновение появились снова, с другой стороны.

– Давай, джихад! – весело прокричал мордатый водитель УАЗа Патриот. – Лови его, уйдет!

Газелист был моложе лет на тридцать, но хромал на одну ногу, а таксиста гнала ярость, и в конце второго круга он настиг-таки свою жертву, прижал к борту Рено и замахнулся трофейным шлепанцем.

– Не смейте его трогать! – раздался вдруг женский голос, возмущенный и звонкий. – Немедленно уберите руки, вы слышите меня?

По проходу между машинами поспешно пробиралась невысокая полноватая женщина, лицо у нее было круглое, на щеках красные пятна. Перед собой она держала телефон, которым целилась в таксиста, и щелкала камерой, как будто стреляла на бегу.

– Ваш номер я тоже сфотографировала, – заявила она, задыхаясь. – И если вы сейчас же, сию минуту не отпустите мальчика, я вас без работы оставлю, даже не сомневайтесь в этом!

С этими словами она сунула телефон маленькому таксисту под нос и еще раз нажала на спуск. Сверкнула вспышка, таксист зажмурился. Слышно было, как он хрипло, со свистом дышит. Сейчас он ей же и врежет этим тапком, подумала Ася. Но женщине с телефоном это, очевидно, даже в голову не пришло, потому что она повернулась спиной и с отвращением огляделась по сторонам.

– Столько мужчин, – сказала она, – и ни один не вступился. Сидите тут, как в цирке. Убивать при вас будут человека, а никто даже из машины не выйдет.

– Да сами пускай разбираются, чурбаны, – сказал УАЗ Патриот, – и так их развелось. Вчера еще на ишаках ездили, ни правил не знают, ничего.

Женщина с телефоном смерила его взглядом, но ответом не удостоила и устремила к патрульной машине. Оба полицейских, старый и молодой, с одинаковой тоской следили за ней через запотевшее стекло.

– А вы-то что? – спросила она громко и постучала в искореженную дверь. – Это же ваша работа. Или вы только взятки годитесь собирать?

Маленький таксист оттолкнул своего пленника, швырнул на асфальт бесполезный кусок резины и пошел к УАЗу.

– Сам ты ишак, – сказал он по-русски, чисто и без акцента. – Я права получил, когда ты еще не родился, говно.

– Мы не ДПС, – сказал старший полицейский женщине с телефоном. – Мы авариями не занимаемся.

– Да ничем вы не занимаетесь, – сразу ответила она. – При чем тут аварии вообще, он же чуть не убил мальчика!

Все, включая таксиста, обернулись к Газели. Юный таджик подобрал уже свой шлепанец и шустро карабкался теперь назад, в кабину. Круглолицая женщина простерла руки и крикнула:

– Всё в порядке, не бойся! Не бойся, он ничего тебе не сделает!

Но, похоже, молоденький Газелист ее словам не поверил, а то и просто не понял, потому что захлопнул дверцу, спрятался за рулем и замер. Женщина с телефоном вздохнула и покачала головой, как человек, который сделал все что мог.

– Полиция, – прошипела она в сторону патрульной машины и пошла прочь.

Человека в наручниках с окровавленным разбитым лицом, лежащего на заднем сиденье, она так и не заметила.

Таксист присел на корточки возле лопнувшего бампера, дернул, выломал кусок пластика и понес к себе в машину, прижимая к груди, как младенца.

Старший полицейский откинулся в кресле, наблюдая за тем, как круглолицая истеричка усаживается в свой кругленький голубенький Пежо, вытер пот со лба и нашарил полупустую бутылку газировки. Отвернул крышку и сделал три больших глотка, потом протянул младшему. Тот принял ее, но пить не стал, с сомнением разглядывая мутное горлышко.

– Старлей, – позвал арестант с заднего сиденья. – Если ты не будешь, я бы глотнул, я небрезгливый.

Толстый капитан обернулся и быстро равнодушно ударил его кулаком по губам. Старлей скривился и отставил бутылку.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 6 ИЮЛЯ, 23:26

– Нет, это невозможно, полчаса уже стоим, – сказала Саша. Голос у нее был напряженный.

Митя открыл глаза. Пробка действительно не сдвинулась ни на шаг, духота стояла невыносимая, голова болела еще сильнее.

– Может, выйти посмотреть, что там? – спросила Ася. – Вон, все выходят.

Народу снаружи в самом деле прибавилось. Уставшие от долгого сидения в машинах, люди бродили теперь между рядами, негромко переговариваясь. То и дело кто-нибудь прикладывал ладонь ко лбу, вытягивал шею и вглядывался вперед, как будто и правда надеясь выяснить, в чем проблема, определить причину пробки.

– Да не на что там смотреть, – сказал Митя. – Тоннель длиной три с половиной километра, ничего мы отсюда не увидим.

– Ну правильно, давайте просто сидеть и ждать, – сказала Ася.

– Надо было утром выезжать, – сказала Саша, глядя перед собой.

Утром выехать не получилось, вспомнил Митя, потому что утро для него началось после полудня с бутылки пива, которую он выпил залпом прямо возле холодильника, стоя в трусах посреди чужой дачной кухни с забытыми на столе тарелками от завтрака. Это ведь даже не его была идея – ехать на эту дачу. И уж тем более – тащить с собой Аську. Но в том, что не выехали с утра, виноват был точно он.

– У меня интервью завтра в девять на Красных Воротах, – сказала Саша.

– Мама с ума там сходит, наверно, – сказала Ася.

Воздух снаружи оказался все-таки чуть свежее, самую малость. Митя с облегчением выпрямил спину, отошел на пару шагов и сделал ту же бессмысленную вещь, что и все, – вытянул шею и посмотрел вперед, к началу тоннеля, которого отсюда, разумеется, было даже не видно. Три плотных ленты машин могли запросто тянуться хоть до самого Кремля, а взгляда хватало только метров на триста, затем поток загибался, запертый в бетонных стенах, как вода в трубе.

– Ну, что там? – спросила женщина из Порше Кайен, опустив окошко.

И он обернулся уже, чтобы ответить: слушайте, мне-то откуда знать, – но глаза у нее оказались усталые и грустные, а сама женщина – очень, невероятно красивая, из тех, рядом с которыми сразу чувствуешь, что небрит и что майка на тебе вчерашняя, с мокрым пятном между лопаток.

– Авария, скорее всего, – сказал он. – Не волнуйтесь, скоро поедем наверняка. Мы в тоннеле, тут всё медленнее.

– Да какая авария, – встрял краснолицый здоровяк из Патриота, – аварию растащили б уже давно. Кортёж пропускаем, сто пудов. Едет опять членовоз какой-нибудь, а мы стоим.

– На Рублевке такое постоянно, – сказал загорелый красавец-Кабриолет, подходя, – нас однажды полтора часа вот так же продержали. Я давно уже там не езжу, проще крюк сделать, чем стоять.

– Крюк-то да, проще, конечно, – сказал Патриот и недобро глянул назад, на блестящий кабриолет с белыми диванами и полуголой нимфой. – Хотя как по мне, катались бы вы все по своей Рублевке и не мешали людям, которым на работу завтра.

– Мне вообще-то тоже завтра на работу, – сказал Кабриолет и задрал подбородок. – Я в шесть встаю каждый день, к вашему сведению.

А мне – нет, подумал Митя.

– Полтора часа? – с ужасом повторила женщина-Кайен, закрыла глаза ладонью и вдруг всхлипнула коротко и так горько, что Митя невольно подошел на шаг ближе и пригляделся.

– У вас случилось что-нибудь? – спросил он.

– Да не переживайте вы, – сказал Патриот. – Сейчас рублевских этих пропустим и поедем.

– Я не на Рублевке живу, – обиженно уточнил Кабриолет.

– Вот и стоишь тут со всеми, мутила, – сказал Патриот, веселея.

– Простите, – сказала женщина-Кайен, не отрывая узкой ладони от лица. – Мне просто правда надо домой. У меня был очень тяжелый день.

Вторая женщина, все это время молча сидевшая рядом с ней в пассажирском кресле, громко фыркнула, перегнулась через свою печальную соседку и стукнула по кнопке стекло-подъемника. Митя успел заметить только, что лицо у нее тоже измученное и заплаканное, потом окно поднялось и скрыло обеих.

– Жара еще эта, елки, – сказал Патриот с неожиданной тоской. – Никогда такого не было, чтоб три недели подряд под сорок. Как в Африке, блядь.

– И хоть бы кто двигатель выключил, – сказал Кабриолет сквозь зубы. – Нет, стоят, сука, дымят. Я все понимаю, кондиционеры, но мы-то без крыши, дышать нечем.

– Я выключил, – сказал Митя и вспомнил задранные Сашей окна. – У меня кондей не работает.

– А у меня вообще его нету, – сказал Патриот.

Помолчали. Пузатый Порше Кайен с двумя грустными женщинами внутри негромко тархтел рядом.

Дверь стоящего впереди УАЗа распахнулась, оттуда высунулась крепкая тетка в тесной ярко-розовой майке, очевидно патриотова жена, и смерила их неодобрительным взглядом.

– Времени двенадцать почти, – сказала она с вызовом, обращаясь как будто не только к мужу, но и к Мите с Кабриолетом, и все трое сразу виновато посмотрели на часы. – Дети, между прочим, без ужина! – заявила она.

– Мне руками тебе тут всех растолкать, что ль?.. – начал было Патриот, но жена его уже отвернулась и захлопнула дверцу. – Так, – сказал Патриот, оглядываясь по сторонам. – Ладно.

И решительно зашагал поперек рядов к патрульной машине, а Митя и Кабриолет потащились следом, движимые необъяснимым чувством вины перед голодными патриотовыми детьми и его сердитой женой.

Толстый капитан спал с открытым ртом, запрокинувшись в кресле, как человек, которому выстрелили в лоб. Даже во сне вид у него был недовольный, и, когда Патриот постучал в замызанное стекло и разбудил его, радости на капитанском лице не прибавилось.

– Слышь, мужики, – сказал Патриот с деланой бодростью, когда оба полицейских неприветливо уставились на него. – Чё там как, впереди, а? Пропускаем, что ль, кого?

– Мы не ДПС, – хмуро процедил капитан, повторяя сказанное недавно круглолицей женщине из Пежо.

– Не, ну может, по рации там спросить, – сказал Патриот. – У вас же одна с ними частота? Реально же сорок минут стоим.

– Мы. Не. ДПС, – раздельно проговорил капитан и поднял на него мутные со сна глаза.

И Митя вдруг рассердился – на хамоватого толстяка, на жару, на пробку, на весь этот бесконечный паршивый день.

– Слушайте, – начал он, – ну вам же самим, наверное, надо куда-то попасть. Давайте просто узнаем, что...

И тут он увидел, что на заднем сиденье патрульной машины лежит человек в испачканной кровью рубашке, со скованными руками и свежими ссадинами на лице, и осекся. Арестованный приподнял разбитую голову, взглянул на Митю и неожиданно подмигнул. Толстый капитан тем временем включил-таки рацию и поднес микрофон прямо к Митиному лицу, опасно растянув витой провод.

– На, спроси сам, – предложил он.

В динамиках захрипело, звуки сливались в бессмысленный однородный гул.

– Мы под рекой, – сказал капитан с удовольствием. – Там сверху метров двадцать воды и бетона еще метра три. Не работает здесь ни хрена.

– Может, я правда схожу? – спросил младший полицейский. – Посмотрю, что там. Я быстро!

Ясно было, что он говорит это не впервые и что ему тоже до смерти надоело торчать в душной машине с неприятным своим начальником и избитым арестантом.

Старший неторопливо уложил микрофон на место, свернул голову мятой бутылке газировки, плотнул, завинтил крышку обратно и только после кивнул, лениво и неохотно.

– Ладно, – разрешил он. – Но если поедет всё, я тебя тут ждать не буду, сам добирайся.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 6 ИЮЛЯ, 23:42

– Ну что, вы со мной? – нетерпеливо спросил молодой полицейский. – Давайте, чего вы. Минут за двадцать обернемся.

– Вообще-то нет, – сказал Митя. – Три километра – это минимум полчаса в одну сторону и полчаса обратно. Если быстрым шагом.

– А правда, парни, давайте сходим, – сказал Патриот. – Ну чего сидеть-то на жопе. Моя мне уже весь мозг проела.

– Пошли, – согласился Кабриолет. – Проветримся хотя бы. Только дайте мне минутку, – и отправился к своей лощеной машине объясняться с нимфой.

– Ага, – сказал Патриот, – а я водички захвачу. Жара, как в Ташкенте. – И пошел к УАЗу.

Митя обернулся к Тойоте. Снаружи жена и дочь похожи были на два манекена, которые за все время так и не шевельнулись и не заговорили друг с другом, и ему остро, как и молоденькому старлею, захотелось рвануть к началу тоннеля прямо сейчас. А если пробка вдруг тронется, пойти домой пешком.

– Мы тут решили сходить вперед, – сказал он, все-таки распахивая дверцу. – Узнать, что там и как.

Воздуха в машине не было совсем. Саша пожала плечами, не оборачиваясь. Ася раздраженно рылась в рюкзаке и голову не подняла.

– Постараюсь побыстрее, – сказал он. – Вы бы стекла опустили все-таки, дышать же нечем.

– Пивка бы щас холодненького, – сказал Патриот и безрадостно отхлебнул из поллитровки «Святого источника». – Всё воскресенье козе в трещину с этой дачей. Ну чё, пошли?

– Угу, – кивнул молоденький старлей, но с места не сдвинулся – он смотрел, как Кабриолет прощается со своей полуголой подругой; лицо у него опять было детское.

– Алё! – гаркнул Патриот. – Ну мы идем или где?

Из голубого Пежо тут же выглянула его круглолицая владелица, явно намереваясь пресечь какой-нибудь новый безобразный инцидент. Оглядев их одного за другим, она убедилась, что драки нет, но мрачная решимость с ее лица никуда не исчезла. Она протянула пухлый указательный палец, постучала молодого полицейского по плечу и спросила звонко:

– Долго еще это будет продолжаться?

Тот вздрогнул, виновато отвел глаза от нимфы и только тогда сообразил, что возмущает женщину-Пежо вовсе не его интерес к чужим загорелым коленкам.

– Сколько еще, по-вашему, мы будем вот так сидеть? – спросила она. – Совсем стыд потеряли – держать людей в тоннеле, посреди ночи, в духоте, и все должны ждать, пока проедет какой-то барин! Здесь дети, между прочим, они измучены и устали, им давно пора спать!

Старлей попытался отступить, но ее недовольный взгляд пригвоздил его к асфальту так же надежно, как если бы она схватила его руку. Он обреченно замер и увидел на заднем сиденье Пежо тучного мальчика лет одиннадцати, не по возрасту туго спеленутого в детском креслице. Измученным мальчик не выглядел. Повиснув на ремнях, он высунул язык и что-то сосредоточенно рисовал в блокноте, лежавшем у него на коленях. Щеки у него были круглые, совсем как у матери.

– Вы так и будете здесь стоять? – спросила мамаша-Пежо довольно нелогично, поскольку сама же не давала юному лейтенанту уйти.

– Послушайте, – начал Митя; старлея пора было спасать. – Мы как раз собирались пойти посмотреть...

– А что там смотреть, – отрезала мама-Пежо. – Смотреть они собрались. Пусть просто откроют проезд. Вот идите и скажите им, пусть откроют!

И наконец отвела глаза. Старлей тут же рванулся и с облегчением припустил прочь, к выезду из тоннеля. Патриот с подоспевшим Кабриолетом побежали следом.

– Ну зачем вы так, – сказал Митя. – Он-то здесь при чем.

Женщина не слушала его. Она обернулась к сыну, накрыла его ладонь своей и осторожно пыталась вытянуть у него карандаш.

– Ну всё, – сказала она совсем другим голосом, – всё, не надо, отпусти. Пожалуйста, милый.

Мальчик нетерпеливо дернул плечом, сбросил ее руку и продолжил рвать грифелем листы блокнота, слой за слоем. Никакого рисунка на бумаге не было, только черная бессмысленная мазня.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 7 июля, 00:12

Пробираться между рядами оказалось ужасно неудобно: машины стояли слишком тесно, и все время приходилось огибать то распахнутую настежь дверцу, то группу раскисших от жары и праздности водителей. Идея взять с собой старлея тоже себя не оправдала: вместо того чтобы расступаться, люди бросались к нему с расспросами, жалобами и проклятиями, и Мите начинало казаться, что без него они добрались бы гораздо быстрее. Хотя на то, чтобы уложиться в полчаса, в любом случае можно было не рассчитывать.

– Понастроили, сука, – просипел Патриот, – вот на хрена такие тоннели длинные делать?

Воду свою он давно выпил, пустую бутылку швырнул кому-то под колеса. Майка на нем промокла, лицо покраснело и отекло, как будто он только что вывалился из бани.

– Никто не думал, что по ним придется ходить пешком, – мрачно ответил Кабриолет.

После первого километра он тоже изрядно поблек: льняная рубашка прилипла к спине, мягкие мокасины покрылись пылью. Как выглядит он сам, Митя старался даже не представ-

лять. Пить хотелось страшно, в ушах стучало. Чертов тоннель действительно казался теперь бесконечным – длинная тесная кишка, набитая автомобилями, возмущенными людьми и выхлопными газами. А потом ведь еще возвращаться, подумал Митя с тоской, и главное, смысла ведь все равно нет никакого. Ну доберемся мы и увидим, что там чудовищная какая-нибудь авария с трупами, разлитое масло и хлещущий бензин. Или в самом деле очередной свинский кортеж, ради которого перекрыли трассу. От того, что мы выясним, в чем дело, ничего же не изменится и дурацкий мальчишка в форме никак нам не поможет. Нас просто отправят назад, чтоб не мешались под ногами, и мы потащимся гребаных три километра в обратную сторону.

– Ну отлично, – пропыхтел Патриот, вскинув к носу запястье. – Понедельник начался.

– Может, вернемся, а? – предложил Кабриолет и остановился. – Прикиньте, сейчас поедет всё. Нас же в лепешку раскатают, тут даже тротуара нет.

– Не, ну глупо как-то, – сказал старлей неуверенно, – а чего мы скажем-то?

– Да так и скажите – зассали, – сказал Патриот. – Валите, девочки, без вас разберемся. Да, Очки? – и уложил тяжелую мокрую лапу на Митино плечо.

Очками Митю в последний раз называли в школе, лет в двенадцать, и сильнее всего ему хотелось бы скинуть сейчас патриотову ладонь и в самом деле повернуть обратно, но идти оказалось некуда. Даже короткой этой заминки хватило, чтобы харизма полицейской формы сработала в очередной раз и вокруг мгновенно собралась небольшая, но очень напряженная толпа. Смотрели, конечно, на старлея, и смотрели нехорошо.

– Когда поедет? – спросил кто-то.

– Совсем охренели уже! – раздалось откуда-то сзади.

– Сколько можно! – жалобно закричала женщина из переполненного пассажирского автобуса. – Стоим тут, как в скотовозке!

– Я извиняюсь, – говорил какой-то дочерна загорелый дядька в спортивных штанах, пробираясь вперед. – Поезд у нас с Киевского через сорок минут, впритык уже, не опоздать бы. Может, это, можно как-нибудь? А, лейтенант?

– Да не знаю я ничего, – простонал измученный старлей. – Дайте пройти...

Он опустил голову и попробовал просочиться – осторожно, боком, но толпа сомкнулась и загудела, закричали запертые в автобусе пассажиры, а какой-то некрупный старичок даже повис у него на рукаве:

– Нет, постойте! Нет, вы ответьте сначала!.. Я ветеран труда!

Старлей дернулся, рукав затрещал, старичок вцепился крепче и стал похож на таксу, которая тащит из норы лису. Патриот прищурился и потянулся к нему. Загорелый дядька, резко омрачившись, перехватил его руку.

– Мы полгода дома не были, слышишь? – сказал он уже безо всякого дружелюбия. – Билеты есть, всё есть, уехать бы с вашей Москвы!

Из обшарпанного синего минивэна к нему на помощь выбирались такие же крепкие, сожженные солнцем дядьки, человека четыре или пять.

– А кто тебя звал-то, – зарычал Патриот, – сидел бы в Хацапетовке своей, – и качнулся навстречу.

Они сцепились и замерли, два одинаковых сердитых здоровяка. Зажатые между ними старлей и седенький ветеран труда синхронно, как по команде, обмякли. Кабриолет стоял бледный и почти не дышал. Прекрасно, подумал Митя. Сейчас нас еще и отлупят.

Но драки не случилось. Тонированное стекло стоящего через ряд длинного представительского Мерседеса опустилось, и холодный начальственный голос повелел:

– Немедленно прекратите бардак.

Голос был женский и даже не очень громкий, но властную уверенность, в нем звучавшую, все узнали безошибочно: так говорят чиновницы, школьные завучи, судьи и налоговые инспек-

торши. Интонация эта возражений не предполагала, а напротив, сулила неминуемое возмездие и потому подействовала в равной степени и на Патриота, и на шестерых его загорелых противников, которые сразу как-то сдулись и поскущнели, а в особенности – на молоденького старлея, который вздрогнул и даже попытался одернуть рубашку прямо вместе с повисшим на ней старичком.

Окно плавно поехало вверх, словно этой короткой репликой инцидент был исчерпан, и Митя успел разглядеть только, что владелица неприятного голоса в машине не одна – за ее спиной в сумрачном салоне Мерседеса мелькнул сухой желтоватый профиль, золотые очки и брезгливый тонкий рот, а потом зеркальное стекло закрылось и всё исчезло. Но через мгновение тяжелая дверца распахнулась, женщина выбралась из машины, с равнодушным неодобрением оглядела разнородную толпу, как школьников, попавшихся с сигаретой в туалете, и, очевидно, сразу потеряла интерес ко всем, кроме лейтенанта.

– Ну и что здесь происходит? – спросила она, обращаясь только к старлею, скрестила руки на груди и ждала ответа, как человек, убежденный, что объяснения последуют незамедлительно.

Несмотря на усталый взрослый голос, она оказалась довольно молодая, лет тридцати пяти, максимум – сорока. Крупная, с короткими светлыми волосами и тяжелым лицом женщины, которая знает, что некрасива, и не собирается этого скрывать. Дорогой брючный костюм – скорее атрибут статуса, чем кокетливый аксессуар, – сидел на ней внатяг.

– Э, – начал старлей и умолк, явно ожидая поддержки.

– Поезд у нас с Киевского, – тут же предложил один из здоровяков.

– Час уже стоим! – крикнули из автобуса.

– Я ветеран труда, – пожаловался старичок.

Вероятно, чиновничья харизма все-таки оказалась мощнее полицейской, потому что о взмокшем измочаленном старлее немедленно забыли. Требования и жалобы посыпались было снова, адресованные теперь только женщине из Мерседеса, но она скривилась и подняла руку, как дирижер, утомленный плохо сыгранным оркестром, и в наступившей почтительной тишине задала молодому лейтенанту еще один вопрос:

– То есть информации у вас нет, правильно я понимаю?

Старлей виновато замотал головой.

– А где ваша машина?

Он махнул рукой куда-то в хвост бесконечной колонны.

– Так, – сказала женщина-Мерседес. – Значит, вот что нужно сделать...

Но договорить не успела, потому что слова ее перекрыл какой-то новый шум, необъяснимый и сложный, как будто составленный из множества отдельных звуков. Досадливо хмурясь, она огляделась, ища источник, который явно находился где-то впереди, у выезда, а следом прислушались и все остальные – и те, кто стоял в проходах, и сидящие в машинах, и, наконец, даже запертые в автобусе пассажиры. По рядам замерших автомобилей прошла едва заметная рябь, какая бывает перед тем, как пробка тронется с места. Захлопали дверцы, заурчали двигатели, вспыхнули габаритные огни. Шестерка донецких строителей резво грузилась в синий минивэн, старенький ветеран труда припустил к своей Ладе Калина.

– Поехали, что ли? – нервно спросил Кабриолет. – Черт, говорил же я...

– Погоди, – сказал Патриот.

Оба они, как и все остальные, смотрели вперед и мотоцикл увидели одновременно. Вернее, сначала в кривую трубу тоннеля ворвался визг покрышек и пронзительный рев мотора, а потом уже выпрыгнул он сам – стремительный, хищный, ярко-желтый, с затянутым в кожу седоком, – и понесся прямо на них, опасно кренясь и лавируя между тесными рядами автомобилей, сдирая краску с бортов и ломая зеркала. Не обращая внимания на вопли владельцев пострадавших машин, он мчался – и это было совершенно необъяснимо – в обратную сторону,

к въезду. Секунда – и он исчез, растворился в бетонной кишке, а следом с небольшим опозданием втянулся и звук мотора, и на мгновение воцарилась потрясенная тишина. А потом женщина из автобуса закричала:

– Ой, смотрите! Смотрите, там!..

ПОНЕДЕЛЬНИК, 7 июля, 00:23

Людей было много. Они хлынули из-за того же поворота, что и желтый мотоцикл, и сразу заполнили все пространство между рядами, как вода в трубе. Сначала казалось, что они бегут молча, но скоро стало ясно, что этот невнятный далекий гул, возникший пятью минутами раньше, и есть они, состоит из топота ног, дыхания и множества голосов. Издалека слов еще нельзя было разобрать, но захваченный волной кусок тоннеля метр за метром оживал и вскидывался, как флешмоб на спортивной трибуне. Люди выскакивали из машин, тащили вещи, подхватывали на руки детей и вливались в поток, одновременно и замедляя его, и усиливая.

Как ни странно, никто из наблюдавших за приближением толпы почему-то не двигался с места, словно прежде, чем поддаться панике, нужно было дожидаться хоть какого-то объяснения, увидеть источник своими глазами. Лица были одинаковые – растерянные и пустые, страх не успел пока на них проявиться, потому что импульс еще не передался, как будто действовал только на близком расстоянии. Именно с такими лицами, наверное, смотрят на атакующую армию, подумал Митя, удивляясь этой спокойной мысли. Или на цунами. Когда на тебя летит волна высотой с пятиэтажный дом, бежать все равно уже поздно, можно только смотреть.

– Что там, господа, пожар, что ли? – вдруг спросила какая-то женщина.

И тогда только морок рассеялся. Оцепенение спало, и первыми закричали люди в автобусе, затолкались и забегали, раскачивая тяжелую машину, застучали в стекло водителю. Наконец двери с шипением распахнулись, и четыре десятка освобожденных пассажиров высыпались наружу и заметались, пугая остальных.

– Пожар! – жалобно причитала женщина. – Сгорим же сейчас!

– Вода, вода пошла, мы ж под рекой! – подхватил другой голос.

Распахнулась одна дверца, за ней другая, и тесное пространство между автомобилями сразу вдруг заполнилось. Ни дыма, ни воды видно не было, и настоящий повод для паники по-прежнему оставался неизвестным, но после первого выкрика он стал уже не нужен. Кто-то волок сумки из багажника, кто-то сражался с застежками детского кресла, вытаскивая рыдающего младенца, рассыпался чей-то мешок с продуктами, и все кричали одновременно и неразборчиво. Но времени не осталось – толпа добралась и налетела с ревом и топотом, как вражеская конница, и две неравных группы людей столкнулись и перемешались. Сшиблись, топча друг друга, оскальзываясь на раскатившихся яблоках – не нарочно, а просто потому, что бегущие от начала тоннеля заразились страхом давно и к тому же знали реальную его причину, а те, кто попался им на пути, испугались только что и не успели еще взять нужный разгон.

Митя прижался спиной к горячему боку автобуса. В голове по-прежнему было пусто, почему-то подумалось только, что борт, наверное, очень грязный и майку придется выбросить. Он шагнул вперед, но его тут же толкнули в плечо, потом еще раз, под ноги ему попался растоптанный пакет с продуктами, он споткнулся и упал на колени, думая: очки, сейчас раздавят очки, – и едва успел поймать их, сжал в кулаке. Кто-то подхватил его под мышки, втащил за автобус и рывком поставил на ноги. Он вернул очки на место и увидел прямо перед собой красного мокрого Патриота, а за широкой патриотовой спиной – женщину-Мерседес и молоденького старлея. Кабриолета с ними не было.

– Спасибо, – сказал он хрипло.

Они стояли в узком промежутке между широкой мордой автобуса и Ладой Калиной, в которой не было уже никакого старичка, а только распахнутый багажник с какими-то пест-

рыми тряпками, приоткрытая водительская дверца и в подстаканнике – цветастый термос без крышки, над которым еще поднимался пар.

– Так, – снова сказала женщина-Мерседес, а потом наклонилась вперед, вытянула руку и схватила одного из бегущих, щуплого человечка с пластиковой кошачьей переноской, которую он крепко прижимал к груди, и выдернула из толпы. – Что там случилось? – спросила она.

– Пустите! – закричал человечек и рванулся, пытаясь освободиться, но переноска мешала ему. Внутри отчаянно орал крупный белый кот.

– Я не отпущу, пока вы не скажете! – прокричала женщина-Мерседес. – Что! Там! Случилось?

– Господи, да не знаю я, – простонал человечек. – Там двери закрылись, понимаете? Огромные такие двери! И машину раздавило, прямо в лепешку! Нас заперли, понимаете? Да пустите же меня!

Он дернулся еще раз, вырвался наконец и исчез. Патриот обернулся к Мите, лицо у него было дикое.

– Чё ты стоишь-то?! – заорал он. – Давай, побежали!

И нырнул в поток. Все так же ничего не соображая, Митя послушно набрал воздуха, как перед прыжком с вышки, и бросился следом.

– Эй, – крикнул старлей, – подождите меня! – И шагнул было вперед, собираясь с духом, но женщина-Мерседес опять протянула крепкую руку и вцепилась ему в воротник. В самом деле схватила за шкирку, как щенка, и дернула.

– Куда, – сказала она. – А ну стоять, лейтенант.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 7 июля, 00:32

Ася поправила под головой рюкзак и в который раз попыталась лечь поудобнее. Повернулась на левый бок, потом на правый и уперлась носом в душную спинку кресла. Ноги затекли, заднее сиденье Тойоты было слишком короткое, а рюкзак жесткий. Терпила замерла за своим рулем как прибитая. Вообще ни разу, кажется, не пошевелилась. Заснула, что ли? Или ее, например, хватил тепловой удар. Папы не было уже больше часа, и за этот час Ася не сказала Терпиле ни слова. Не просила воды, не кланчила зарядку для телефона. Зато она давно уже открыла оба своих окна, справа и слева, рассмотрела все соседние машины и подслушала все разговоры. Благодаря общительной тетеньке из Пежо, которая пробежалась между рядами и допросила всех, она знала теперь, что красивые женщины из Порше Кайен не подруги и не сестры, а вторая жена и дочь человека, который умер два дня назад, терпеть не могут друг друга и как раз возвращаются с похорон. Что бородатый старик в Лексусе – какой-то важный поп, а у тетки в УАЗе дерутся и ноют двое детей, и она уже отвесила каждому по затрещине (с этим женщина Пежо категорически не согласилась и завела было пылкую речь, которую тетя из УАЗа довольно неделикатно прервала, захлопнув дверцу у нее перед носом). Что длинноволосая нимфа из кабриолета не умеет водить машину, так что, если пробка сдвинется раньше, чем вернется ее щёгольский папик, она так и останется сидеть тут, как дура, и все будут гудеть и орать на нее, хотя она-то как раз говорила, что ходить никуда не надо, а он еще и ключи зачем-то забрал, хотя чего забирать-то, когда водить она все равно не умеет.

Нимфины многословные жалобы нагнали тоску даже на неутомимую женщину-Пежо; слышно было, как она поспешно сворачивает разговор и отступает, явно собираясь найти новую жертву. Из ближайших соседей остались только толстый полицейский, сердитый маленький таксист и не говорящий по-русски водитель Газели, так что, когда круглое лицо в крашенных кудряшках появилось в окне Тойоты, Ася не удивилась.

– Привет, – сказала женщина-Пежо, широко улыбаясь. – Безобразие, конечно, что нас держат так долго, да? Хотя чего от них ожидать, в этой стране люди всегда мусор. Вы как тут, всё в порядке? Если что, у меня есть вода. Правда, совсем немного и негазированная, это

детская вода, там специальная очистка, очень сложная, у меня сын пьет только эту, другую ему нельзя...

– Спасибо, – сказала Терпила. – У нас все хорошо, ничего не нужно.

Смотри-ка, не умерла, подумала Ася, надо же.

– Какая славная у вас дочка, – сказала мама-Пежо, хищно оглядела Асю и просунулась поглубже внутрь Тойоты. – На вас похожа. А мужчина в очках – это муж, да? Что-то их давно нет, пора бы им вернуться. Сколько можно идти два километра? Или сколько тут, три? Вроде молодые, крепкие мужчины. Хотя, конечно, куда им торопиться, да? Может, они разговорились просто, стоят где-нибудь. Им ведь все равно, что детям давно пора спать, а мы...

– Вы простите меня, пожалуйста, – перебила Терпила сухо. – Но я правда ничего не знаю. Мы просто сидим и ждем так же, как и вы.

Надо было отдать ей должное, она всегда умела срезать на подлете, причем не повышая голоса. Ей даже не пришлось оборачиваться. Улыбка женщины-Пежо увяла, она вынула голову из окна и выпрямилась. На секунду Ася задумалась, не подбросить ли ей реплику-другую, просто чтобы позлить Терпилу. Можно было бы, например, сказать, что вообще-то Терпила ей никакая не мама. Ну или взять и попросить этой особенной детской воды и проверить, готова ли улыбчивая тетенька-Пежо в самом деле ею поделиться. Но на часах была половина первого, жара стояла адская, согнутые в коленях ноги болели, и сильнее всего ей сейчас хотелось домой. Просто домой, и все. Никогда больше с ними не поеду, повторила она мысленно себе и маме, легла на спину и закрыла глаза. Теперь точно никогда.

Седой священник в Лексусе вытер платком лоб и включил кондиционер посильнее. С трудом выпрямился в кресле и заглянул в зеркальце заднего вида. Оттянул пальцем нижнее веко, вздохнул, высыпал в ладонь горсть разноцветных таблеток и закинул в рот.

«Всем машинам» – вдруг отчетливо рявкнуло радио в патрульном Форде, и два разморённых жарой человека, толстый капитан и его закованный в наручники арестант, разом вздрогнули и проснулись. «Обеспечить» – булькнуло радио и смолкло. Капитан раздраженно pokrутил ручку настройки, но сделал только хуже: сигнал пропал совсем, и в эфире остался только безжизненный хруст. Он посмотрел на часы, выругался вполголоса, потянулся к бутылке газировки и вылил себе в рот последние теплые капли.

– Не выйдет у тебя ничего, – лениво сказал человек в наручниках и зевнул. – Адвокату позвоню утром, и такое начнется. Правозащитники, пресса. Пикеты у вас будут перед отделением. А лейтенант твой, кстати, все видел, не станет он ради тебя врать. Ты сам меня завтра домой повезешь и еще извиняться будешь. А может, и уволят тебя, кстати.

Капитан скомкал пустую бутылку и швырнул на сиденье отсутствующего старлея.

– Я тебя поймал, – сказал он. – И я тебя посажу. И срать мне на твои пикеты.

Он откинулся в кресле, снова закрыл глаза и начал уже снова погружаться в дремоту, как вдруг сонную тишину разрезал пронзительный звук мотора. Капитан нахмурился, приоткрыл дверь и высунулся в проход между машинами. Через две секунды, чуть не сбив с ног круглолицую истеричку из Пежо и едва не снеся капитану голову, мимо промчался желтый спортивный мотоцикл.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 7 июля, 00:36

Без людей забитый автомобилями участок тоннеля был похож на разграбленный супермаркет. Распахнутые багажники, тут и там невыключенные фары, разбросанные по асфальту сумки и растоптанные яблоки. Негромко урчали три-четыре забытых двигателя, где-то заунывно тренькал сигнал открытой двери. Прямо «Марсианские хроники», подумал начитанный старлей. Они вот-вот уже добегут, еще минут пять, десять – и доберутся до выхода на той стороне. А он за каким-то чертом остался, вообще непонятно зачем. Просто потому, что она его не отпустила, эта неприятная посторонняя баба.

– Ну что, лейтенант, – сказала женщина-Мерседес. – Пошли посмотрим, что там.

– Мне вообще-то вернуться надо, – ответил он неприязненно. – Доложить. Меня за этим сюда послали.

– И о чем вы собираетесь докладывать? – холодно спросила она. – Вы ведь ничего не видели сами. Что из этого правда, по-вашему, – пожар или потоп? Или двери бетонные и... что там еще – раздавленная машина? Прежде чем докладывать, лейтенант, надо знать наверняка, вас что, не учили? Так что хватит болтать, идемте. Теряем время.

И, не дожидаясь ответа, пошла вдоль ряда брошенных машин, стуча крепкими каблучками.

– Старший, – сказал он ей в спину, хотя знал уже, что подчинится и потащится сейчас следом, как будто она в самом деле имела право командовать. Как будто у него без этой суки из Мерседеса мало было начальников. – Старший лейтенант.

Она даже не обернулась.

– Подождите! – позвали сзади, а потом из кабины автобуса выбрался Кабриолет, бледный и изрядно потрепанный: на льняной рубашке не хватало пуговиц, на лбу багровела ссадина. – Я с вами.

Проход между автомобилями был узкий, так что идти пришлось гуськом, след в след, то и дело переступая через пакеты, пластиковые бутылки и прочий мусор. Женщина-Мерседес чеканила шаг, как кремлевский курсант, задавая скорость, и попевать за ней было непросто. Даже не запыхалась, подумал старлей с ненавистью, гребаный Терминатор. Где их только берут таких. Кабриолет тревожно сипел ему в затылок, наступал на ноги и наконец споткнулся, боднул старлея между лопаток и едва не повалил их обоих. Хрустнуло еще одно свернутое зеркало.

– Слушайте, – сказал старлей и оглянулся. – Шли б вы обратно, а? Девушка ваша там заждалась, наверно. Ладно мы, а вам-то чего здесь надо?

Кабриолет не ответил, просто замотал головой. Кажется, он даже не услышал. Лицо у него было пустое и напряженное, как у человека, который вынырнул из воды, уцепился за борт чужой лодки и, даже если его начнут сейчас бить веслом, пальцы не разожмет. Да ты испугался, подумал старлей с неожиданным удовольствием. Смотри-ка.

– Время! – рявкнула женщина-Мерседес. – Не отставать, лейтенант!

В полутора километрах позади, в эпицентре несущейся к выходу толпы оглохший уже и почти ослепший Митя перепрыгнул, а скорее перевалился через упавшего человека и не заметил даже, мужчина это или женщина; просто понял, что наступил на руку, на чью-то живую мягкую руку, и подумал: всё, не могу больше, не могу.

– Андрей! – кричали рядом. – Андрюша!

Его толкнули в спину, он оступился еще раз, потерял равновесие, и тоже приготовился упасть, и почувствовал даже что-то вроде облегчения, но Патриот завопил у него над ухом:

– Вон там наши! Катя, Катька, я сейчас! Не выходи! – и понесся вперед, как боевой слон.

Митя поднял голову и действительно увидел шагах в двадцати пыльную морду УАЗа, знакомый Порше Кайен, застывшую между ними круглолицую женщину-Пежо с таким же круглым открытым ртом и толстого капитана, с неожиданной прытью вылезающего из патрульной машины.

Он добрался до Тойоты и рванул дверь на себя, и Саша сразу подняла на него глаза, почерневшие от страха. Мимо промчался Патриот с заспанным мальчишкой лет шести под мышкой, следом бежали его жена и дочь в одинаковых розовых майках.

– Всё, Очки, – крикнул он, – дальше сам!

Митю еще раз толкнули – распахнутая дверь мешала потоку. Он уперся плечом и вытащил их из машины, сначала одну, потом другую, коротко пожалел, что Аська слишком уже

большая и нести ее не получится, крепко схватил обеих за руки и потащил за собой. Среди бегущих он увидел красивую женщину-Кайен и ее сердитую спутницу, маленького таксиста из Рено и юного водителя Газели. Впереди всех легко, как антилопа, неслась голоногая нимфа из кабриолета, скинувшая свои высоченные каблуки. Прежде чем знакомый участок тоннеля остался позади, он успел еще краем взгляда заметить женщину-Пежо, которая бросилась наперез толстяку-капитану и повисла на нем, обхватила руками, как раздутый спасательный круг.

– А ну, пусти! Пусти, говорю, охренела? – отбивался капитан, но проклятая баба вцепилась намертво и не давала ступить ни шагу.

– Вы должны! – кричала она прямо ему в лицо. – Должны мне помочь! У меня сын, он не ходит сам!..

Вид у нее был бешеный, как будто она вот-вот схватит его зубами за щеку, и на мгновение капитан провалился в далекое лето у бабушки под Воронежем, вспомнил шелестящие липы, разом опустевшую деревенскую улицу и себя, десятилетнего, оскаленную мокрую собачью морду, мутные глаза и пену из пасти и свои детские беспомощность и ужас.

Он подчинился и пошел против течения к голубой машинке, где из багажника торчала сложенная инвалидная коляска, и все время, пока мама-Пежо открывала заднюю дверцу и сражалась с ремнями на детском кресле, второй рукой она крепко держала его за локоть, чтобы не дать ему передумать.

– Вы так и будете стоять? – крикнула она. – Скорее, ну!

Увидев вместо матери краснолицего незнакомца, мальчик испугался и завопил. Капитан схватил тяжелого одиннадцатилетку на руки и понес, чертыхаясь.

Человек в наручниках, забытый на заднем сиденье патрульной машины, с трудом сел и ударил в запертую дверь плечом – раз, другой.

– Эй! – крикнул он. – Эй, капитан!

Потом снова опрокинулся на спину и принялся лупить по двери ногами.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 7 июля, 00:42

Человечек с кошачьей переноской не соврал, и в начале тоннеля не обнаружилось ни дыма, ни огня, ни воды, ни даже полицейского кордона. Там, где раньше был выезд в город, сомкнулись теперь грубые бетонные ворота с гигантскими цифрами 0-61, нанесенными масляной краской на створках. На электронных табло контроля скорости, подвешенных у свода, мигали красные надписи «СТОП», а поперек рядов, метрах в десяти перед бетонным барьером, опустилась массивная металлическая решетка. Вероятно, решетка эта падала быстро, потому что закрылась не до конца – под ней застрял оранжевый Фольксваген Гольф. Тяжелая сварная рама перерубила маленькую машину почти пополам, смяла крышу и выдавила стекла. Из-под вывернутых колес натекала черная масляная лужа.

Кабриолет подошел к Фольксвагену и попробовал приподнять искореженную багажную дверцу, но кузов перекосило и она не двигалась. Внутри лежали пара спортивных сумок, желтый пластиковый чемодан и теннисная ракетка. Он вытащил чемодан, отставил в сторону, забрался в багажник и заглянул в салон. И сразу же полез обратно. Похоже было, что его сейчас вырвет.

– Не понимаю, – сказал старлей. – Откуда здесь гермодвери? Это же не метро.

– Что такое гермодвери? – спросила женщина-Мерседес.

Старлей удивился.

– Вы что, книжек не читаете? – спросил он. – Ну, гермодвери. Чтоб не пропускать воду, газы и радиоактивную пыль. Да вся фантастика сейчас про это. Метро – идеальное убежище на случай катастроф, там можно даже ядерную войну переждать.

– У меня нет времени на беллетристику, – сухо сказала женщина-Мерседес. – К тому же идея довольно идиотская, воздух в метро попадает не через двери. Или эти штуки, по-вашему, тоже отсекают радиоактивную пыль?

И ткнула пальцем вверх. Старлей задрал голову и заглянул в жерло огромной, подвешенной к потолку воздушной пушки, похожей на самолетную турбину. Внутри вращались тяжелые лопасти, подавая воздух с поверхности. Он отвернулся и почувствовал, что краснеет. Этим вопросом он действительно никогда не задавался.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 7 июля, 00:47

Человек в наручниках с трудом переполз наконец на переднее сиденье патрульной машины. На его счастье, руки ему сковали спереди, а не за спиной и водительская дверь оказалась не заперта. Он быстро распахнул ее, но задумался на мгновение и открыл бардачок. Ничего полезного внутри не оказалось: бумажки, стопка пожелтевших салфеток из «Бургер Кинга» и мятая пачка сигарет. Он выбрался наружу и огляделся.

Вокруг никого уже не было, и только в блестящем Лексусе через ряд сидел какой-то бородастый старик. Вид у него был больной и сонный. Человек в наручниках поднял скованные руки, улыбнулся и помахал старику, а потом захромал прочь, к въезду, и скрылся между рядами.

В эту же самую минуту бегущим далеко впереди тоже стало легче – последняя треть тоннеля оказалась пуста, плотные ряды автомобилей наконец закончились, толпа рассыпалась и сразу начала замедляться, словно причиной паники были именно тесно стоящие машины. Как будто теперь, когда впереди развернулись три широких полосы чистого сухого асфальта, кричать и толкаться стало неловко. Свободные полкилометра, оставшиеся до въезда, вместили пять с лишним сотен людей легко, всех разом и очень вовремя, потому что, когда первым рядам двигаться стало некуда, задние уже не напирали и давки не случилось. Но бежать – и это увидели все одновременно – действительно было некуда.

Длинная трехкилометровая труба оказалась запечатана с обеих сторон, и высоченную арку так же, как на выезде, перекрывали теперь массивные ворота из грубого ноздреватого бетона, только цифры были другие: о-бо, и такая же торчала перед ними тяжелая стальная решетка. Прутья были толстые, как канаты.

– Черт знает что такое, – сказал кто-то.

– Ну хоть не пожар, – отозвался другой голос. – Хотя что-то мне подсказывает, на работу мы точно опоздаем.

Как ни странно, послышалось даже несколько смешков. И вообще, подумал Митя, лица вокруг были скорее озадаченные и смущенные, как будто не эти люди бежали только что, сбивая друг друга с ног, как бессмысленное перепуганное стадо. Как будто об этой унижительной вспышке страха срочно нужно было забыть. По крайней мере, его причина наконец материализовалась, обрела конкретную форму. Ну ворота. Да, неясно, кто их закрыл, и зачем, и надолго ли, но никакой немедленной опасностью эти бетонные створки точно не угрожали. Огонь, вода или какой-нибудь обвал с камнями были бы гораздо хуже, стихия всегда пугает сильнее, потому что с ней нельзя договориться. А вот двери со скучными цифрами точно были кем-то задуманы, приготовлены заранее, и за этим определенно стояла чья-то воля, которую можно было разгадать, понять логику. И все-таки откуда они взялись, эти ворота? И когда откроются? Ася и Саша молча стояли рядом, руки у обеих были очень горячие.

– Так, а ну-ка, – хмуро сказали сзади. – Дайте пройти.

Толпа послушно зашевелилась, расступаясь. Митя оглянулся и узнал мордатого капитана, который часом раньше с таким же недовольным видом процедил сквозь зубы «мы не ДПС», а потом отправил молоденького старлей к началу тоннеля проверять, в чем причина пробки. На руках у него неловко, как тяжелая кукла, повис щекастый мальчик из Пежо. Похоже

было, что он заснул, ноги у него болтались, голова свесилась набок, но стоило капитану сделать шаг, и мальчик тут же забился, замычал и боднул его макушкой в подбородок.

– Ему не нравится, как вы его держите, – сказала мама-Пежо, хватая толстого капитана за локоть. – Не надо так прижимать, вы пугаете его!

Капитан зажмурился и замер, как человек, который мысленно считает до десяти. Примерно на счете «два» он нагнулся, решительно опустил свою ношу на асфальт и начал пробираться вперед, к воротам. Мальчик тут же закачался и захныкал громче, новое положение явно нравилось ему не больше прежнего. Мать опустилась рядом с ним на колени, но не обняла, только погладила по ноге – осторожно, как будто эта пухлая детская нога в синих джинсах была сделана из стекла, – а потом подняла голову и сказала громко:

– Пожалуйста, отойдите немного все. На пару шагов, прошу вас, он боится незнакомых.

Места в самом деле оказалось достаточно – и для того чтобы пропустить вперед сердитого полицейского, и чтобы не нависать над ребенком и его мамашей. Все взгляды теперь были прикованы к капитану, которому каждый шаг, отделявший его от женщины из Пежо, возвращал прежнюю важность. Казалось, он даже становится выше ростом.

К огромной стальной решетке он подошел уже не спеша, задрал голову и неодобрительно оглядел ее сверху вниз. Затем взялся за толстые прутья и подергал – раз, второй, – и наконец стукнул решетку ногой.

– Откройте, милиция, – сказали в толпе.

В задних рядах захихикали.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 7 июля, 00:49

– Наверно, они рванули в последний момент, – сказал Кабриолет. – Стояли, как все, на красный, а потом ворота начали закрываться, и они решили, что успеют проскочить, и рванули. И тут на них упала эта штука. Нет, нормально вообще – людей решеткой давить? Надо поснимать тут все, пока не растащили, есть телефон у кого-нибудь? Я свой в машине оставил.

Он стоял теперь метрах в десяти и нервно щелкал ручкой спасенного чемодана. Лицо у него было бледное, но голос звучал немного бодрее.

Старлей присел на корточки рядом с решеткой и уперся плечом, потянул вверх. Тяжелая рама даже не дрогнула.

– Вы ведь не рассчитываете, что сможете ее поднять? – язвительно спросила женщина-Мерседес. – В одиночку, голыми руками?

Кабриолет перестал мучить чемодан, подошел и схватился рядом. Видно было, что чертова баба тоже до смерти ему надоела. С полминуты они толкали и дергали вдвоем, потом Кабриолет выпрямился и отряхнул ладони.

– Не, без толку, – сказал он. – Сфотографировать надо. Для родственников, а то наврут им с три короба, не докажешь потом ничего. Тут знаешь какой иск можно вкатить, найдешь их по своим каналам, они тебе спасибо...

И не договорил, потому что в кабине Фольксвагена что-то шевельнулось, кто-то заворочался там и застонал, и оба они, старлей и Кабриолет, тут же отступили на шаг, испытывая одинаковый ужас, как будто именно их бесполезная возня с решеткой и причинила страдание невидимому человеку внутри, и, если больше не трогать ее, не раскачивать корпус изуродованной машины, это страдание прекратится.

Не надо, подумал старлей, не хочу смотреть.

Но искореженная водительская дверь уже захрустела, открываясь, посыпались осколки стекла, и на асфальт вывалился человек. Неловко упал на бок, болезненно охнул, замер на мгновение, и почти сразу зашевелился снова, и наконец с трудом сел. Он оказался совсем молодой, от силы лет двадцати, почти мальчик. Из носа у него шла кровь, лицо было разбито – скорее всего, подушкой безопасности, которая обмякла внутри Фольксвагена, как лопнувший

белый шар. Левая рука его явно была сломана и висела под каким-то ужасным углом, и перелом выглядел плохо. Старлею показалось даже, что торчит кость.

– Помогите мне, пожалуйста, – сказал мальчик. – Очень больно.

Но добраться до него было нельзя. Никак, совсем, потому что неподъемная железка перерубила Фольксваген почти пополам и заперла молоденького водителя в тесном пространстве между ней и бетонными воротами так же надежно, как клетка в зоопарке.

– Монтировка нужна, – бессильно сказал старлей, – есть же, наверно, в машине у кого-нибудь, пошли поищем.

Женщина-Мерседес фыркнула.

– Не говорите ерунды, – сказала она. – Эта решетка весит несколько тонн. Посмотрите, что она сделала с машиной.

Мальчик-Фольксваген испуганно оглянулся и впервые увидел то, что осталось от его веселенького оранжевого автомобиля.

– Вы... можете проверить, как они там? – попросил он.

– Не надо, – сразу сказал Кабриолет, – не смотрите.

Не могу, подумал старлей с тоской. Не мое это, надо было в инкассацию устроиться, как Лёха, или в банк. Сидел бы сейчас в кожаном кресле, пропуска проверял.

Он опустил голову, крепче обхватил сварную раму и дернул еще раз.

– Да отпустите вы ее, идиот, – сказала женщина-Мерседес у него за спиной. – Вставайте, нам пора возвращаться.

– Вы что? – тревожно спросил мальчик и попытался подняться на ноги. – Вы куда?

Он встал, шатаясь, и заглянул в салон своей раздавленной машины, туда, где было раньше заднее сиденье. В горле у него булькнуло, он заплакал.

Женщина-Мерседес оглядела рассыпанный по асфальту мусор, подобрала выкатившуюся из чьей-то сумки банку колы, открыла и просунула между прутьев. Мальчик-Фольксваген жадно схватил ее здоровой рукой, поднял к разбитым губам и начал пить, захлебываясь и всхлипывая. Газировка стекала у него по подбородку пенными розоватыми струйками.

– А с ним как? – спросил старлей. – Тут, что ли, оставим?

Мальчик вздрогнул, подавился и заморгал. Глаза у него были круглые, ресницы слиплись от слез.

– Снимите рубашку, – сказала ему женщина-Мерседес, – и обмотайте руку как можно плотнее.

– Нет, – ответил он тут же, старательно не глядя вниз, на свой жуткий раздробленный локоть. – Нет, я не могу, я скорую подожду.

– Слушай, – начал Кабриолет, – мы сейчас сходим и приведем кого-нибудь...

– Нет, давайте подождем! – крикнул мальчик, уронил недопитую банку себе под ноги, зажмурился и даже сжал уцелевший правый кулак, как ребенок в магазине игрушек. – Просто подождем, ну пожалуйста, они сейчас приедут!

– Так, всё, пошли, – сказала женщина-Мерседес и посмотрела на часы.

– Может, я с ним посижу? – предложил старлей безрадостно. – А вы доктора приведете.

– Ну уж нет, это ваша работа, старший лейтенант, – сказала она ядовито. – Так что отправляйтесь и ищите ему врача сами. У меня нет на это времени.

Она повернулась и зашагала прочь, стуча своими сердитыми каблуками, и старлей с Кабриолетом поспешили за ней с одинаковым облегчением, как будто остаться в пустом и гулком куске тоннеля рядом с машиной, полной мертвых тинейджеров, без горластой неприятной бабы в самом деле было страшно.

Сзади выл и бился в своей клетке мальчик-Фольксваген, который разглядел наконец ряды брошенных автомобилей, включенные фары и разбросанные вещи.

– Подождите! – кричал он им вслед. – Куда все делись? Вы вернетесь? Ну пожалуйста, не бросайте меня! Я не могу тут один!

ПОНЕДЕЛЬНИК, 7 июля, 00:52

Наблюдать за борьбой капитана с решеткой оказалось совсем неинтересно. Дергать и пинать ее он перестал довольно быстро, несколько раз прошелся уже вдоль нее от одной стены к другой и теперь просто стоял, заложив руки за спину, и сверлил ее взглядом, словно от самого этого взгляда непокорная стальная штуковина должна была с минуты на минуту устыдиться и растаять. Тучная Капитанова спина по-прежнему излучала негодование и уверенность, но решетка явно победила, и толпа заскучала.

– Слушайте, вы мне все ноги уже отдавили, – сказала какая-то женщина. – Обязательно вот так прижиматься?

– Я не прижимаюсь, – отозвался возмущенный мужской голос. – Очень надо!

– Так отойдите на шаг, раз не надо, зачем в затылок дышать?

– Да куда я отойду-то, извините, напирают же сзади!

– А вы скажите, чтобы не напирали, не в очереди, слава богу!

– Женщина, ну что вы пристали к человеку, а сами, между прочим, своей сумкой синяков уже всем наставили!

В общем, разгоралась обычная будничная склока, какая могла бы возникнуть в переполненном трамвае или на почте в день выдачи пенсий, и разгоралась задорно, с каким-то даже облегчением, потому что на контрасте с немой иссушающей недавней паникой это было нормально, да что там – необходимо. Можно было отвлечься наконец и не разглядывать страшноватые бетонные двери с непонятными цифрами, раз торчал перед ними мордатый идиот-полицейский в пропотевшей форменной рубашке, и двери эти стали теперь его проблемой. Хоть на время, подумал Митя, потому что поверх привычного нестрашного шума вновь послышался голос, ясный и звонкий, как на пионерской линейке, и все сразу опять развалилось.

– А я все-таки хотела бы знать, – сказала круглолицая мамочка из Пежо, которая, очевидно, утешила наконец сына, выпрямилась во весь невысокий свой рост и даже, кажется, встала на цыпочки. – Долго нас еще тут продержат? Капитан, вы слышите меня, я к вам обращаюсь! Что происходит вообще, вы уже связались с начальством?

Толстый капитан расцепил руки и медленно повернулся, краснолицый и свирепый, и посмотрел на нее с отвращением.

– Ни с кем я не связывался, – сказал он с каким-то мстительным удовольствием. – Нету связи. Не-ту. Вообще никакой.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 7 июля, 00:58

После этого неожиданно злорадного заявления несколько сотен человек тут же достали свои телефоны и задрали над головой, надеясь все-таки поймать сеть. Заполненный людьми участок тоннеля сразу сделался похож на рок-концерт или на огромный селфи-флешмоб. Экраны мерцали, щелкали кнопки, но связи в самом деле не было. Очевидно, капитан не соврал: массивные гермодвери отрезали не только выход на поверхность, но заодно и без того слабый здесь, под землей, мобильный сигнал.

Ася выдернула руку из папиной ладони и тоже полезла было в карман, но вспомнила свой разряженный телефон, забытый на заднем сиденье Тойоты, и опять разозлилась. Вот сейчас сказать бы им наконец, что она не хотела с ними ни на какую дачу, никуда вообще. Тем более что была там ужасная на этой даче скука, куча незнакомых взрослых, которые выпендривались друг перед другом, и папу, как обычно, сильнее всех развезло, и смотреть на него было неловко, а Терпила, как всегда, молча закатывала глаза, и спать пришлось в одной комнате с какой-то

мелкой девчонкой. А теперь она еще и застряла тут из-за них неизвестно на сколько, пока мама там сходит с ума и не может дозвониться.

– Но это ведь нестрашно, да? – спросили рядом, и, обернувшись на голос, Ася узнала младшую красавицу из Кайена со светлой челкой. – Они же в курсе, что мы тут, внутри?

– Дав курсе, не в курсе, плевать им просто! – крикнули сзади.

– Ну что значит «плевать», – возразили ему. – Целый тоннель, полный машин. Там же и снаружи, наверно, пробка скопилась огромная, откроют, куда денутся!

– Вообще странно, – поддержал кто-то. – Ну как это – нету связи? Должны же быть какие-то, не знаю, средства? Передать наверх, если вдруг что. А если тут потоп, например, или пожар? Чтoб спасателей хотя бы вызвать!

– Вы как будто скорую ни разу в деревню не вызывали, – мрачно сказали в толпе. – Или пожарников, например. Они через два часа приезжают, это вам не Москва.

– Да прошло уже два часа, извините! И вообще-то мы в Москве, в черте города, если вы не заметили!

Голоса множились, набирали силу, и все до единой реплики так или иначе были адресованы капитану, хотя никто пока на него не смотрел и лично к нему больше не обращался. Неприятный толстяк был сейчас бесполезен, точно так же ничего не понимал и уж тем более ничего, конечно, поделывать не мог, но, как и в случае со старлеем часом раньше, сама его должность и форма уже сделали его ответственным за всё – и за странные эти неизвестно откуда взявшиеся ворота, за отсутствие связи и за то, что уже час ночи, а завтра на работу, и даже за невыносимую липкую жару.

– Вы ДПС попробуйте вызвать на трассе ночью, – сказал кто-то. – Безо всяких ворот до утра простоите, пока они там выспятся, пока чаю попьют.

– Или полицию. У нас дачу обнесли в прошлом году, так они только к вечеру приехали и заявление принимать не хотели еще. Все равно не найдем никого, говорят, и один прямо пьяный, так и прет от него. На рынке, говорят, посмотрите, там ворованное быстрее появится. А у меня бензопилу японскую, между прочим, из гаража поперли.

– Да не хотят они работать просто, бездельники, морды себе наели! Сколько мы тут сидим, а они не чешутся даже, нам что тут, ночевать?

Ох, насуют сейчас капитану, подумал Митя и посмотрел на краснолицего толстяка с неожиданной жалостью. Вероятно, чуткий капитан тоже это понял, потому что отреагировал быстро и напал первым – налился кровью, раздулся и заорал:

– А может, и придется! Ночевать! Ни воды, ни дыма нету, ситуация неострая, и не базарить надо без толку, а вернуться по местам и ждать, без истерики, порядок соблюдать! Устроили тут, понимаешь, пикет! Дайте специалистам работать, без вас, понимаешь, разберутся!

Как ни странно, находчивая Капитанова контратака сработала. Причины, вероятно, были разные, но гнев человека в форме подействовал на всех одинаково. Не то чтобы они успокоились и простили капитану, а заодно и невидимым его соучастникам возмутительный бардак и привычную их неэффективность, но шуметь, во всяком случае, перестали. Все одновременно вдруг вспомнили о брошенных своих сумках, распахнутых дверцах, включенных фарах и забытых в замке зажигания ключах. Митинговать перед запертым въездом, пока кто-то потрошит твой кошелек, оставленный без присмотра, или у тебя просто вот-вот сядет аккумулятор, в самом деле не имело смысла, и толпа осела, распалась на группы и повернула назад, к машинам, до которых еще и добираться теперь, когда паника схлынула, предстояло минимум полчаса, если не дольше.

Торопливо и не глядя друг на друга ушли обе женщины-Кайен, словно каждая надеялась обогнать вторую; заспешил к своему Рено темнолицый маленький таксист. Потом мимо решительно прошагал Патриот, уже остывший почти до нормального цвета, с белобрысым шестилеткой на руках, и с ним его сдобные розовые жена и дочка. Митя тоже протянул было руки,

но ни Саша, ни Ася ждать его не стали и были уже далеко впереди. За ними, морщась и охая, шла босая нимфа-Кабриолет; адреналин выветрился, и она ступала по асфальту, как по горячим углям.

– А где капитан? – спросила мама-Пежо, дергая Митю за рукав. – Вы не видели капитана? Ох, да куда же он делся, только что же был здесь...

Но похоже, мордатый хитрец-полицейский совершенно не собирался превратиться в ее заложника еще и на обратном пути, потому что видно его нигде не было, да и вообще знакомых вокруг почти уже не осталось.

– Господи, – вздохнула мама-Пежо и посмотрела вниз, на сына, который затих наконец и сидел теперь возле ее ног со слабой блуждающей улыбкой, как румяный джинсовый Будда. – Я его сама не донесу.

Недовольное лицо ее на секунду обмякло, сделалось усталым и беспомощным. Митя еще раз обернулся, чтобы найти своих, и не нашел.

– Давайте я помогу, – предложил он.

Она с сомнением оглядела его, потом подошла ближе и принялась. В самом деле принялась и даже наморщила нос.

– Вы пили, кажется, – сказала она. – Он не выносит запах.

А капитан у нас, значит, незабудками пахнет, хотел сказать Митя, но промолчал. Какая невыносимая все-таки баба. Останется же торчать тут одна просто из упрямства, и все у нее будут виноваты. Он наклонился и попробовал поднять ребенка. Мальчишка дернулся, выгнул шею и действительно тут же завопил, отчаянно и сердито.

– Всё, не надо, отойдите, – сразу сказала женщина, – вы слышите? Не трогайте его, он боится пьяных, у него сейчас приступ начнется!

– А ну, дай-ка я, – сказали рядом.

Посторонившись, Митя увидел крупного дядьку в растянутой майке с логотипом «Мегафон» поперек широкой груди и узнал в нем одного из загорелых строителей из микроавтобуса. Пятеро его товарищей топтались неподалеку и наблюдали за происходящим с явным неодобрением. Не обращая внимания на истошный детский крик и протесты тревожной матери, дядька легко подхватил мальчика на руки.

– Да не волнуйся ты, мать, – сказал он добродушно. – Ну поорет пацан, ничего ему не сделается. Давай показывай дорогу. Доставим в лучшем виде, у меня братишка младший такой же дурачок.

Женщина-Пежо вздернула подбородок, ноздри ее побелели.

– Ду-ра-чок? – повторила она. – Что значит – дурачок, это что еще за пещерное определение? И вообще, какая я вам «мать», я младше вас, между прочим! И почему вы мне тыкаете, кстати?

Дядькина улыбка поблекла, но было поздно. Продолжая свой возмущенный монолог (Дурачок! Как у вас только язык повернулся, вы понимаете, что он вас слышит?), мамаша-Пежо погнала его в сторону машин. Немного посоветовавшись, остальные строители, которые точно теперь опоздали на свой поезд, неохотно повлеклись следом. Обогнать эту невеселую процессию оказалось нетрудно, и на бегу Митя увидел, как мальчик, не переставая кричать, лупит своего незадачливого рикшу пухлой ладонью по голове.

Бежать пришлось недолго; за первым же поворотом выяснилось, что толпа снова встала, потому что у левой стены лежал на боку желтый спортивный мотоцикл, придавивший своего ездока. Промчавшись по забитому автомобилями тоннелю три с лишним километра, до въезда он все-таки не дотянул и рухнул почему-то именно здесь, на сухом и свободном участке. Через две полосы к мотоциклу тянулся широкий и черный резиновый след. Человек в расписной

кожаной куртке и зеркальном шлеме лежал на спине, раскинув руки, и не шевелился. Приблизиться и трогать его, очевидно, никому не хотелось, но просто пройти мимо тоже было нельзя.

– Доктор есть? – наконец спросил кто-то. – Нет, серьезно, ему помощь нужна, есть тут доктор?

– В скорую позвоните, – мрачно ответили ему.

– Очень смешно!

– А похоже, что я смеюсь?

– Пропустите, – раздался голос. – Пожалуйста, дайте пройти, я доктор.

Люди охотно задвигались, расступаясь, и выпустили к опрокинутому мотоциклу невысокого щуплого человечка с пластиковой кошащей переноской в руках. Того самого, сразу вспомнил Митя, которого светловолосая женщина-Терминатор выхватила из бегущей толпы и затащила за автобус. Еще пара часов, и мы все тут будем знать друг друга в лицо, подумал он невесело. Человечку с переноской тоже явно было не по себе. Он поставил свой громоздкий ящик у стены, опустил на корточки возле неподвижного мотоциклиста и потянулся к шлему, но в последний момент замер. Забрало было непрозрачное, отражало желтую потолочную лампу, и казалось, маленький доктор надеется, что под ним не будет лица и нарядный шлем просто наполнен пластмассой, как цветной шар для боулинга.

– Извините, – сказал он хрипло. – Я стоматолог, у меня такое нечасто.

Он сдвинул-таки зеркальную шторку и заглянул внутрь. Потрогал шею мотоциклиста чуть ниже уха и наконец встал и развел руками.

– Боюсь, я ничего не могу сделать, он умер. Нам, наверное, и правда лучше всем вернуться.

А после поднял свою переноску, погладил решетку и, бормоча извинения, начал протискиваться сквозь толпу.

Дальше пошли молча.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 7 июля, 01:13

Расталкивать людей было неловко, так что Асю и Сашу он догнал уже почти у самой Тойоты. Лица у обеих были утомленные и бледные. Аська отчаянно зевала и, казалось, сейчас заснет прямо на ходу.

– Где ты был? – спросила Саша.

– Помочь надо было кое-кому, – сказал Митя виновато. – Прости.

– И как, помог?

Никакого упрека не было в этом вопросе, никакой иронии даже. Она умела так спрашивать – ровно и без оценки, с абсолютно нейтральным интересом, за это ее и ценили на работе. Безупречный, объективный интервьюер, рядом с которым ты всегда говорил больше, чем собирался, и, если в результате чувствовал себя говном, ее упрекнуть было не в чем, она тебя никак к этому выводу не подталкивала.

Устал я просто, подумал Митя. Три километра в одну сторону, потом в другую, и жара еще эта.

– Мама тебя убьет, – сонно сказала Ася и опять зевнула.

– Сейчас мы тебя спать положим сзади, – бодро сказал он. – А с мамой я поговорю. Ну пропустишь зубного завтра, в конце концов. Кто же знал, что так выйдет?

Тойота стояла обиженная, с распахнутыми дверцами, но внутри все было не тронут. Судя по всему, ни на Сашину сумку, ни на Аськин расстегнутый рюкзак и забытый на заднем сиденье телефон никто не позарился, и все-таки обе сразу забрались внутрь – одна вперед, другая назад, проверять вещи. Снаружи слышно было, как Саша вежливо предлагает Асе выпить воды и как Ася вежливо отказывается, потому что не хочет пить, спасибо большое,

и Митя сразу почувствовал, что в машину ему не хочется совсем, а вместо этого, наоборот, нестерпимо хочется курить. Он сел прямо на асфальт, прислонившись спиной к тойотиному пыльному борту, вытащил из кармана пачку «Винстона» и щелчком выбил сигарету.

Впереди жена-Патриот деловито копалась в багажнике УАЗа, шуршала целлофаном. Левую руку она согнула в локте и яркие пакетики чипсов, яблоки и бутылки цветной газировки складывала прямо себе на грудь. Вид у нее был неожиданно пляжный, словно она вот-вот вытащит из багажника одеяло, крем для загара и надувной круг. А может, и кастрюлю с борщом, завернутую в полотенце. Дети нетерпеливо скакали рядом, как голодные маленькие птицы.

Справа в Порше красивая женщина-Кайен откинулась в кожаном кресле и протирала влажной салфеткой лоб, виски и тонкие голые руки, а потом, бросив осторожный взгляд в окно (Митя поспешно отвернулся), быстрым движением коснулась салфеткой подмышек, одной и другой. Ее сердитая младшая спутница пришла позже и как раз усаживалась на свое место. Через тонированное стекло видно было, как она наклоняется, чтобы снять обувь, забирается на сиденье с ногами и начинает массировать ступни, и что платье на ней короткое, а колени хороши, хоть и несколько полноваты, и что ей совершенно плевать, видит ее в эту минуту кто-нибудь или нет.

– Ну ты как, Очки? – спросил Патриот, тяжело садясь рядом.

В руках у него была рыжая двухлитровка «Жигулевского», изрядно уже початая. Он поднял ее к губам, сделал пару шумных глотков и протянул Мите. Ясно было, что и с «Очками», и с внезапной патриотовой приязнью на ближайшие пару часов придется просто смириться, так что Митя взял бутылку и тоже глотнул, потом еще раз и еще. Пиво было горькое, теплое и выдохшееся и пришлось невероятно кстати, и, чтобы внести лепту в укрепление добрых соседских отношений, Митя предложил Патриоту сигарету.

Пару минут они молча курили, сидя бок о бок и передавая друг другу бутылку. Люди продолжали идти мимо, но поток понемногу начинал редеть. Маленький таксист, вернувшийся одним из первых, положил голову на руль и крепко спал, как умеют только люди, привыкшие использовать для отдыха каждую свободную минуту. Юный водитель Газели уже снова забаррикадировался в своей кабине. Одной из последних приковыляла босая длинноногая нимфа, прижимая к груди свои неудобные туфли бережно, как котят.

– Еле нашла, – сказала она Мите с Патриотом. – Всё облазила, вообще не могла вспомнить, где их бросила. Ремешок порвался, жалко, новые совсем.

Потом она взглянула в сторону своей сверкающей машины, и нежное ее лицо омрачилось.

– Он чего, так и не пришел? Нет, нормально? Вы же вместе уходили?

– Мы потерялись, когда все побежали, – сказал Митя. – Такая суматоха началась. Да придет, куда денется.

– Пива хочешь? – спросил Патриот и потрянул двухлитровкой.

– А давай, – сказала нимфа, зашвырнула туфли в кабриолет и подошла поближе. – И сигаретку.

– Вы что, курите? Здесь?! – раздался знакомый звонкий голос, и, подняв голову, Митя увидел маму-Пежо, маленькую, гневную и снова полную энергии, которой она набралась, вероятно, от несчастного здоровяка из микроавтобуса.

Мальчик уже не бился и сидел у него на руках смирно и сонно, клевал носом, а вот у дядьки лицо было такое, словно по пути он потерял литра два крови. Оставив его топтаться возле кабриолета, как нерасседланную лошадь, мама-Пежо решительно подошла к Тойоте.

– Уберите немедленно, – потребовала она. – Дома курите у себя сколько захотите, а здесь общественное место, никто не обязан дышать этой вонью.

Митя вздохнул и послушно погасил окурочек об асфальт, но Патриота смутить оказалось непросто.

– Да где общественное, мы в поликлинике, что ль? Тут дорога вообще-то! Главное, двести машин стоит газует, а сраная сигарета им воняет. Да задолбали, – сказал он и демонстративно прикурил новую. – Запах не нравится? Окошки подними. Кондей твой два часа всем в морду молотил, гораздо больше воздуха попортил.

Нимфа хихикнула и с удовольствием затынулась. Мама-Пежо постояла недолго, взвешивая шансы. Глаза ее горели, и перспектива предстоящей битвы явно не пугала, но тут позади зароптал ее взмокший заложник.

– Мамаша! – взмолился он. – Пошли уже, а? Тяжелый пацан-то!

Вполне возможно, протесты пленного на нее впечатления бы не произвели, но тут забеспокоился и мальчик, и мама-Пежо отправилась руководить загрузкой сына в машину. Даже по спине ее было видно, что отступление это временное и разговор не закончен. Собственно, он и не прерывался: открывая дверцу, распутывая ремешки на детском кресле и устраивая в нем мальчика, она продолжала комментировать неловкость своего помощника, моральные качества дезертира-капитана, бесполезность мужчин в целом и отдельно – безответственность некоторых, кому вот-вот возвращаться за руль, а они решили выпить на глазах у всех, ну конечно, чем еще заняться, когда неизвестно даже, что вообще происходит.

Свободный наконец от своей ноши здоровяк вытер пот со лба, выпрямил спину и дико огляделся. Вид у него был потрясенный, как у человека, заглянувшего в бездну. Патриот без слов протянул ему остатки «Жигулевского», которые тот стремительно вылил себе в рот. Лицо его немного разгладилось, и он так же молча благодарно кивнул, аккуратно поставил опустевшую бутылку на асфальт и поспешил к своим товарищам из микроавтобуса, которые все это время делали ему отчаянные нетерпеливые знаки.

Наконец пришел и капитан. У Мити даже мелькнула мысль, что он задержался возле тела погибшего мотоциклиста (без сомнения, исключительно ради проверки документов, а не чтобы пошарить по карманам), хотя замедлить его запросто могло и что-нибудь другое, гадать не стоило. Первым делом толстый полицейский обратил внимание на распахнутую дверь патрульной машины. Он полез в салон, встал коленями на переднее сиденье и замер там, выставив в проход объемный зад и две пыльных стоптанных подошвы. Потом выбрался обратно и погрузился в нерадостные размышления. И только тогда Митя вспомнил про человека с разбитым лицом и скованными руками, которого они видели на заднем сиденье перед тем, как отправиться к началу тоннеля. Судя по мрачному выражению капитанского лица, человека этого в машине больше не было. Повезло, подумал Митя. Непонятно только, как он теперь будет снимать наручники.

– Ну чё? – спросил Патриот и толкнул его локтем. – Может, еще одну? – И пошел к УАЗу за второй двухлитровкой.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 7 июля, 01:22

Когда вернулись наконец старлей и блудный Кабриолет, нимфа уже порозовела, смеялась над десятым по счету патриотовым анекдотом и потому возвращение своего спутника приняла гораздо более милостиво; тем более что вид у холеного красавца был неблестящий. Пока он описывал свои лишения (многокилометровый поход, бетонные ворота, решетка, расплюснутая машина с мертвыми подростками), Митя поднялся на ноги и отправился послушать, о чем рассказывает старлей.

Доклад лейтенанта не особенно отличался по сути, разве что акценты в нем были другие. Много раз звучало красивое слово «гермодвери», явно прямым из какой-нибудь компьютерной игрушки. Примерно такое же сильное впечатление произвел на него пострадавший водитель, которого вроде нельзя оказалось достать из-за решетки. Но и постапокалиптические лейтенантовы теории, и судьба запертого водителя оставили капитана одинаково равнодушным.

Слушал он невнимательно и перебил юного подчиненного довольно быстро, схватил за плечо и развернул к пустому заднему сиденью патрульного автомобиля.

– Сбежал, сука, – сказал он свирепо. – Ты смотри, а? Сбежал. Башку нам с тобой оторвут за него на хрен.

Лейтенант осекся на полуслове и заморгал. Насильственное возвращение к реальности его совсем не обрадовало.

– Ну, может, объявить как-то? – спросил он погасшим голосом. – Куда ему тут бежать-то, он же в наручниках. Передадим по рядам, наверняка его видел кто-то...

– Охренел? – прошипел капитан. – И чего ты объявишь – сбежал опасный преступник? Они и так уже тут все на ушах, ни слова никому, понял? Сами разберемся.

И тут он заметил Митю, умолк и снова принялся наливать кровью.

– А что он натворил-то? – спросил Митя как можно нейтральнее. – Этот ваш преступник.

– Чего надо, то и натворил, – неприязненно сказал капитан. – Тайна следствия.

Прислушавшись к себе, Митя понял, что побег человека в наручниках несколько его не тревожит. В ушах приятно шумело «Жигулевское», и все казалось нестрашным и далеким: бетонные ворота, и недавняя паника, и даже мертвый мотоциклист, который остался лежать у въезда. А вот раздутую жабу в форме как раз ужасно хотелось позлить.

– Нет, ну если он действительно опасен, – спросил он, старательно тараща глаза, – нам, наверное, надо знать?

– Вам, – отдельно сказал капитан, – надо вернуться к своей машине. Сесть на место. И не мешать людям работать.

И Митя сочинил уже было следующую реплику, просто чтобы посмотреть, до какого оттенка способна потемнеть жабыя физиономия, но в эту самую секунду в разговоре появился новый участник – затянутая в темно-синий костюм чиновница из Мерседеса. Она отодвинула старлей, встала прямо перед капитаном и спросила:

– Вы здесь старший? Пойдемте со мной, с вами хотят поговорить.

В этот раз инстинкты почему-то капитана подвели и угрозы он не почувствовал, как не заметил и трепета, в который появление бесцеремонной незнакомки повергло его молодого напарника. Он расслабился, встал поудобнее и выпятил живот.

– Слушайте, дамочка, – начал он небрежно, как будто продолжая разговор с мамашей-Пежо. – А не пошли бы вы, к примеру...

Старлей позади него вздохнул и прикрыл глаза. Митя восторженно замер и приготовился смотреть, как толстяка сейчас будут раздирать на куски. Но ничего такого не случилось. Женщина-Мерседес не разгневалась и недоразумением наслаждаться не стала. Она вытащила из-за пазухи аккуратное удостоверение в красной обложке, сунула сердитому полицейскому под нос и скомандовала сухо:

– Быстро, капитан. Нет времени.

Что именно было написано в красной книжечке, ни Митя, ни старлей разглядеть не успели, а вот капитан увял и помрачнел еще сильнее. Но даже после этого, как ни удивительно, сдался не сразу.

– У нас тут вообще-то чепэ, – буркнул он, ища поддержки у лейтенанта, и не нашел.

– Оно станет гораздо серьезнее, если вы заставите меня потерять еще хотя бы одну минуту, – сказала женщина-Мерседес. – И застегнитесь.

С этими словами она повернулась и зашагала прочь. Капитан придвинулся к старлею и заговорил быстро, уже не обращая на Митю никакого внимания:

– Значит, так. Начнешь с конца и пойдешь по рядам. Всё перетряси, машину за машиной. Что хочешь делай, нельзя ему отсюда выбраться. И никаких с ним разговоров, понял? Любая движуха непонятная – стреляй.

– Прямо стрелять? – переспросил старлей, неприятно пораженный этим напутствием.

– Прямо стрелять, – сказал капитан, с ненавистью поглядел в удаляющуюся спину женщины-Мерседес и затопал следом, на ходу застегивая верхнюю пуговицу.

– Слушай, – сказал Митя, когда они со старлеем остались одни. – Он что, серьезно опасный?

– Да не знаю я, – ответил лейтенант и с тоской посмотрел на бесконечную ленту автомобилей, разбегавшуюся в обе стороны. – Как его искать-то тут вообще?

– Так, может, пускай сбежит? – предложил Митя. – Ну мало ли, вдруг он ничего и не сделал такого.

Но юный полицейский уже не слушал. Он запер машину, поправил ремень с тяжелой кожаной кобурой, пригладил зачем-то волосы и пошел вдоль ряда.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 7 июля, 01:28

Маленький стоматолог с кошачьей переноской добрался наконец до своей зеленой Шкоды Репид и первым делом вытащил ключ из замка зажигания, положил в карман. Почему-то сильнее всего его мучил не брошенный сзади портфель с бумажником и планшетом, а именно забытый в замке ключ, хотя уехать сейчас на его Шкоде, запертой с четырех сторон, при всем желании было некуда. Потом он поставил переноску на сиденье, забрался в машину и посмотрел на кота.

– Надоело тебе там? – спросил он. – Сейчас, потерпи, брат.

Он проверил, подняты ли окна, выпустил кота и откинулся в кресле. Ноги гудели, спать хотелось смертельно. Кот запрыгнул к нему на колени и начал топтаться, выпуская когти и дергая хвостом. Корма надо было взять хоть пакетик, подумал доктор виновато, закрыл глаза и тут же снова увидел мертвое лицо мотоциклиста и его сведенные к переносице светлые брови, как будто прежде, чем врезаться в стену, тот успел рассердиться. Может быть, потому, что увидел решетку и понял, что совершенно напрасно три километра летел по встречке, срывая зеркала. И выходит, чертова решетка убила и его – точно так же, как людей в оранжевом Гольфе, хотя он даже до нее не добрался.

И кожа у него за ухом была еще теплая, обычная живая человеческая кожа. Помочь ему, конечно, было нельзя, и скорая тоже бы не помогла, он свернул себе шею и умер сразу. В каком-то смысле ему даже повезло, потому что могло случиться иначе, и тогда он сейчас лежал бы там, и мучился, и в конце концов все равно умер бы от шока или от потери крови, потому что, если никого нет рядом, люди умирают, даже если их можно было спасти. Даже если для этого спасения нужна была какая-нибудь простая вещь вроде стягивающей повязки, например, подумал доктор, выпрямился и посмотрел вперед через заляпанное мухами лобовое стекло. Бетонные ворота с красными цифрами 0:61 были вот они, совсем близко, от Шкоды их отделяло машин пять или шесть.

– Ну, прости, – сказал доктор коту, взял его под мягкий живот и запихнул обратно в переноску. – Я знаю, знаю.

Он выбрался наружу, вытащил громоздкую коробку с обиженным котом, достал из кармана ключ и защелкнул замки. Помедлил и отщелкнул их снова, обошел машину, открыл багажник и вынул оттуда серую автомобильную аптечку. Захлопнул, еще раз нажал кнопку на брелке, подергал заднюю дверь, а затем поднял два пластиковых ящика, маленький и большой, и понес к решетке, под которой торчал расплющенный оранжевый Фольксваген.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 7 июля, 01:32

Мерседес, к которому наконец приволокла его хмурая баба в синем костюме, оказался непростой. Это был шестиметровый Майбах Пулман, причем, скорее всего, бронированный – во всяком случае, оробевшему капитану показалось, что асфальт под длиннющим лимузином даже прогнулся немного, как матрас под тяжелым чемоданом. Внутри стоял прохладный

полумрак, пустой и стерильный, словно в машине никто еще ни разу не ездил, и единственный запах, который он почуял, протискиваясь на светлое кожаное сиденье, был его собственный, несвежий и кислый, и запаху этому здесь явно было не место. Проморгавшись, капитан разглядел-таки, что в салоне сидят трое – один впереди и двое сзади, только они совсем не пахли, вообще ничем, и, кажется, даже не шевелились, как будто это были не люди, а манекены для краш-теста. С другой стороны, бежать шесть километров по раскаленной бетонной трубе им точно не пришлось. Похоже, они просто спокойно ждали в темноте и свежести, пока народ снаружи в панике топтал друг друга, не боялись и никуда не спешили. Как если бы знали заранее, что бояться нечего. Ну или, к примеру, что спешить нет смысла.

Белобрысая баба уселась напротив и задвинула массивную дверь с усилием, как люк самолета, и сразу стало еще тише и темнее. Самое время для того, чтоб понять наконец, что тут к чему, подумал капитан и первым делом бросил взгляд за спину, на водителя. За рулем сидел грузный немолодой мужик в галстук и белой рубашке, с красными обветренными лапами. Обычный водила, неопасный. Гораздо неприятнее выглядел парень справа от капитана – бледный, тихий и напряженный, с пистолетом под мышкой. Но самой зубастой рыбой в этом бизнес-классе был не парень с пистолетом и даже не начальственная сука с корочками, а третий, сидевший наискосок: невзрачный, лет семидесяти, сухой и желтый, в тонких золотых очках. И смотреть имело смысл только на него.

– Я рад, что вы наконец нашли время зайти, – прошелестел желтый. – Выпьете?

На выдвижном столике между креслами стоял хрустальный графин, четыре квадратных стакана и ваза с фруктами. Терять капитану было нечего. Он взял тяжелый графин за горло, открутил хрустальную крышку, придвинул один из стаканов и плеснул себе на два пальца, а потом выпил залпом, в один глоток. Вкуса он не почувствовал. Односолодовый, наверно, подумал он. Может, двадцатилетний или даже старше, какие они там вообще бывают?

– Я пригласил вас, потому что мне доложили, что вы неплохо себя зарекомендовали, – сказал желтый человек и тоже поднял к губам свой стакан, только вместо того чтобы проглотить, покатал виски во рту и выплюнул обратно. – Организовали людей, предотвратили панику. Но есть один нюанс – вы не знаете, что происходит, так ведь?

Капитан вспомнил о своем сбежавшем арестанте и проблемах, которые ждут его, если того не удастся поймать, кивнул и посмотрел на графин.

– Разумеется, не знаете, – продолжал желтый. – И я позвал вас, чтобы объяснить, насколько ситуация серьезна. Эти герметические ворота по обе стороны тоннеля закрылись не случайно. Существует особый протокол для чрезвычайных обстоятельств. По-настоящему чрезвычайных, вы понимаете меня?

Не найдет его старлей, думал капитан. Во рту у него было горько, по спине текло, день был трудный, и он неожиданно разозлился – на себя за то, что не запер гребаную машину, на идиота-старлея, на заносчивую бабу-гестапо и ее желтого хозяина-мумию из ненавистной конторы и особенно почему-то – на бледного заморыша справа, который ни разу за время разговора не шевельнулся, но было ясно, что спиной к нему поворачиваться нельзя. Он не стал дожидаться приглашения, снова плеснул себе виски и выпил. Точно односолодовый. Не особенно, кстати, и вкусный.

– Чё-то не слышал я ни о каких протоколах, – сказал он.

– Вам и не нужно было, – отозвался желтый своим бумажным голосом, – это не ваш уровень. Но вы можете понадобиться. Я не буду пока вдаваться в детали, но, если вы продолжите вести себя умно, для вас это может закончиться гораздо удачнее, чем для всех остальных. Оружие у вас, полагаю, с собой? И ваш молодой коллега тоже вооружен, верно?

Капитан закашлялся и облил себе пальцы. Он уже вообще ничего не понимал.

– Так вот, – сказал желтый человек. – Слушайте меня внимательно.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 7 июля, 01:34

– Вы кто? Вы доктор? – спросил молодой водитель Фольксвагена, попытался встать на ноги и не смог.

Губы у него распухли, и голос звучал невнятно, сосуды в глазах полопались. Наверное, он сильно ударился головой. Но хуже всего выглядела его левая рука, даже на расстоянии видно было, что перелом открытый и очень нехороший.

– Я пришел помочь, – сказал доктор. – Кто-то еще есть в машине?

На этот вопрос мальчик со сломанной рукой не ответил, он свесил голову между коленей и задыхался тяжело, как пьяный. А может, он и правда пьян, иначе зачем бы ему на полном ходу таранить бетонные ворота.

– Вы пили что-нибудь? – спросил доктор.

Мальчик замотал головой.

– Нет, – сказал он хрипло.

Удар пришелся прямо по заднему сиденью, сломал стойки, выбил стекла, смял и порвал крышу. Трудно было поверить, что машина вообще способна вот так лопнуть пополам, превратиться в деформированный сверток цветного железа, но доктор все-таки забрался в багажник, торчавший по эту сторону решетки, и так же, как часом раньше Кабриолет, заглянул внутрь. Заднего сиденья в Фольксвагене больше не было. Нет, подумал он, нет. Я стоматолог, этим должен заниматься кто-то другой.

Он выбрался наружу, сел на корточки и открыл аптечку. Ничего полезного в ней, разумеется, не нашлось, кроме кучки марлевых бинтов, пачки стерильных салфеток, пары одноразовых перчаток и ножниц.

– Мне надо обработать вам руку, – сказал доктор. – Вставать не нужно, просто попробуйте передвинуться ко мне поближе, иначе я до вас не дотянусь.

Мальчик сидел неподвижно, как будто заснул и не слышал его. Затем шевельнулся и все-таки чуть пересел, упираясь ногами, потом еще, пока не добрался до решетки.

Вблизи рука выглядела еще хуже. Сколько прошло времени – часа два? Или уже три? Ему должно быть очень больно, подумал доктор. Удивительно, что он еще в сознании.

– Вам нужно снять часы, – сказал он. – Давайте я.

Когда он начал расстегивать ремешок на распухшем запястье, мальчик всхлипнул и дернулся.

– Ты кто? – спросил он. – Чего тебе надо?

Глаза у него были мутные и бессмысленные, а ресницы и брови светлые, совсем как у сердитого мертвого мотоциклиста.

– Ты сломал руку, – сказал доктор. – Но это ничего, я помогу.

– А скорая где? – спросил мальчик. – Не вызвали, что ли? Я давно тут сижу, должна быть скорая, позвонить надо просто. Почему никто не позвонил?

Шину пришлось сделать из теннисной ракетки, которая нашлась в багажнике Фольксвагена. Ничего другого с отекавшей искалеченной рукой молоденького водителя сейчас сделать было нельзя, и доктор просто залепил ее стерильными салфетками из аптечки, а потом просунул ракетку между прутьями решетки и примотал лейкопластырем снизу, под локтем, как ложку. Ракетка оказалась слишком длинная, и сантиметров пятнадцать ее кевларовой ручки надо было, конечно, отпилить или отломать, чтобы она не доставляла мальчику лишних мучений, но и это доктору было не по силам. Все время, пока он возился, неудобно прижавшись щекой и плечом к шершавым металлическим прутьям, юный Фольксваген плакал и требовал, чтобы вызвали наконец нормальных, настоящих спасателей, чтобы ему сделали укол, позвонили его отцу, который всех тут на уши поставит, понял, и чтобы ему вернули часы, сейчас же, это дорогие, между прочим, часы, слышишь, ты, куда ты их дел, в карман себе сунул, да,

думаешь, я забуду, думаешь, самый умный, кто ты такой вообще, не трогай, блядь, не трогай меня, просто скорую вызови, ну пожалуйста, пускай приедут, они всё нормально сделают, а ты не умеешь, ничего ты не умеешь, больно, не трогай, больно, да кто ты такой вообще, отдай мои часы, сука, чего тебе надо, почему ты им не звонишь, я тебя закопаю, сука, ну позвони им, пожалуйста. И все это время его страдающая сломанная рука ни разу даже не дернулась, терпеливо сносила болезненные манипуляции, которые совершал над ней неловкий маленький стоматолог, как будто существовала отдельно, сама по себе, и цель у нее была собственная – получить помощь, неважно от кого.

– Всё, – наконец сказал доктор. – Ну всё, всё, я закончил. Вот ваши часы, смотрите, я сюда их положу, видите? Вот. А теперь вам надо лечь. У вас сотрясение, вам правда надо лежать.

– Не хочу я лежать, – вяло сказал мальчик-Фольксваген и лег. – Это какой-то бред всё. Адский какой-то бред.

– Да, – сказал доктор. – Я знаю.

– Вы правда не можете позвонить? – спросил мальчик, лежа на спине и глядя в бетонный свод потолка.

– Правда не могу, – ответил доктор. – Извините.

– Бред, – сказал мальчик, моргнул, и закрыл глаза, и задышал медленнее.

Доктор прислонился плечом к решетке, вытер последней стерильной салфеткой лицо, как мог оттер руки и наконец сунул ее в карман, чтобы не мусорить. Все вокруг и так было грязное, и сам он чувствовал себя грязным, пальцы были липкие, зудела исцарапанная грубыми прутьями щека, и щипало подмышки. Никакая салфетка не помогла, конечно, тут помог бы только душ, долгий прохладный душ. В переноске у стены обиженно, на одной ноте кричал кот, и доктору показалось, что он как будто даже охрип.

– Ну, ну, – сказал он коту и придвинул к себе переноску. – Потерпи.

– Вы не уйдете же, правда? – сонно спросил мальчик-Фольксваген. – Пока они не приедут.

– Не уйду, – сказал доктор. – Я тут посижу с вами, постарайтесь поспать.

Он мучительно, до хруста зевнул и посмотрел на часы. Без пяти два, прекрасно. Совсем они не торопятся. И ночевать теперь, похоже, придется даже не в машине, а прямо здесь, сидя на асфальте среди осколков стекла. Какая же бесполезная дрянь эти современные автомобильные аптечки, ни обезболивающих, ни антисептика, даже йода нет. Тоже мне, первая помощь. Кто придумывал этот идиотский список, написать бы письмо какое-нибудь открытое или даже статью, да, точно, статью. Ну боитесь вы людям лекарства класть в аптечку, тогда сделайте так, чтобы скорая сразу приезжала, и не запирайте их в тоннелях на всю ночь. Сам-то никто и хлоргексидина себе пузырек в машину не купит, вот и я не купил, даже я ведь не купил, идиот.

Мысли замедлялись, жужжала над головой потолочная лампа, пахло бензином и разлившимся маслом, и доктор начал засыпать, не замечая, что засыпает, продолжая думать, какую напишет статью и кому ее можно было бы показать, ну или правда просто пост выложить в Телеграме, язвительный, остроумный пост, который все прочитают, и даже придумал первую фразу, но тут его похлопали по плечу, и он вздрогнул, открыл глаза и увидел пакетик молока, маленький картонный квадратик с нарисованным румяным младенцем, зажатый в женской руке, и сначала даже не понял, зачем это и что ему с ним делать.

– Вот, – сказала незнакомая женщина. – Котику вашему. Плачет он у вас так, слушать прямо невозможно.

– Спасибо, – сказал доктор и взял квадратик. – Спасибо большое. Ему просто надоело сидеть взаперти.

– А кому не надоело, – сказала женщина и собралась уходить.

– Простите, – сказал доктор. – А... воды у вас нет случайно? Не могли бы вы принести немного? Не мне, для него. Понимаете, ему сейчас надо много пить.

Женщина остановилась, скрестила руки на груди и поглядела на молодого Фольксвагена, который перестал жаловаться и тихо спал за решеткой.

– Они думают, им все можно, – сказала она медленно. – Ездить на красный, людей давить на переходах. Обнаглели совсем, что хотят, то и делают, а чего им. Папочка все равно отмажет. Вот пускай ему папочка воду и приносит.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 7 июля, 01:35

– В первую очередь, – сказал желтый человек, – необходимо составить как можно более подробный список всех, кто находится в тоннеле. Профессия, пол, возраст. Особое внимание обратить на грузовые машины – выяснить характер груза, по возможности собрать транспортные накладные. Действовать надо спокойно, четко и главное – быстро. Самое позднее через два часа у нас должна быть полная информация о том, сколько людей в тоннеле и кто они. Задача понятна?

– Так а что мне им говорить-то? – спросил капитан, который снова уже начинал злиться, потому что за последние несколько часов только ленивый не сообщил ему, в чем его задача. – Они спрашивают все, а я ж сам ничего...

– Вам задача понятна, капитан? – перебил желтый. – Никаких лишних разговоров, вы просто составляете список. Если начнут задавать вопросы, отвечайте, что это стандартная процедура. Вы полицейский, люди будут сотрудничать.

Капитан вспомнил неуютное одиночество, с которым час назад стоял возле решетки под взглядами нескольких сотен сердитых людей, и позволил себе непочтительно покачать головой.

– Не очень-то они уже готовы. Сотрудничать, – сказал он мрачно. – А через два часа вообще не знаю.

– А вы возьмите ситуацию под контроль, – резко сказал желтый. – Это ваша работа. Панику нельзя допустить ни при каких обстоятельствах. Управлять ситуацией можно только при условии, что люди способны вас слышать, и вам надо сделать так, чтобы они слушали. Беспокоиться и задавать вопросы они начинают, только если ничем не заняты, так что найдите им занятие. Люди устроены просто, и, если дать им объяснение, любое, они его примут. Хаоса не хочет никто, это неестественное состояние, всем нужен план. Придумайте им план – и выиграете время. Пускай они у вас сами, например, друг друга переписывают. Привлекайте всех, кто кажется вам надежным, назначьте ответственных, раздайте поручения. Соберите активную группу наконец, и пусть в ней будет как можно больше крепких мужчин. И забудьте пока про оружие, считайте, что у вас его нет. Против толпы оно работает недолго, а панику мы себе сейчас позволить не можем. Это понятно?

Озадаченный тем, как часто в этом недлинном странном разговоре звучало слово «оружие», капитан нахмурился и машинально коснулся висящей на поясе кобуры, и рядом тут же, как оживший робот, шевельнулся бледный телохранитель. Причем ожил не целиком, лицо его по-прежнему ничего не выражало, глаза были тусклые и смотрели прямо перед собой, на укрытые пледом колени его желтолицего шефа, и только рука вдруг оказалась под мышкой и замерла там. Капитан посмотрел на эту некрупную руку, прислушался к себе и понял, что никаких больше вопросов задавать не хочет, а хочет он поскорее оказаться снаружи, в душном бетонном коридоре, плотно уставленном машинами, как можно дальше отсюда и больше не возвращаться. Проверить, не заработал ли передатчик в патрульном автомобиле, послать болтливую тетку из Пежо туда, где ей самое место, найти бестолкового старлея и дать ему по мозгам и решить наконец проблему со сбежавшим арестованным, за которого с него, капитана, снимут голову по-настоящему примерно через час после того, как откроются сраные ворота. Словом, заняться нормальными делами, и чтоб вся эта компания клоунов в лимузине дальше играла в гребаного Доктора Зло сама, без него. Виски у них, блядь, в графине. Сумасшедший старик с пледом. Они б еще ров с крокодилами вокруг своего Майбаха прокопали. Елки, как он

попался вообще? Ксиву сейчас любую на компьютере нарисовать можно и, уж конечно, нанять себе кого хочешь – водителя, сиделку, шлюху, хмурого мужика с пистолетом и блондинистую секретаршу-киборга, да хоть двойника Ленина или хор мальчиков, были бы деньги.

– Я понял, – бодро сказал капитан, показал телохранителю пустые руки и засобирился на выход. – Разрешите выполнять?

– Выполняйте, – сказал желтый старик. – У вас два часа, докладывать будете ей.

Белобрысая баба-гестапо отодвинула дверь.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 7 июля, 01:49

Стараясь не хлопнуть дверцей, Митя забрался в тихую Тойоту, сел на место и сразу почувствовал себя человеком, который вернулся домой в пять утра и стоит возле супружеской кровати, стараясь бесшумно снять штаны, чтобы не звякнула пряжка. И конечно, в эту минуту включается свет. Или у него из карманов начинает сыпаться мелочь. Бывают дни, когда штаны даже не обязательно снимать, все равно чувствуешь себя так, словно их на тебе нет, и сегоднешний был именно такой. Да что там, и вчерашний был точно такой же. Конечно, можно было бы просто откинуться сейчас на спинку кресла, закрыть глаза и все отложить на потом, на утро ну или когда они там отопрут свои ворота, но тишина сгустилась и отяжелела, как будто свет уже зажегся, а мелочь со звоном рассыпалась по полу, и он обреченно повернулся и посмотрел на жену.

– Какое же ты говно, – сказала Саша. – Знаешь, это даже удивительно, Мить, какое ты стал говно.

Он бросил быстрый взгляд назад. Аська спала, неудобно согнув ноги и подложив под голову огромный свой уродливый рюкзак.

– Я все думаю, когда это случилось, – сказала Саша вполголоса, потому что тоже помнила про Аську, по крайней мере пока еще помнила. – Как я не заметила. Или, может, ты всегда такой был и это я идиотка? Мне стыдно за тебя, Мить, понимаешь? Мне каждую минуту так за тебя стыдно, я просто смотреть на тебя не могу уже.

Ничего не надо было на это отвечать и даже поворачиваться к ней сейчас было не надо, он все еще мог просто закрыть глаза, и тогда эта ссора случилась бы позже, дома, завтра, а может, и не случилась бы вовсе, потому что сначала пришлось бы завезти Аську, потом высадить Сашу на Красных Воротах, и к вечеру все бы как-то поблекло и устарело, потеряло накал. Но у него был тоже паршивый день, слишком паршивый, и он не удержался, просто не смог.

– Да ты и не смотришь, – сказал он. – Вообще не смотришь давно.

– А на что? Нет, на что мне смотреть? Как ты напиваешься на глазах у моих друзей? Ты же до ужина еще напился, Митя, еще не все собрались даже, а ты уже в слюни, ты помнишь, что ты там нес вообще? Хочешь знать, как это выглядит, как я себя чувствую при этом, рассказать тебе? Они же все на меня сразу смотрят, Митя, они все смотрят на меня и жалеют, а меня не надо жалеть, я молодец, я вообще-то правда молодец, Митя, и много сделала, и почему мне так стыдно-то должно быть все время. Я просто отдохнуть хотела, я устаю, я столько работаю, один вечер, один долбанный вечер в хорошей компании, чтобы мне стало хорошо, чтобы я расслабилась, неужели трудно.

– Так едь к ним сама, – сказал он. – К друзьям своим. Ну чего ты, давай, раз тебе за меня так стыдно. Да тебе самой с ними тошно, и не расслабляешься ты, не ври, мы просто портим тебе картину, да? Так поехала бы одна. Мы бы с Аской отлично дома посидели. Ей вообще-то тоже ехать не хотелось к снобам твоим душным.

– Ну в чем они снобы, Митя, в чем? Они даже терпят, столько времени терпят уже это свинство твое и зовут нас все равно, потому что любят меня. И при чем здесь они вообще, это к тебе ей не хочется ездить, к тебе, и давно уже. Вы же с ней не разговариваете даже, ходите и молчите по разным комнатам, на часы смотрите, невозможно! Я подумала: ну съездим, много

народу, шашлыки, разговоры, на речку сбегает, так хотя бы не пришлось сидеть в квартире втроем и ждать, ждать, пока закончится эта каторга, выходные эти, никому не нужные. Никому, ни тебе, ни ей...

– Это тебе! – перебил он. – Тебе не нужно, чтобы она приезжала, это ты не хочешь. Ты бы лицо свое видела, хотя бы раз увидела со стороны свое лицо, когда она в комнату заходит. Думаешь, она не знает? Ей шестнадцать, она понимает все! Вот поэтому она и не хочет, даже я уже ничего не хочу – из-за тебя.

– Я плохая, да, – сказала Саша. – Ладно. Только, Митя, про ее день рождения помню я. И йогурты на завтрак ей покупаю я, и белье постельное ей меняю, и полотенце в ванной вешаю чистое – я. Даже алименты твои второй год плачу я. И мне так это все надоело, так надоело, что я правда жду, когда она уже вырастет наконец.

Он услышал движение за спиной и подумал, что оба они давно говорят громко, слишком громко, почти в полный голос, обернулся и сказал:

– Аська. Погоди, Аська...

Но сиденье было пусто, там остался только рюкзак и разряженный телефон.

– Ну чего ты сидишь, – сказала Саша. – Теперь-то чего ты сидишь.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 7 июля, 02:08

Как ни странно, кроме маленького таксиста, который все так же ничком лежал на руле, подложив под голову скрещенные руки, больше вокруг так никто и не заснул. Может, из-за жары или из боязни пропустить что-нибудь важное – например, появление спасателей или какое-нибудь объявление, переданное по рядам, – а может быть, просто напряжение последних часов не успело еще выветриться и мешало спать. Так же ярко, по-дневному горели лампы на потолке, и три длинные ленты неподвижных машин напоминали три замерших на станции поезда, у которых по какой-то непонятной причине затянулась остановка, а люди, бродившие между рядами, – бессонных пассажиров, которым до смерти надоело уже сидеть в вагонах, но далеко отойти тоже нельзя – на случай, если послышится свисток и поезд тронется.

– Я не буду здесь, – говорила как раз пухлая розовая патриотова дочка, – не буду!

– Ну смотри, вот, я двери открыл, – сказал Патриот, и по лицу его, снова свекольно-красному, ясно было, что говорит он это не в первый раз и даже не во второй. – Видишь? Открыл я тебе двери, вот, между ними сядь, и всё, и не увидит никто!

– Ага, не увидит, а спереди?

– Да загорожу я тебя спереди! Вот так встану, смотри, и загорожу!

– Нееет!

– Ладно, не я, мама тебя загородит! Я вообще уйду, вот, уйду!

– Все равно будет видно! Из-под низа будет видно!

– Да нужна ты им, смотреть на тебя, вот всем, блин, интересно! Кать, нуты ей скажи!

– Не ори на нее!

– Ну пускай в штаны тогда дует! Сортир я вам тут, что ли, построю? Нечего было «Миринду» тогда хлебать, до дома бы потерпели!

– Нечего? А когда ей жарко! Сам два литра высосал, а ребенку нельзя?

– Мааааа! Мама!

Чуть в стороне от трех старших сердитых Патриотов стоял румяный шестилетка – безмятежный, несонный и даже веселый, – и с видимым удовольствием ковырялся в носу. Возле заднего колеса УАЗа желтела маленькая лужица – свидетельство его неожиданного и тем более замечательного превосходства над сестрой.

– Пошли, – сказала Ася и взяла розовую девочку за пухлое запястье, перетянутое тремя тугими бисерными нитками. – Ну чего ты, пойдем. Там в конце никого нету, никто не увидит.

Девочка вырвала руку, спрятала за спину и замотала головой. Щеки у нее пылали, совсем как у ее отца, нижняя губа была упрямо выпячена.

– Ага, не увидит, – сказала она, – а если кто-нибудь придет!

– Не придет, – сказала Ася. – Я покараюлю. А потом ты меня. Давай?

– А я с вами пойду, – сказала жена-Патриот. – Мне тоже надо.

И взяла дочь за вторую руку.

– Да мы все пойдем, – сказала Ася и хлопнула ладонью по гулкому борту УАЗа – раз, другой.

– Полегче, – сказал Патриот.

Она задрала голову и крикнула:

– Эй! В туалет нужно кому-нибудь?

– Ась, – начал Митя.

– Эй! – еще раз крикнула Ася и постучалась в Пежо, обошла УАЗ, и стукнула пару раз по капоту черного Порше Кайен, и пошла вдоль ряда, мимо притихшей Тойоты и красного кабриолета.

– Ась! – повторил Митя, который сразу, конечно, вспомнил про сбежавшего человека в наручниках, который прячется бог знает где, и одному только богу и, может, еще капитану известно, что он все-таки натворил и насколько опасен. – Это далеко, Ася, ну куда вы пойдете одни?

Не оборачиваясь, она задрала над головой средний палец. Дверцы захлопали, женщины выходили из машин, маленькая группа постепенно росла.

– Дочка твоя? – спросил Патриот, тоже потерявший женскую половину своего семейства. – Ты пороть ее не пробовал?

Митя вздохнул и пошел догонять женщин.

В эту самую минуту к своему патрульному автомобилю возвратился наконец окончательно рассвирепевший капитан. Юного своего подчиненного он по пути не встретил, зато в полной мере испытал магический эффект полицейской формы, из-за которого четверть часа пути от проклятого Майбаха растянулись у него почти вдвое. Всю дорогу висли на нем какие-то люди, которые задавали ему вопросы, требовали, жаловались и угрожали. Намекали на последствия, предъявляли разные срочные обстоятельства и настаивали, чтобы им сейчас же, немедленно выдали справку, которую можно будет предъявить на работе, на вокзале и в аэропорту, и чтобы справка эта была непременно с печатью. Один раз ему даже предложили денег, если он сумеет все-таки как-то незаметно приоткрыть ворота, нешироко и совсем ненадолго, и выпустить наружу одного, только одного человека, можно даже без машины. Все эти душные разговоры, сбежавший арестованный, за которого вместо повышения теперь вырвут ноги, полумный дед в Мерседесе со своей телегой про хаос, контроль и план, адская липкая жара и похмелье, неожиданное и позорное, от сраных каких-то ста граммов виски переплелись и сбились в один пакостный тяжкий колтун и выбора капитану не оставили. Он сел в свое продавленное кресло, включил передатчик и недолго, мстительно послушал мертвое шипение и хруст, а после откинул спинку сиденья, скрестил руки на груди и закрыл глаза.

В маленькой голубой машине мама-Пежо посмотрела вслед удаляющейся женской компании и снова повернулась к сыну. Мальчик спать и не думал, он висел на своих перекрещенных ремнях и заштриховывал новый лист блокнота. Картон прогибался, карандаш скрипел. Она развинтила термос, налила немного мятного чая в синюю пластиковую чашку, сделала крошечный глоток и стала считать, беззвучно шевеля губами, потом попробовала еще раз и наконец протянула сыну. Не отрываясь от своего рисунка, он отпил немного, сморщил лицо и замотал головой. Левая рука его дернулась, перевернула чашку и ударила мать по лицу.

– Остыло же, – сказала она. – Не горячо, правда не горячо. Ну хочешь, еще подождем?
Она протерла чашку салфеткой, налила следующую порцию и снова начала считать. След от удара у нее на щеке, сначала яркий, уже понемногу бледнел.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 7 июля, 02:15

Когда машины наконец кончились, вокруг сразу стало очень тихо. Шаги и голоса зазвучали гулко, как в музее или в церкви.

– Какое криповое место все-таки, – сказала нимфа-Кабриолет. – Главное, сто раз уже тут ездила, только щас поняла. Там вода же наверху, да?

И две с лишним дюжины женщин разом невольно посмотрели вверх. Все выглядело как обычно: свод тоннеля был сухой и крепкий, крутились воздушные пушки, горели желтые лампы на потолке, – но прочность этой толстой каменной трубы теперь и правда больше не казалась безусловной.

– Ненавижу тоннели, – сказала незнакомая пассажирка Вольво-универсала, который они миновали одним из последних. – Лучше б мост здесь построили.

– А вдруг и правда что-то случилось? – спросила младшая женщина-Кайен. – Что-то плохое.

– Ну что, что там может случиться, – быстро сказала жена-Патриот и прижала крепче свою розовую дочь. – Просто сломалось у них там что-то. Починят, и поедем домой, да?

– Давайте не будем далеко заходить, – сказала пожилая владелица серого Лендровера. – Там мотоцикл этот скоро будет, не хочу еще раз смотреть.

– Не, тут я точно не могу, – сказала нимфа. – Давайте чуть-чуть еще хотя бы, зачем светить-то при всех.

Ася посмотрела назад и увидела последние ряды автомобилей, до которых действительно было недалеко, метров сто с небольшим. А чуть ближе, метрах в пятидесяти – папу, который все-таки шел сзади, не пытался догнать, но и не отставал. За все время, пока они шагали вдоль рядов шумной растущей группой, пока весело стучали в запотевшие стекла, она не обернулась ни разу, правда вообще не думала, идет ли он следом, потому что это было неважно – их было много, и людей вокруг было много, и тесно стоящих машин. А здесь, в этом пустом и гулком пространстве, похожем на закрытый на ночь аэропорт, все стало иначе, и ей показалось вдруг, что стоит сделать еще десяток-другой шагов, свернуть по бетонной трубе, и все позади исчезнет – и машины, и люди, останется только асфальт, три километра чистого сухого асфальта. И вернуться в то, предыдущее место станет уже нельзя, если на полпути между пустотой и непустотой не будет хотя бы одного человека.

Она чуть отстала, подняла руку и помахала ему: всё, стой. И он сразу остановился и повернулся спиной.

– Всё, давайте здесь, отсюда не видно уже, – сказала она, и расстегнула джинсы, и первая присела у стены.

Назад они почти побежали – молча, с одинаковым облегчением, как будто все двадцать восемь взрослых женщин и две девочки-подростка, свернув за угол, на секунду провалились в один и тот же пугающий сон. Увидели общий вязкий кошмар, и, чтобы стряхнуть его и снова начать разговаривать, пустоту сначала нужно было оставить позади.

Дождавшись, пока их шаги окончательно стихнут, человек в наручниках выбрался из-за лежащего на боку мотоцикла, встал на колени рядом с опрокинутым на спину ездоком и продолжил стаскивать с него куртку. Скованные руки сильно ему мешали.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 7 июля, 05:49

Измученный светловолосый лейтенант зацепился кобурой за чье-то боковое зеркало, остановился и открыл глаза. Он не спал уже почти сутки, за четыре часа не выпил ни глотка воды, прошагал длинную бетонную трубу насквозь трижды, от одной запертой решетки до другой, стер до крови ногу, и давно перестал соображать, и теперь просто шел вперед, хромая и механически считая круги, как безнадежно отставший марафонец, которому надо добраться до финиша. И похоже, заснул наконец на ходу.

Еще на втором круге, прямо посреди пустого прохода между спящими рядами, где в машинах по обе стороны неподвижно, как мертвые, сидели и лежали люди в неудобных позах, одуревшему от жары и недосыпа старлею показалось вдруг, что все действительно умерли, просто он почему-то пропустил момент, когда это произошло. И в забитой автомобилями каменной кишке их осталось только двое – он и тот, в наручниках, который так же бессонно, бесцельно идет по кругу, повинувшись тому же потерявшему значение импульсу, не бежит больше и не догоняет, а просто идет, неспособный остановиться, так что может быть сейчас где угодно, впереди или сзади, и это совершенно неважно.

Где-то к четверем утра он понял, что забыл лицо человека, которого должен был поймать, и не узнает его, даже если увидит, потому что оно слилось в его памяти с сотнями других мужских, женских и детских лиц. Что, возможно, он видел его уже несколько раз и прошел мимо.

А сейчас, спустя тридцать с лишним тысяч шагов, он сомневался и в том, что человек этот вообще существовал. Первоначальная задача поблекла и выветрилась, и остался только маршрут – закольцованный, бесконечный и потому бессмысленный. Тоннель давно перестал быть однородным и разложился у него в сознании на фрагменты, череду реперных точек, по которым он мог уже отмерять не только расстояние, но и время: длинный рефрижератор с польскими номерами, серый Лендровер с яркой наклейкой на запаске, чумакая Газель «Напитки Черноголовки», желтый Ситроен, в котором не спит большая и тревожная рыжая собака, серебристый седан с пучком умирающих пионов на задней полке, растоптанная папка с бумагами, Опель-универсал с крошечным младенцем в люльке. И минут через пять после младенца покажется застрявший под решеткой Фольксваген и начнется следующий круг – мимо Опеля, папки, пионов, собаки, Газели, польского рефрижератора и мертвого мотоциклиста, до запертых ворот на той стороне, где нужно будет снова повернуть обратно.

Он потерял лицо и заморгал, пытаясь определить, где находится. Слева торчала грязная будка Газели, перед ней замерло желтое такси с расколотым бампером, и виднелась уже помятая дверь патрульной машины и синяя с красным мигалка на крыше. Выходило, что он отключился на время и просто вернулся на место, как усталая лошадь. На часах было почти шесть утра, ровно сутки с тех пор, как он встал вчера, закинулся кофе и отправился на дежурство, и значит, смена его только что закончилась. Было тихо и жарко, и все вокруг спали. Все, кроме него: седой маленький таксист в Рено и юный таджик в своих пыльных «Напитках», мамаша-Пежо с ее странным сыном, трое в старой Тойоте RAV-4, и толстяк-Патриот со своим семейством, и две женщины в Порше Кайен, которые устроились удобнее всех, потому что в разложенном виде широкие кресла немецкого монстра превратились в реальную двуспальную кровать. И спал, конечно, мордатая сука капитан, запрокинув голову и раскрыв рот, вывалил наружу бледную мясистую лапу и наверняка даже не пошевелился за время, пока он, старлей, шараясь по тоннелю и держался за пистолет, как гребаный Рэмбо, думая, как это – выстрелить в человека. Как он это сделает и сможет ли сделать, потому что ни разу в жизни в чело- века не стрелял. Бил – да, и валил на землю, тащил и заламывал, а однажды даже участвовал в очень стремном допросе, который непонятно чем закончился, потому что в конце надо было выйти, и он вышел, и поехал домой, и не спрашивал ни о чем; но чтобы выстрелить в кого-то – нет, такого не было никогда, для этого он не годился. Сука, сука, подумал он с ненавистью, заглядывая в несвежую Капитанову пасть. Надо было устроиться в банк. В инкассацию, напри-

мер. Осмотреться, прикинуть что к чему и поднять там денег, они же на полу у них буквально валяются. Купить себе тачку без крыши и катать в ней девчонок с голыми ногами.

Он шагнул к кабриолету и заглянул внутрь. Крышу так и не подняли, и красная машина с белыми диванами похожа была на дорожную мыльницу, или даже нет – на огромную перламутровую раковину, и лежали в ней два красивых холеных тела: белозубый мажор в часах за пол-лимона и его тоненькая загорелая подруга. Юбка у нее задралась, и видна была длинная гладкая нога, открытая до самого бедра, и старлею вдруг стало неловко – мучительно, до пылающих щек, как будто он забрался в чужую спальню и стоит над кроватью, и остро захотелось как-нибудь защитить эту бесстыдную ногу, накрыть ее или хотя бы поправить юбку. Но трогать, конечно, было нельзя, как и смотреть, этого нельзя было тоже, а все-таки он смотрел – долго, несколько минут, и увидел родинку над коленкой, и хрупкую щиколотку, и узкую босую ступню, и маленький согнутый мизинец. И розовое ухо, и сладкое горло. А потом наклонился и коснулся темной сложно завитой пряди, сжал между пальцами и понюхал. Волосы у нее были мягкие и пахли земляникой.

В соседнем ряду что-то вдруг шевельнулось, и он вздрогнул – позорно, всем телом, поспешно разжал пальцы и выпрямился. Бородатый старик из Лексуса стоял на коленях возле своей машины, крестился и бил поклоны.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 7 июля, 06:04

Запертый в тесной переноске кот поскребся в пластиковую дверцу и снова заплакал, в этот раз совсем тихо, но доктор все равно услышал его, потому что прежде, чем уснуть, поставил ящик себе под локоть. Спина у доктора затекла, правая нога онемела. Первым делом он посмотрел на часы и сразу испуганно вскинулся, почти уверенный, что увидит перед собой пустые ряды, потому что спал слишком крепко и пропустил момент, когда все развернулись и уехали. Но машины были на месте, и люди тоже никуда не делись. Господи, да что же это такое, подумал он, шесть утра, они вообще собираются нас отсюда вытаскивать?

– Бедный ты, бедный, – сказал он коту, вытащил его из переноски и поставил на асфальт.

Толстый белый кот прижал уши и распластался, как делал всегда в незнакомом месте. Открытые пространства и чужие запахи слишком его пугали. Он был старый домашний кастрат и ужасно нервничал даже на даче, когда его ненадолго выносили на газон, сразу старался бежать обратно в дом, к своему креслу и лотку.

– Лотка у нас с тобой нет, ты уж прости, – сказал доктор. – Делай на пол, я потом уберу.

Кот посмотрел на него с упреком, подергивая хвостом. На пол он не делал уже лет двенадцать. Он опустил голову, с явным неудовольствием обнюхал асфальт и все-таки пошел вдоль решетки, ступая недоверчиво и осторожно. А потом вдруг легко проскользнул между прутьями и оказался на той стороне.

– Стой! – сказал доктор. – Ты куда?

Кот пробежал вдоль измятого борта оранжевой машины, нырнул под переднее правое колесо и пропал из виду. Доктор мысленно обозвал себя идиотом. Бог знает что там вообще внизу, за этим опасно накренившимся колесом – осколки, масло, острые какие-нибудь железки, и в любой же момент искореженная руина может рухнуть и раздавит его, дурака. Доктор встал на колени перед решеткой, прижал лицо к прутьям и вытянул вперед руки. И вполголоса, чтоб никого не побеспокоить, стал звать своего кота.

Молоденький Фольксваген с огромной, чугунной и очень, очень горячей рукой открыл глаза, увидел над головой большую яркую лампу в железном колпаке, и сразу понял, что лежит на операционном столе и случайно проснулся раньше времени, и приготовился сказать об этом. Предупредить их, что он не спит и все чувствует, и чтобы больше с ним ничего не делали, а сначала снова дали ему наркоз и обязательно подождали потом, пока он опять заснет, потому

что без наркоза все, что они делают с его рукой, совершенно точно делать нельзя. Потому что ему уже больно, ужасно больно, и пусть они подождут.

Он разлепил сухие губы и попробовал заговорить, но ничего не вышло – ни слова, ни даже звука. И пока он старался вернуть себе контроль над непослушным языком или хотя бы над горлом, потому что говорить было даже не обязательно, можно ведь было просто застонать достаточно громко, чтобы они услышали и поняли, что он проснулся и все чувствует, и сделали ему еще один укол, – так вот, пока он пытался это сделать и почти смог, правда почти догадался уже, как дышать и как повернуть голову, чтобы получился звук, он увидел справа щербатую бетонную дверь с цифрами 0:61, нарисованными масляной краской, узнал запах бензина, разлитого масла и свою оранжевую машину, разбитую и мертвую, и вспомнил.

Это ведь даже не его была идея, он не собирался этого делать. Красный загорелся прямо у них перед носом, самый поганый момент, когда вот так загорается красный, и ты думаешь – проскочить или не надо, успеешь или нет, и эти идиоты, конечно, сразу завопили сзади – поехали, ну чего ты, но он не поехал. Он нажал на тормоз и остановил машину. А потом они стояли, стояли, и эстакада впереди была пустая, и девчонки хотели писать, и все толкали его в плечо и говорили – нету же никого, смотри, ну чего мы как бараны, и он здорово на них разозлился, потому что один из всех был трезвый и должен был терпеть их, идиотов, пока они допивали свое вино, ныли и ругали его, но все равно не поехал, потому что горел красный. Может, надо было поехать тогда, в тот момент, но горел красный, все время горел красный, и никто вокруг тоже не двигался, все ждали. И только когда начали закрываться ворота, тяжеленные каменные створки поползли навстречу друг другу медленно, с хрустом, как в кино про Индиану Джонса, и с потолка посыпался песок, вот тогда они все заорали разом, и кто-то крикнул – давай, ну давай, проскочим, и он повернул ключ, топнул на газ и рванул, потому что ворота были совсем рядом и закрывались медленно, они должны были успеть, он уверен был, что успеет, он ведь не знал про решетку.

И выходило, что он не виноват, не хотел и точно не поехал бы, если бы не этот крик, надо было просто вспомнить, кто именно крикнул, когда начали закрываться ворота, если бы он только мог сейчас вспомнить, кто это был, кто из них. Не я, думал он, лежа на спине, это не я. Ему было холодно и страшно хотелось пить, и очень жалко было их, всех троих, правда очень жалко. После решетки он не видел их и не знал, как они теперь выглядят, и даже когда заглянул в машину, все равно почти ничего не разобрал и не понял, кроме того, что больше смотреть не надо. Но зато он увидел кость, которая торчала у него из предплечья, собственную белую кость. И такого он точно не заслужил, такого никто не заслуживал, и наказывать его вот так было не за что.

На свою левую руку – жуткую, раскаленную, весом в сто килограммов – он тоже смотреть не стал. Она лежала на асфальте отдельно, рядом, примотанная пластырем к жесткой теннисной ракетке, и похоже, что-то плохое творилось с этой чужой рукой, которая больше не имела к нему отношения, которая ужасно ему мешала, и дело было не только в боли – ему показалось, что она пахнет. Неправильно, гадко, едва выносимо. Причина запаха могла быть другая, он раз двадцать читал, что как раз такой сладкий мерзкий запах исходит от смерти, и это был самый очевидный и трезвый вывод – что пахнет не он, потому что он живой, и даже раздавленная рука его живая, снабжается кровью, соединяется с плечом. Но запах был здесь, совсем рядом, и терпеть его становилось так же трудно, как и боль.

Встревоженный маленький стоматолог забыл о грязном асфальте, чего не позволил себе даже во сне (именно поэтому у него так ныла спина и свело шею), и лежал теперь на животе, пачкая светлую рубашку и чувствуя щекой мелкие шершавые камешки и песок, потому что ему очень надо было заглянуть под машину. Ему казалось, что, если кот увидит его, если они встретятся глазами, его гораздо легче будет уговорить. Кот был старый, обидчивый и никогда

еще так долго не сидел в переноске. Он вообще не любил переноску и очень обижался даже после короткого похода к ветеринару, не приходил на диван и отказывался от еды, прятался в шкаф и линял на шерстяные докторовы водолазки. И лучшим способом преодолеть эту старческую обиду было не приставать к нему, оставить в покое и подождать. Только вот возможности этой у доктора сейчас не было. Он вспомнил, как прошлой зимой случайно оставил кота на лестнице – пошел выносить мусор, неплотно прикрыл дверь и не заметил, что кот вышел следом, и как спохватился только через два часа, прямо посреди ужина, и пробежал двенадцать этажей, пролет за пролетом, прекрасно понимая, что кота уже выставили на улицу, кто-нибудь поддел его ногой и выбросил за дверь, а он ни разу не видел снега, ничего не знал про собак и почти разучился прыгать. Потом он нашел его внизу, у почтовых ящиков, и какая-то бабушка даже постелила ему тряпочку и поставила блюдце с тремя рыбьими хвостами, в тот раз все обошлось. Но набитый автомобилями тоннель длиной в три с половиной километра – не двенадцать этажей, людей в нем гораздо больше, и среди них наверняка найдутся такие, кто может обидеть домашнего кота, домашних котов обидеть легко. Его обязательно надо было уговорить, пока он был еще здесь, на маленьком пятачке между гермодверью и решеткой. Успокоить, чтобы он не убежал и не потерялся в длиннющей опасной трубе.

– Ну что ты, – ласково сказал доктор в пустоту, в непрозрачную тьму за скошенным передним колесом. – Не бойся, все хорошо.

Мальчик-Фольксваген повернулся на голос и узнал щуплого бледного человечка, который четыре часа назад привязал его руку к теннисной ракетке и, кажется, спер часы. Хотя нет, часы он вернул, но в скорую почему-то звонить отказался, копался в своей аптечке, как будто видел ее в первый раз, и все делал так неловко, что ни на какого доктора похож не был. И все-таки стремный заморыш не сбежал, как остальные, и, единственный, до сих пор торчал возле его решетки, а ему было слишком страшно и слишком больно, и нужно было, чтоб ему принесли попить и сделали укол и чтобы кто-нибудь поговорил с ним про руку и сказал, что бояться нечего, и скоро все закончится, и что пахнет не он, ерунда какая, ну конечно, пахнет не он.

– Все нормально, я здесь, – тепло сказал человечек, и молодому Фольксвагену от этих слов стало очень стыдно за все, что он недавно наговорил, и он даже попытался улыбнуться, чтобы показать, как он рад, что не остался один. И тут вдруг понял, что человечек не смотрит на него.

– Эй, – позвал он, и в этот раз язык вроде его послушался, но человечек продолжал напряженно смотреть в другую сторону, как будто не видел его, как будто его здесь не было, и на секунду он подумал: а вдруг его в самом деле нет, просто он еще не знает об этом; вдруг оно так и выглядит – неподвижность, и боль, и холодно, и гадкий запах, и как ни кричи, никто тебя не слышит. Эта мысль так его испугала, что он напряг все силы и сел. Жесткая ракетка дернула сломанную руку, и тут же стало больно, невыносимо, ужасно больно, и он закричал – громко, во весь голос, и сразу понял, что жив, потому что человечек по ту сторону решетки вздрогнул, поднял голову и увидел его.

– Что, что такое? – спросил человечек. – Зачем вы сели? Вам не надо садиться. Сейчас, простите, дайте мне минуту, понимаете, у меня кот, он там, под машиной...

– Кот? – жалобно перебил юный Фольксваген, который четыре часа назад смотрел на кость, торчащую у него из руки, ничего этого не заслужил и понимал теперь только, что провалился в какой-то специальный отдельный ад и никогда, никогда из него не выберется. – Какой кот? Вы что, охренели тут все? Да вы охренели, блядь, психи ебаные, чего вы делаете-то, а?

Выглядел он плохо, гораздо хуже, чем накануне. Речь стала невнятная, лицо блестело, глаза провалились, и со сломанной рукой, заметил доктор, тоже было неладно – она отекала

вдвое, сильно покраснела и распирала корявую неумелую шину, которую он сделал вчера впервые в жизни и которая явно теперь причиняла мальчику больше вреда, чем пользы. Эту руку надо было как можно скорее освободить и перемотать, и откладывать было нельзя.

– Дайте мне телефон, – кричал мальчик, – суки, просто телефон мне дайте, и не надо мне от вас ничего, я сам позвоню, телефон вы можете мне дать?

– Не приедет скорая, – сказал доктор. – Нас тут заперли, и связи тоже нет. Давайте я ослаблю повязку немножко, вам станет полегче. Ну всё, всё. Дайте я посмотрю, не бойтесь, я врач.

– Ага, врач, – сказал Фольксваген и всхлипнул. – Таблетку хотя бы дали какую-нибудь. Мне больно вообще-то! И холодно. И я очень пить хочу.

– У меня ничего нет, простите, – сказал доктор. – Я стоматолог, мы ничего не возим с собой. Но я могу помочь, правда, я постараюсь, покажите руку.

Едва приподняв салфетку марлевую медицинскую № 10, 16 × 14 см, доктор задержал дыхание и еще раз мысленно страстно проклял составителей автомобильных аптечек, которые набили свой бесполезный ящик стерильными тряпками всех размеров и форм, но не предусмотрели ни одного даже самого захудалого антисептика. Прошло семь часов, и антисептиком теперь было точно не обойтись.

– Ну, что там? – спросил Фольксваген, который снова послушно лег на спину и даже отвернул лицо, как ребенок, который согласился наконец подставить палец, чтобы у него взяли кровь, и ждет удара ланцетом, но не собирается на это смотреть.

– Вам нужны антибиотики, – честно сказал доктор, который привык говорить пациентам правду. – Перелом открытый, и, понимаете, мне нечем было обработать рану. Боюсь, у вас началось воспаление. Давайте я сейчас перемотаю и подумаем, что еще...

Заплаканный Фольксваген повернулся и впервые за много часов взглянул на свое предплечье. За девятнадцать с половиной лет вполне приятной жизни он ни разу не видел, чтобы человеческая рука выглядела вот так. Он даже не подозревал, что рука вообще может так выглядеть. Значит, это я, подумал он с ужасом. Значит, это все-таки пахну я.

– Но еще же не поздно, да? – спросил он, стараясь, чтобы голос его звучал спокойнее, по-взрослому, чтобы маленький зубной врач не устал от его криков и не бросил его, как те, другие. – Нас же откроют скоро? Куча же времени прошла, да? Когда они нас откроют?

– Я не знаю, – сказал доктор и по лицу своего юного пациента тоже понял, что его следующая фраза должна прозвучать увереннее. – Но в тоннеле много людей, очень много. Мы найдем. Знаете, люди возят иногда целые мешки лекарств, самых разных. Давайте я схожу и поспрашиваю, вам еще вода нужна и обезболивающие, я найду и принесу. Мне только нужно поймать кота. Я поймаю его и схожу.

Он уйдет, подумал Фольксваген. Я кричал на него, и часы еще эти, ох, ну зачем я кричал про часы, он тоже уйдет сейчас – и всё, и не вернется.

– Вы должны помогать, – сказал он и почувствовал, что говорит не то и не так, слишком жалобно и по-детски, и опять вот-вот раскричится. – Раз вы доктор. Вы не можете меня тут оставить одного.

– Конечно, – сказал доктор. – Не волнуйтесь, я...

Из-под искореженной машины неторопливо вышел кот – толстый, белый, и брезгливо встряхнул лапой, испачканной чем-то темным, то ли маслом, то ли бензином.

– Вот ты где, – с облегчением сказал доктор. – Иди сюда, дурачок, ну, давай.

Фольксваген сжал зубы, готовясь к мучительной острой боли, и снова сел, потянулся и схватил кота здоровой рукой, подтащил и прижал к животу. Кот заорал и забился, но вырваться не сумел.

– Осторожнее, – сказал доктор. – Пожалуйста, вы пугаете его. Давайте я возьму, – и потянулся сквозь прутья решетки.

Фольксваген замотал головой и отполз как мог далеко. Его мутило, бледное личико доктора дрожало и расплывалось.

– Лекарства мне принесите сначала, – сказал он. – А то я ему голову отверну.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 7 июля, 06:17

Перед тем как плюнуть наконец и на сбежавшего арестанта, и на мордату сволочь-капитана, и на грядущее наказание, лейтенант все-таки решил сделать еще один круг, пройти по треклятому тоннелю в последний раз. Виноват в этом, как ни странно, оказался поп из Лексуса, который разогнулся после очередного поклона и застал старлея за разглядыванием спящей красавицы в кабриолете. И хотя объяснений поп никаких не требовал, оставить эту сцену без комментария старлей почему-то не смог и поспешил сообщить, что не просто пялится на голые ноги, а ищет преступника. И поп, к его огромному удивлению, немедленно отвлекся от своей молитвы и поведал, что видел собственными глазами, как человек в наручниках, оставшись один в патрульной машине, которую капитан позабыл запереть, преспокойно выбрался и отправился к въезду в тоннель, следом за убежавшей толпой. Ненависть старлея к жирной гниде в погонах, которая смотрела десятый сон, пока он всю ночь шатался между рядами, как гребаный медведь, от этого свидетельства только усилилась, и он окончательно решил, что уволится к чертовой матери, завтра же, напишет заявление, и пошли они все. Стреляй, главное. Если увидишь – стреляй, а сам развалился и дрыхнет, сука. Но прекратить поиски сейчас, на глазах у седобородого попа, тоже оказалось невозможно, и вот он опять шел, хромая уже на обе ноги, механически и равнодушно, просто чтобы завершить цикл, и снова считал про себя: рыжая собака в Ситроене, седан с пионами, папка с бумагами. Голубой пассажирский автобус, за которым шесть часов назад они прятались с очкариком из Тойоты и толстяком из УАЗа, пока люди в тесных проходах топтали друг друга. Минут через десять покажется Опель с младенцем, за ним решетка – и всё, поворот, и скоро он вернется к машине, откинёт спинку кресла, расшнурует ботинки и будет спать, и пускай пузатая скотина-капитан делает себе что хочет.

Окна автобуса запотели, форточки и двери были распахнуты настежь. Как они там спят вообще, в этой душегубке, подумал подавленный жарой старлей с внезапным сочувствием, кресел-то наверняка на всех не хватило. Лежат, наверно, вповалку, как селедки в банке. Сколько их там, человек сорок? Да если даже тридцать. Если даже тридцать, подумал он и остановился. Тридцать или сорок случайных людей, которые вряд ли крепко запомнили друг друга в лицо. Вот же я мудака.

Он все еще мог притвориться, что эта запоздалая и почти уже бесполезная мысль так и не пришла ему в голову. Тем более что он ведь заглянул в автобус в самом начале, когда все еще бродили туда-сюда. И никакого человека в наручниках не было, а сидели там какие-то старухи, разложив по сиденьям целлофановые кульки с печеньем, хлебом и колбасой, мыли яблоки газировкой и вполголоса привычно ругали сволочей, которым дела нет до того, что люди теперь и домой-то вовремя попасть не могут, и старлея немедленно обругали тоже – без огонька, просто за компанию. Но больше ни разу в автобус он не совался, ему за сегодня и так хватило проклятий. Он мог бы сейчас просто пойти дальше к Опелю с младенцем, потом к решетке и назад, тупо закончить свой четвертый по счету обход, ослабить шнурки и лечь спать, а завтра подать рапорт. Затребовать перед увольнением неиспользованный отпуск. И чудесная эта ясная перспектива была вот она, совсем рядом. Тем более странно было, что вместо этого он вытащил из кобуры пистолет, обошел спящий автобус и полез внутрь через заднюю дверь.

Запах в салоне стоял тяжелый и несвежий. Несмотря на открытые двери, внутри было жарче в разы, как будто он заглянул в баню. Кто-то шумно, со свистом храпел, по оконным стеклам редкими ручейками стекала испарина. Злополучные пассажиры и правда лежали как

попало, кто на креслах, кто прямо на нечистом полу, подложив под головы пакеты и сумки. Человека в наручниках он увидел сразу – тот дремал полусидя, прислонившись спиной к кабине водителя, и, хотя наручники свои спрятал под чьей-то свернутой курткой, старлей узнал его мгновенно: разбитая щека, распухшая бровь. Даже вспомнил его улыбку, потому что странный этот человек, избитый и скованный, в самом деле улыбался ему с заднего сиденья всякий раз, когда он оборачивался. И это была нормальная улыбка, обычная, даже веселая, как будто не он, старлей, разбил ему лицо, когда валил на землю. Как будто ни рассеченная скула, ни сам этот стремный арест, обстоятельства и причины которого по-прежнему вызывали у молодого лейтенанта смутную тоску, ничего не значили и ничего между ними не испортили.

Арестант вдруг шевельнулся, поднял голову и открыл глаза и в этот раз улыбаться не стал. Несколько долгих мгновений они смотрели друг на друга – серьезно, молча, разделенные длиной автобуса и несколькими десятками спящих тел, превращаясь из двух уже почти не связанных друг с другом людей в казака и разбойника, в охотника и жертву. И как только превращение закончилось, человек в наручниках легко вскочил на ноги, выпрыгнул из автобуса через переднюю дверь и побежал, а старлей скатился по своим ступенькам вниз и бросился следом.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 7 июля, 06:23

– Простите, пожалуйста, – в десятый раз безнадежно начал доктор, когда распахнулась очередная дверца и показалось еще одно заспанное лицо, и в десятый же раз приготовился увидеть, как надежда, с которой проснувшиеся встречали его робкий стук в стекло, сменится разочарованием, досадой и гневом.

Он торопился как мог, даже говорить старался быстро, но продвинулся пока совсем недалеко, пробежал поперек всего три передних линии машин – зигзагами, как испуганный жук-водомерка. И разбуженные реагировали одинаково: сначала вскидывались и тормозили остальных спящих, уверенные, что проклятые ворота открылись наконец и можно ехать, и только потом разбирали, что никакого спасения он им не принес, напротив – пришел взять у них. И сразу начинали сердиться на него – невольно, не лично, как на гонца с плохой вестью, и некоторые даже копались потом в сумках и предъявляли ему початые упаковки таблеток, пузырьки и тюбики, но маленький доктор все равно чувствовал себя попрошайкой в электричке, потел, извинялся и мямлил и все время думал про кота. Про старого своего кота, у которого слабое сердце и дурной характер и который от гостей всегда прячется под диваном, не выносит бестактных прикосновений и даже полежать рядом приходит, только когда сам к этому готов.

– Извините, что разбудил вас, – говорил он, жалко улыбаясь. – Нет, нас еще не открыли, нет, извините. Да, понимаю, но вопрос неотложный. Дело в том, что ранен человек, серьезно ранен, и ему очень нужны лекарства. Может быть, у вас что-то есть? Если вы не против, я взглянул бы. Простите еще раз, спасибо большое, – и разглядывал мятые пачки валидола, витамин, леденцы от кашля и капли от насморка, извинялся, и благодарил, и бежал к следующей машине.

Его мучила мысль, что всё с самого начала пошло неправильно, какой-то ужасной кривой дорогой, причем именно из-за него. Это он сглупил и ошибся – давно, еще пять часов назад, потому что мог ведь найти и паршивый антисептик, и даже какие-нибудь антибиотики еще тогда, если бы не женщина с молоком, которая сказала «они думают, им все можно», и он постеснялся настаивать. Да что там, почувствовал облегчение, как будто сердитая женщина одной своей репликой избавила его от неудобств, унижений и неприятных разговоров, выступила за весь тоннель сразу и разрешила ему не искать помощи, просто наложить идиотскую шину и заснуть. Убедить себя в том, что вот-вот появятся другие и остальное возьмут на себя, а он и так сделал все что мог, хотя это была неправда и он не сделал. Конечно нет, и каждая следующая минута только уводила его дальше от правильного течения событий, запутывала

все еще сильнее, но вырваться почему-то уже не получалось, и он катился по тем же муторным рельсам. Заискивал и суетился, заранее готовый к отказу; не требовал, а просил, потому что ему все еще было неудобно, и он по-прежнему ждал, что все как-нибудь разрешится само собой. Потому что он был слабак. Тряпка. И теперь мальчик из Гольфа вот-вот потеряет сознание и придавит кота или даже убьет нарочно, в наказание за его, доктора, малодушие и глупость. И даже зная это, он, доктор, не бросается, например, к своей машине и не жмет на сигнал, чтобы разбудить всех. И даже в эту самую минуту ему, доктору, гораздо жалче не мальчика, а кота. Но сильнее всего, получается, ему жалко себя.

– Ну что? – спросила сонная девушка из синего Хёндай Гетц, держа у него перед носом раскрытую косметичку. – Подойдет вам что-нибудь?

Аспирин, ибупрофен, лейкопластырь. Пара тампонов, пудреница, помада и зубная щетка. Бесплезная дребедень, ерунда.

– Да, – сказал он. – Да, спасибо большое, я возьму вот это, если вы не против, – и вытащил серебристый блистер ибупрофена, в котором из десяти таблеток осталось шесть. – Это не совсем то, что нужно, но пригодится. И если у вас найдется немного воды... Спасибо. Спасибо, вы очень помогли, правда.

По пути к решетке он выдавил таблетки в ладонь – маленькие, белые, без маркировки. Упаковку он смял и положил в карман.

– Вот, – сказал он задыхаясь. – Вот, я достал. Видите? Вот. И еще я принес вам воды.

Мальчик-Фольксваген снова лежал на спине, прижимая кота к груди, бледный и мокрый, как утопленник, и на краткое мгновение доктору показалось, что он опоздал, что один из них может быть уже мертв – или мальчик, или кот. Но тут мальчик открыл глаза, а кот дернул лапой – устало, несильно.

– Это что? – хрипло спросил мальчик.

– Антибиотик, – соврал доктор. – Это то, что вам нужно. Я принес. Вы можете отпустить его. Пожалуйста.

– Нет, – сказал мальчик. – Сначала дайте таблетки. И мне еще нужен укол. Мне больно, вы сами говорили, что нужен.

– Ну что вы как маленький, – сказал доктор. – Зачем вы так? Я всю ночь тут с вами сидел, я помогаю.

– Нет, – сказал мальчик.

– Если вы их не примете прямо сейчас, – сказал доктор, – у вас начнется сепсис. Он уже начался, посмотрите. Это очень быстрый процесс, и даже если нас откроют в ближайшее время, вы до этого, скорее всего, не доживете. Но я нашел. Это очень мощное средство, оно поможет. А я пока найду вам укол. И еще воды. Только вы должны отдать мне кота. Вы не сможете взять таблетки, пока его держите. Здесь шесть штук, нужно принять сейчас две и через два часа еще две. Ну же, берите.

Кот устал и, даже когда его впервые в жизни взяли за шкурку, чтобы просунуть между прутьями решетки, не сопротивлялся и не протестовал. Покорно обмяк, свесив лапы и голову, и доктор скорее перехватил его поудобнее, прижал к себе и проверил сердце.

– Ну что ты, брат, – сказал он. – Что ты.

Он постоял немного с котом в руках, потом сел на корточки и осторожно посадил его в переноску, запер дверцу.

– Все будет хорошо, – сказал он мальчику, на которого смотреть сейчас не мог. – Я скоро. Попейте и постарайтесь заснуть.

Молоденький Фольксваген разглядывал свою ладонь, полную белой кошачьей шерсти. Таблетки лежали в ней слипшейся влажной кучкой. Я просто держал его, подумал он, я ничего бы ему не сделал. Ясно же, что я не мог бы убить кота, ну ясно же. И надо было, конечно, сказать это вслух, чтобы маленький грустный человечек понял, но тут оказалось, что слова – любые, вообще все слова стали ему противны, он вдруг как будто ужасно устал от слов. И ничего говорить не стал, просто поднес ладонь ко рту и проглотил все шесть таблеток разом, а потом в три глотка допил оставшуюся в бутылке воду и закрыл глаза.

Доктор поднял оба своих ящика, большой и маленький, и понес к машине.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 7 июля, 06:54

Капитан проснулся, посмотрел в желтый прокуренный потолок патрульной машины и сразу вспомнил все, одним длинным отвратительным кадром: бетонные ворота с цифрами, истеричку из Пежо, банду психов в Майбахе, сбежавшего арестанта и то, что с ним, капитаном, сделают буквально сегодня же к вечеру, если того не удастся поймать. Сраные ворота закрылись очень не вовремя, и предвидеть этого, конечно, никто бы не мог. Но теперь, наутро, остывшему и раскаявшемуся капитану казалось уже, что и ворота, и весь прочий душный кошмар, который ему пришлось вынести накануне, – оправдание недостаточное и понимания не встретит. Он даже сам себе не смог бы сейчас объяснить, почему так легко и бесстрашно лег вчера спать и самое важное доверил зачем-то этому молодому долбаку, который без подсказки даже задницу себе ни разу не подтер. Которому все равно, потому что голову-то оторвут не ему, и который, скорее всего, смылся куда-нибудь, с глаз подальше, и дрыхнет.

Капитан посмотрел на часы, выругался сквозь зубы, включил передатчик и недолго послушал знакомый уже мертвый механический шум. Еще раз обернулся к пустому заднему сиденью, с отвращением поглядел на пятно крови, подсохшее на велюровой обивке, а потом толкнул дверцу, выбрался наружу и принялся стучать в соседние машины. Первым он разбудил здоровяка из УАЗа, потом очкарика из Тойоты и, подумав, дернул за плечо хлыща из кабриолета. Выбор у него был сейчас небогатый, и дольше тянуть уж точно было нельзя.

Увидев за стеклом напряженную капитанскую физиономию, никакой надежды Митя не испытал. Почему-то сразу ясно было, что хороших новостей от капитана ждать нечего и явился он по какому-то неприятному поводу. Хмурые и помятые Патриот с Кабриолетом тоже смотрели на толстяка полицейского безо всякого восторга и, когда тот прижал палец к губам и поманил их в сторону патрульного Форда, подошли неохотно и встали неблизко.

– Ты чего расстучался? Семь утра, – сказал Патриот. – Построение у тебя? Лейтенанта своего построй.

По лицу капитана пробежала тень. К подобным вольностям от гражданских он явно не привык, и видно было, что ответ у него готов и рвется наружу, но борьба была краткой. Он молчал всего пару секунд, а потом взял себя в руки и сделал вид, что непочтительного тона не заметил и слов не расслышал.

– Значит так, мужики, – сказал он. – Дело серьезное, нужна ваша помощь.

Ого, капитан, подумал Митя, смотри-ка, да ты у нас молодец.

– А что случилось? – спросил он невинно. – Это из-за вашего заключенного, да?

– Задержанного, – сухо поправил капитан, возвращаясь в официальное русло. – У нас сбежал задержанный. Дело, как я сказал, серьезное, и надо...

– Да сам ты сбежал, – перебил Патриот. – Видел я тебя. Машину не запер.

– Вы простите, конечно, – сказал Кабриолет. – Но я правда не очень понимаю, при чем здесь мы?

– А, – сказал Митя. – Так он все-таки опасный. Или как? А то я вчера вас не очень понял. Я подходил к вам, помните? Вы еще просили не мешать вам работать.

– Работал он, ага, – сказал Патриот. – Молодого погнал, а сам спать завалился. Не отлежал себе ничего, работник?

Принужденное дружелюбие на лице капитана стремительно таяло, лоб и щеки начинали краснеть.

– Короче, – сказал он неприязненно. – По тоннелю бегают преступники. Неизвестно что делает, может быть где угодно. Я к вам как к сознательным гражданам, его надо поймать.

– Кому надо? – спросил Митя. – Что он натворил, вы можете сказать? Старушку убил топором? Или вы его за невесторженный образ мыслей завили? Потому что, знаете, есть разница. И если вы правда хотите, чтоб мы дружину тут организовали...

– Нет, а как вы это себе представляете вообще? – спросил Кабриолет. – Если он опасен. У нас ни оружия, ничего...

– Капитан! – зазвенело вдруг между рядами, и все четверо одинаково вздрогнули и обернулись, на мгновение объединенные общей тоской, и даже невольно встали поближе друг к другу. – Да, я к вам обращаюсь, вы слышите?

За ночь, проведенную в крошечном Пежо, ее кудряшки слежались и поникли, тушь поплыла, а веки устало набрякли, но страсти в круглом лице как будто даже прибавилось. Она шагала к ним уверенно и быстро, такая же свирепая, как накануне, и говорила на ходу, не понижая голоса, посылая вперед свои сердитые слова, как будто желая пригвоздить их к месту заранее, не позволить им разбежаться.

– Восемь часов! Во-семь! Мы уже тут проторчали! Чем вы заняты вообще? О чем вы там шепчетесь? Я хочу знать, что! вы! собираетесь! делать! Да-да, капитан, вы! Это ваша прямая, между прочим, обязанность! Здесь несколько сотен людей, вы хотя бы поинтересовались, каково им? Вы пройдитесь по рядам! Нет, вы пройдитесь!

Капитан едва слышно застонал. После всего, что он вытерпел вчера, и учитывая беды, которые почти неотвратимо ждали его впереди, явление этой адской, невыносимой, трижды проклятой бабы оказалось последней каплей. К тому же истеричка перебудила всех, и в окошках соседних автомобилей начинали появляться недовольные лица и послышался даже какой-то одобрительный ропот, позволявший предположить, что дела вот-вот снова примут крайне нежелательный для капитана оборот. Он набрал в легкие воздуха и шагнул вперед, к персональной своей Немезиде, готовый расставить наконец точки, пресечь бунт на взлете и напомнить ей, а заодно и всем остальным, что их место – двадцать пятое, что их не спрашивали никого, и рассказывать они еще будут, что он им там должен. И предвкушал уже, как затолкает им все капризы обратно в глотку и рассадит назад по машинам, чтоб сидели тихо и не путались под ногами, и даже открыл было рот. И сразу увидел своего сбежавшего арестанта, который мчался по узкому проходу прямо ему навстречу.

Он захлопал ладонью по бедру, нащупывая пистолет, и даже успел заметить, как перекосило стерву из Пежо, которая движение это, конечно, приняла на свой счет, и как резво она шарахнулась в сторону. Но что-то там у него на поясе зацепилось и застряло, а через секунду человек в наручниках налетел и сильно, больно толкнул его плечом, едва не свалив с ног, и пронесся мимо, к началу тоннеля. И пока капитан, опрокинутый на борт патрульного Форда, барахтался, как тяжелая перевернутая черепаха, и пытался вернуть себе равновесие, одновременно сражаясь с непослушной застежкой своей кобуры, следом пробежал молодой лейтенант – громко топая, с искаженным белым лицом и открытым ртом, как будто гнался не он, а напротив, гнались за ним.

– Аааааа! – заорал капитан. – Да чтоб тебя, сука! – и оторвал наконец ремешок, выдернул пистолет и ринулся вдогонку.

Мамаша-Пежо вопила, хлопала дверцы, кто-то громко спрашивал – что, что случилось, объяснит мне кто-нибудь, что случилось, и Митя с удивлением понял, что сейчас побежит

тоже – бездумно, повинаясь какому-то глупому инстинкту, первобытной потребности влиться в погоню, и даже отпихнул было Кабриолета, прикидывая, что хорошо бы рвануть по соседнему ряду на случай, если беглец развернется, чтобы оказаться у него на пути и перехватить, но тут Патриот опять взял его за локоть и дернул, совсем как тогда, возле автобуса.

– Ты чего это, Очки, – сказал он неожиданно трезво. – Остынь. Это их терки, тебя вообще не касаются.

И Митя действительно тут же с облегчением остыл, и паника вокруг тоже как-то увяла и закончилась разом, как будто всем одновременно стало неловко. Сцена была, разумеется, возмутительная. Но, во-первых, и закованный в наручники человек, и оба полицейских скрылись уже из виду, стигнули в пустой части тоннеля, и все неприятное должно было произойти между ними где-то далеко, за кадром. А во-вторых, после восьми часов ожидания, тяжелого сна в тесных машинах, духоты и неизвестности беспокоиться о чужих делах просто не осталось сил. Лица в неживом электрическом свете были мятые, вчерашние, как у разбуженных пассажиров поезда, которым посреди ночи зачем-то велели выйти из купе. Но на часах было начало восьмого, а значит, снаружи, за бетонными стенами, уже взошло солнце, катила свои желтоватые воды река, город наверняка проснулся и занялся обычными своими утренними делами. И только они почему-то оставались заперты под землей, в тесной каменной трубе. До сих пор, без причины, без объяснений. И это был самый главный, самый насущный вопрос, который больше нельзя было откладывать, – почему? И сколько еще это будет продолжаться?

– Извините, – сказала старшая женщина-Кайен. – Мне очень неловко, но нет ли у кого-нибудь воды?

Даже эта шикарная красавица из Порше, на которую Ася глазела накануне, выглядела сейчас поблекшей и усталой. Черное платье пошло складками, на бледных руках вздулись вены, пальцы под тяжелыми кольцами распухли. Да ей лет пятьдесят, подумала Ася, а то и больше. Терпила, разумеется, тут же полезла в Тойоту и через секунду вынырнула с полупустой бутылкой минералки, из которой Ася за ночь не выпила ни глотка и теперь остро об этом жалела. Лицо у Терпилы было торжественное. Ну еще бы, она совершала Добрый Поступок.

– Вот, – сказала она. – Возьмите. Она начатая, ничего?

– Спасибо, – ответила женщина-Кайен, протерла горлышко салфеткой и сделала несколько изящных глотков, а остальное выплеснула себе в ладонь, промокнула лицо, затылок и шею и принялась растирать свои тонкие голые плечи. – Боже, как хорошо, спасибо большое.

– Вообще-то, – сказала Ася, – это была наша последняя вода. Если что.

– Ася, – сразу сказала Терпила, хотя на такой поворот тоже вряд ли рассчитывала. – Ну зачем ты.

Женщина-Кайен вздрогнула и посмотрела на пустую бутылку у себя в руке.

– Господи, – сказала она. – О господи. Простите, ради бога, я не подумала.

Ася отвернулась. Сейчас ей все были противны одинаково – и Терпила, и тетя из Порше, и папа. Особенно папа. Но пить все равно хотелось ужасно.

– Какая же я дура, – сказала женщина-Кайен. – Я достану воду. Слышишь, детка? Куплю у кого-нибудь...

– Не говорите глупостей, – сказала Терпила. Голос у нее был сердитый.

– На, глотни у меня немножко, – сказала нимфа, высовываясь из красного кабриолета, и помахала Асе. – Только руки не мой, ага?

– Чёооорт, а я как раз ботинки хотела протереть, – сказала Ася, и нимфа сморщила нос и захихикала.

Вот кому ни проведенная в машине ночь, ни вчерашние полтора литра «Жигулевского» совершенно не повредили. Она была так же хороша и свежа, как и накануне, и так же закинула ноги на приборную панель, разве что маленькие ступни сегодня были перепачканы пылью.

Ноги эти, длинные, загорелые, открытые до самого бедра, неожиданно добавили разговору оптимизма. Зрелище правда было выдающееся и какое-то, черт возьми, радостное. Такие ноги нельзя было запереть надолго в каком-то глупом тоннеле, они внушали надежду. Напоминали о белом морском песке и соленом ветре, о том, что наверху – лето и солнечное утро и жизнь сулит еще много прекрасного.

Седой темнолицый таксист из Рено вскочил, произнес несколько резких слов на непонятном языке и вдруг плюнул на асфальт прямо между такси и кабриолетом. Нимфу эта внезапная вспышка, как ни странно, не смутила совсем. Она не спеша подняла к нему голову, призывно надула губы и покачала коленкой и, когда он скривился и вспыхнул, с удовольствием показала ему средний палец. Тоже, к слову, безупречный, тонкий и длинный. И все же сладкий морок рассеялся и тревога вернулась.

– Так, – сказала мамаша-Пежо. – Ну хватит, всё. Это нельзя дальше терпеть. Нас просто бросили тут, и никто ничего не делает.

– А что мы сделаем-то? – спросил Патриот. – Ворота взорвем?

– Да что угодно! – сказала она сердито. – Хотя что-нибудь, ну нельзя же просто так сидеть. Лично я не собираюсь. Это вам может быть все равно, а у меня ребенок, которому нужно домой. А ну-ка, отойдите. Пустите меня, говорю!

Она растолкала мужчин и решительно уселась в патрульный Форд, неожиданно ловко включила передатчик, схватила тангеиту и тут же принялась кричать в нее:

– Алло! Вы слышите? Кто-нибудь слышит меня, алло! Черт знает что такое, алло! Алло! – и поскольку ответа никакого, разумеется, не было, принялась крутить рычажки и жать на кнопки, то увеличивая громкость, то меняя частоту, но эфир был все так же пуст, и в динамике также издевательски булькало и хрустело. Щеки у нее снова пошли пятнами, глаза горели; она вообще, судя по всему, легко впадала в ярость и тут же бросалась в атаку, безо всякой паузы. Не женщина, а питбуль, подумал Митя с невольным уважением и даже отступил на шаг. Куда там капитану. Надо было ее отправить в погоню, она бы этого арестанта беглого в зубах назад притащила. – Мерзавцы, ах, мерзавцы, проклятые чертовы мерзавцы! – рычала мама-Пежо, которая отшвырнула уже тангеиту и лупила теперь по всем кнопкам сразу обеими руками, как охваченный страстью пианист, причем досталось не только несчастному передатчику – она ударила руль кулаком, включила фары, затем мигалку на крыше и наконец, как и следовало ожидать, запустила сирену.

Патрульная машина дрогнула, кашлянула и завывала.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 7 июля, 07:13

Гневный, тревожный, невыносимый вой, нарочно задуманный так, чтобы причинить человеческому уху максимальные страдания, рванул по длинной бетонной трубе в обе стороны, отражаясь от стен и потолка, ударился в глухие каменные створки в начале и в конце тоннеля и полетел обратно, усиливаясь по пути и прирастая эхом, и скоро уже трудно было определить, откуда он исходит и сколько всего источников.

Услышав его, у дальних ворот очнулся молодой водитель Фольксвагена, повернул голову и увидел через свою решетку, как люди в передних рядах снова выбираются из машин, привлеченные звуком, тащат наружу вещи и хватают младенцев, но звать в этот раз никого не стал. Во-первых, кричать у него не было сил, а во-вторых, они уже сделали так однажды, убежали и бросили его, и не было смысла надеяться, что сейчас будет по-другому. Ну и что, подумал он, ну и ладно, и снова начал смотреть в потолок, в желтую лампу, которую часом раньше принял за операционный светильник и которая поэтому теперь, как ни странно, его успокаивала. Это, наверное, скорая, наверняка скорая, кто-то все-таки вызвал скорую, и она не может проехать. Застряла там где-то, на той стороне, и гудит, но это ничего, не страшно, скорую пропустят, ее

всегда пропускают. И даже если не пропустят, можно ведь и пешком. Он им расскажет, что я здесь, и они придут пешком, и сделают мне укол, и спасут мою руку. И я тогда объясню, что не хотел, я просто держал его, и все, я ничего бы ему не сделал.

От воя сирены в прохладном салоне огромного Майбаха Пулман проснулись четверо: желтолицый старик, до подбородка укрытый пледом, его светловолосая помощница, толстый шофер в галстуке и неприятный бледный телохранитель, который так смутил вчера чуткого капитана. Приумноженный каменными сводами, звук просачивался даже сквозь затемненные пулестойкие стекла и стал еще громче, когда телохранитель распахнул массивную дверь, выпрыгнул наружу и замер в проходе, повернув лицо к источнику шума, напряженный и собранный, как будто и не спал вовсе. Немолодому водителю времени явно требовалось больше, и он хлопал глазами и тряс головой, чтоб собраться и повернуть к шефу бодрое, профессиональное лицо.

Но желтолицего эти двое сейчас не интересовали. Он раздраженно выпростал из-под пледа сухую морщинистую руку, надел очки и повернулся к помощнице, которая тут же поспешно одернула блузку, пригладила волосы и посмотрела на часы.

– Что происходит? Как дела со списком? – спросил он. – Докладывайте.

Она молчала и хмуро разглядывала циферблат. Вид у нее был свирепый, даже угрожающий, как будто крошечный измеритель времени серьезно подвел ее и теперь ему предстояло за это поплатиться.

– Он что, так и не приходил? Я дал ему два часа, – сказал желтый человек. – Я вам дал два часа. Почему не проконтролировали? Вы что, проспали?

Ответа на этот простой вопрос тоже не последовало. Ясно было только, что дорогой швейцарский хронограф на запястье женщины в синем костюме вот-вот расплавится и стечет серебристыми каплями на замшевый коврик. А то и прожжет его насквозь, до асфальта.

– Давайте я схожу, – предложил телохранитель, нагибаясь и заглядывая в салон. – Приведу его, разберусь, что там, как. Я быстро.

– Вернись на место, – сказал желтый человек, – сядь! Это не твоя работа. А вот вы, – продолжил он, снова обращаясь к своей молчаливой подчиненной, – сейчас пойдете и всё исправите, это понятно?

– Да, – сказала она и подняла наконец глаза. – Да, конечно.

Выбираясь из машины, она столкнулась с телохранителем, который в этот же самый момент лез обратно, точно так же спеша выполнить приказ, и дорогу не уступил. На секунду они даже соприкоснулись носами и замерли, как два боксера перед взвешиванием, но женщина в синем была слишком сердита, а щуплый телохранитель к тому же оказался меньше ростом и легче килограммов на десять, и в конце концов шагнул назад, и склонился в насмешливом поклоне, похожий на гостиничного швейцара, только в черном дешевом пиджаке и с пистолетом под мышкой.

– И пусть выключат эту идиотскую сирену! – раздалось из Мерседеса, потом дверь закрылась.

Ужасный и грозный вопль патрульного Форда разбудил и юного Газелиста, который шесть последних часов провел взаперти в своей кабине, лежа на широком сдвоенном сиденье, потому что, Субуаналлоуи ва биуамдиуи, в эту смену оказался без напарника, с которым это сиденье пришлось бы делить. После вчерашних страданий он даже не решился опустить стекла и, чтобы не попадаться больше злому человеку из Рено, в туалет тоже не выходил. Помочился в пустую пятилитровку из-под «Черноголовки», плотно закрутил крышку и убрал нечистую бутылку подальше, под приборную доску, а сам улегся спать, стараясь не думать о расколе бампера такси, об истекающем в шесть утра пропуске на въезд и о том, что точно не сумеет

никому объяснить про ворота и решетку. И как все побежали, и как он испугался и побежал тоже, но потом вернулся и все-таки запер машину, чтобы сберечь груз, и обязательно успел бы вовремя закончить доставку, если бы ему дали проехать. Но проехать оказалось нельзя как раз из-за решетки и ворот, а он не знал, как все это сказать по-русски, и спросить было некого. Он знал только, что назавтра его непременно уволят и денег ему тем более никаких не заплатят, потому что правило было строгое: ни одной аварии, – и выгоняли даже тех, кто не был виноват, а он-то как раз был. Выронил телефон и наклонился за ним, на секунду отпустил тормоз и покатился вперед, испортил чужую машину, и за это впереди его, конечно, ожидали теперь одни напасти и неведомые еще унижения.

Но во сне он забыл обо всех своих тревогах, как умеют только очень молодые люди, и снилось ему что-то хорошее и смешное. И даже когда заорала сирена, он какое-то время еще досматривал свой безмятежный веселый сон, улыбался и глаза открыл легко и без страха. И сразу увидел вчерашнего своего мучителя, темнлицега таксиста из Рено, который взобрался на подножку Газели и смотрел на него в упор через стекло. Юный Газелист поджал ноги и быстро отполз от окна, совершенно уверенный, что сирену включили из-за него, чтобы заставить его отпереть наконец двери, выйти и принять наказание за разбитый бампер. Ему даже привиделся кадр из полицейского фильма – воюющие машины с мигалками и люди в бронежилетах, которые кричат «выходи с поднятыми руками» и тут же начинают стрелять, как будто на самом деле только и ждали возможности превратить кого-нибудь в решето. Поэтому, когда седоватый сердитый таксист жестом велел ему поднять кнопку, он подчинился обреченно и сразу, готовый ко всему. Но людей с пистолетами видно не было, и человек из Рено тоже почему-то не стал хватать и тащить его наружу, а вместо этого забрался в кабину и плотно закрыл за собой дверь.

– Ты откуда сам, брат? – спросил он по-русски, а потом сделал странное: качнулся к своему пленнику и положил ему руку на плечо.

Отеческая улыбка на темном недобром лице выглядела скорее жутко и напугала юного Газелиста еще сильнее, но он был воспитан в почтении к старшим. Вопрос был задан, и нужно было ответить.

– Точикистон, – сказал он послушно. – Панчакент.

Таксист-Рено вздохнул и покачал головой. Разочарованно, но без гнева, как будто такого ответа и ожидал и смирился с ним заранее еще до того, как залез в машину и начал разговор.

– А я из Андижона, – сказал он. – Узбекистон. Ты мусульманин, брат?

Молоденький, испуганный и очень сейчас одинокий водитель Газели поспешно закивал и с облегчением сказал «да, да», на русском сказал «да», радуясь, что понял вопрос и может на него ответить, и улыбнулся как мог широко. И в этот момент сирена смолкла и снова стало тихо.

– Совсем охренела, идиотка гребаная? – рывкнул Патриот, когда у него разложило уши. – А ну, вылезай! Вылезай, говорю, и не трогай больше ничего, весь тоннель сейчас сюда сбегится!

Проклятый ревун удалось выключить довольно быстро, вряд ли прошло больше минуты, но ущерб был уже нанесен. Проснувшиеся ряды шевелились и гудели, как электрические провода под напряжением, и люди действительно начинали прибывать. На вчерашнюю панику это, к счастью, все-таки было не похоже, никто не кричал, и давки не было, но несколько сотен человек, восемь с лишним часов проведя в ожидании хоть каких-нибудь новостей, одновременно слышали громкий звук и восприняли его однозначно – как призыв, долгожданный сигнал к сбору, и отправились искать источник. Плотнo потекли к нему с обеих сторон со своими вещами, страхами, жалобами и вопросами, и маленький пяточок возле патрульного Форда внезапно стал местом, где два этих потока вот-вот должны были встретиться.

– Ася, вернись в машину, – сказал Митя.

Она оглянулась и закатила глаза.

– Ну что, пап?..

– Сядь в машину! – повторил Митя громко, и тут же стало поздно.

Проходы наполнились людьми мгновенно, как будто в тесном русле вдруг поднялась вода, и сразу некуда стало поставить ногу. Автомобили начинали качаться, скрипели рессоры. Никто не бежал и намеренно не толкался, лица были спокойные и сосредоточенные, как в очереди на эскалатор в час пик, только ступенек впереди не было. Он видел такое однажды в подземном переходе после футбольного матча, когда полторы тысячи человек с двух сторон пытались войти в метро через четыре стеклянных двери, и до сих пор помнил тишину, шорох одежды, и шарканье ног, и чужое дыхание вокруг, массу одновременных выдохов и вдохов, и как ему вдруг отчетливо стало ясно, что его крошечная ничтожная воля не имеет никакого значения и, даже если рвануться на выход или поджать ноги, его все равно понесет вперед к узкому месту.

– Пустите, – сказала побледневшая мама-Пежо. – Пропустите, пожалуйста, – и заработала локтями, но встречный поток уже накрыл ее голубую машинку и застыл, как цементный раствор.

– Это вы сигналили? – раздался женский голос. – Что такое, есть новости?

– Ворота открыли, да? – спросил кто-то с надеждой.

– Господи, ну наконец-то!

– Что он сказал? Повторите, я не слышу! Что-то с воротами?

– Да вроде открыли...

– А которые, те или эти?

– Откуда я знаю? Сами спросите!

– Лёва, Лёвочка, дай мне руку. Дай руку!

– Не надо толкаться, здесь нет места!

– А вы проходите вперед!

– Осторожнее, здесь ребенок! Лёва!

– Так открыли или нет? Кто сигналил? Дайте пройти!

Толпа зашевелилась и разбухла, похожая на тесто, выпирающее из кастрюли, и кто-то лег уже на капот кабриолета, сердито закричала нимфа, потом ойкнула Ася, которую прижали к полированному красному борту. Митя поискал глазами жену и не нашел, ее не было видно за головами, хотя Тойота стояла прямо напротив, через проход. Распахнутая дверь патрульной машины у него за спиной захрустела, готовая вылететь из петель. Один громкий звук, подумал он. У кого-нибудь сдадут нервы, кто-нибудь упадет, или закричит, или просто начнет пробираться к воротам, и начнется как вчера. Только бежать в этот раз будет некуда.

Надо было отвлечь их, остановить до того, как станет слишком шумно, объяснить, что они пришли зря, и заставить повернуть назад. Но еще раз включать сирену точно было нельзя, сирена сделала бы только хуже, так что он схватился за влажное патриотово плечо, и взобрался на подножку Форда, и сверху разглядел наконец Сашу и красивую женщину-Кайен в принужденном объятии возле Тойоты, и розовую от волнения макушку мамы-Пежо, и Аську, которая, умница, забралась-таки к нимфе в ее железную мыльницу. Он поднял руку и крикнул:

– Эй! Послушайте! Все послушайте меня!

И тут же понял, что ни малейшего представления не имеет о том, что говорить дальше.

А они тем временем действительно замерли и подняли к нему лица, одинаково напряженные и жадные, как будто смотрели на него из гнезда, куда он должен был принести еду. Все, даже Саша и Ася, даже стоявшие рядом Патриот с Кабриолетом, которые точно знали, что никаких новостей у него нет и быть не может. Стало очень тихо, слышно было только, как скулит запертый в голубом Пежо мальчик. А он, Митя, зачем-то торчал под сотнями взглядов с поднятой рукой, в идиотской ленинской позе, как будто провалился в тоскливый школьный

сон, в котором стоишь у доски и не можешь вспомнить ни слова. И поэтому скорее обрадовался, когда посреди толпы увидел вдруг высоченную хмурую бабу из Мерседеса и услышал знакомый начальственный голос:

– Объяснит мне кто-нибудь, где капитан?

ПОНЕДЕЛЬНИК, 7 июля, 07:26

Он двигался бы гораздо быстрее, если б какой-то баран не включил сирену, из-за которой все опять повылезали наружу и начали метаться между рядами. Запереть вас, гадов, думал капитан с ненавистью, толкаясь и потея, куда вы претесь, куда вы, сука, вечно претесь, пускал в ход локти и кулаки и пару раз от души двинул кого-то в зубы, но несмотря на все эти усилия и на пистолет, перед которым расступались даже самые упертые, их было слишком много, и он все равно увяз, замедлился и безнадежно отстал. Давно потерял из виду и беглеца, и старлея, сорвал голос, сварился внутри тесной формы и едва не словил инфаркт. Последний раз он так бежал в армии двадцать пять лет назад и даже тогда особенных результатов не показал.

Но тут машины закончились, и он вывалился в пустоту и глотнул воздуха – с облегчением, как человек, который вскарабкался на берег или вырвался на дорогу из леса. Сирена тоже как раз заткнулась (он крепко пообещал себе отыскать гниду, которая нажала на кнопку, и вырвать ей ноги), и в наступившей тишине отчетливо слышал впереди гулкий стук каблучков по асфальту, а это значило, что старлей все-таки не подкачал и гнал свою жертву к воротам. Ну всё, говна ты кусок, азартно подумал капитан, никуда ты теперь не денешься. Но сердце колотилось в горле, в боку жгло, и он рванул воротничок, уперся руками в колени и замер, нагнувшись и хрипя, стараясь поймать дыхание. И внезапно почувствовал острую холодную тоску, как будто кто-то положил ему сзади на шею ледяную ладонь, и показалось ему, что бежать сейчас никуда не надо, а напротив, нужно вернуться к машине, сесть, снять ботинки и ослабить ремень, а лейтенант пускай разбирается сам. И даже если сраного беглеца не удастся поймать, может, и ну его. Да пошло оно все, ей-богу. Ощущение было краткое, как приступ тошноты, и рассеялось почти сразу, когда он затряс головой и выпрямился. Впереди крикнули что-то, но на расстоянии слов было не разобрать. Догнал, понял капитан. Попался, сука, ну держись теперь. Он снял пистолет с предохранителя и, тяжело топая, побежал к началу тоннеля.

В трехстах метрах впереди человек в наручниках добежал до решетки, повернулся и прижался к ней спиной.

– Стой! – крикнул старлей и сразу почувствовал себя довольно глупо, потому что человек, которого он искал всю ночь и за которым гнался так долго, и так уже стоял, не двигаясь, и спрятаться ему было некуда.

Оба они выдохлись, промокли насквозь и еле держались на ногах, а у человека, стоявшего возле решетки, были к тому же скованы руки, до крови разодран локоть и разбита скула. Но смотрел он по-прежнему спокойно, без страха, и, похоже, снова собирался улыбнуться, и молодому лейтенанту показалось вдруг, что по какой-то необъяснимой причине он боится гораздо сильнее. Хотя в руке у него был пистолет, а у беглого арестанта не было ничего, кроме этой странной улыбки.

– Стой, – повторил он слабо.

– Слушай, – сказал человек в наручниках и в самом деле улыбнулся точно так же, как вчера, когда лежал на заднем сиденье патрульного Форда. – Ну чего ты за мной бегаешь? Тебе-то зачем это надо?

Развернуть и встать сзади, вспоминал лейтенант, и сопровождать, по возможности не меняя захвата. Идти быстро, подталкивая задержанного. Все это он проделывал много раз, и хотя руки у арестанта скованы были спереди, а не за спиной, задача все равно была нетрудная. Чтобы не дать ему снова сбежать в толчее, можно было воткнуть ему ствол между лопаток

и дотолкать до машины. Но для этого нужно было подойти к невысокому избитому человеку вплотную, а крепкий молодой полицейский почему-то совершенно оказался к этому не готов.

– Капитан твой та еще сволочь, – сказал человек в наручниках. – Сам знаешь, ты же все видел. Ему сказали, он делает. Но ты-то не такой, а, старлей? Я не в обиде, я понимаю все, но давай ты сейчас просто отвернешься, и я уйду. Тебе ничего за это не будет, ты здесь не главный. Это наши с ним дела. Ты нормальный парень, я вижу, еще не запачкался, отпусти меня. Ну чего ты. Зачем тебе лезть в это говно? Отойди, лейтенант, – и шагнул вперед, по-прежнему улыбаясь.

И старлей инстинктивно, не думая, шагнул назад.

– Стой! – завопил он, задрал пистолет и прицелился.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 7 июля, 07:29

– Так, расступитесь, – сказала женщина-Мерседес. – Дайте пройти.

И опять почему-то сработало. Непроницаемая и недобрая толпа сразу как будто съехала и присмирела, и большой некрасивой женщине с лицом лагерной охранницы (вот, подумал Митя, вот на кого она похожа, ну или на школьного завуча, хотя это одно и то же) не пришлось толкаться и повторять свою просьбу. Она просто прошла, куда ей было нужно, – к патрульному Форду, и заняла место на подножке, которое Митя уступил ей с огромным облегчением, а затем подняла светлые глаза и заговорила снова:

– Хорошо, я спрошу еще раз. Здесь было два полицейских. Где они? И кто. Включил. Сирену?

Уверенный раздраженный женский голос – могучее средство, способное даже взрослых на мгновение превратить в дошкольников, которых застукали за чем-то недозволенным и вот-вот возьмут за ухо. Эффект, разумеется, обычно недолгий, но первый импульс всегда один и тот же – оправдаться, как можно быстрее снять с себя обвинение. Поэтому даже те из собравшихся, кто понятия не имел о судьбе капитана и старлея, а уж при включении сирены тем более не присутствовал, под этим холодным взглядом почувствовали одинаковые смущение и вину, примолкли и принялись переглядываться.

– Полицейских ваших сами ищите, – громко сказала вдруг мама-Пежо своим пионерским голосом. – Толку от них все равно никакого. А сирену включила я!

Женщина-Мерседес посмотрела вниз со своей подножки. Мама-Пежо задрала подбородок. На щеке у нее была свежая царапина, видимо полученная в недавней толчее, кудряшки совсем размотались.

– Ну и зачем же вы это сделали? – спросила женщина-Мерседес спокойно.

Контраст между ними, конечно, был поразительный. Светловолосая великанша с тяжелой челюстью и низенькая пухлая мамочка из родительского комитета. Господи, они как Гэндалф и Бильбо, подумал Митя и отвернулся, чтобы не засмеяться. Момент для смеха был сейчас совсем не подходящий. Но он не выспался, страдал от похмелья (пиво у Патриота было паршивое, да еще без закуски) и, чего там, в самом деле здорово только что перетрусил. По-настоящему, всерьез, и нервы начинали сдавать.

– По крайней мере, – заявила мамаша-Пежо, – мы все собрались в одном месте. И можем теперь обсудить ситуацию.

– Это было очень глупое решение, – сказала женщина-Мерседес. – Глупое и опасное. Вы чуть не создали давку.

– Я хотя бы что-то сделала, – ответила мама-Пежо, нимало не смущенная. – А то бы мы так и сидели, ожидая неизвестно чего. Хватит! Сколько можно сидеть и ждать? И вообще, вы кто такая? С чего вы взяли, что можете здесь распоряжаться?

На это женщина-Мерседес не ответила ничего. Она просто перевела взгляд повыше и перестала видеть нахальную выскочку. Вычеркнула ее из реальности.

– Есть все основания предполагать, – продолжила она веско и холодно, снова превращаясь в начальника лагеря или завуча старших классов, аудитория которых бесправна и не перебивает никогда, – что мы пробудем здесь еще какое-то время. Я пока не знаю, как долго. Но хаос необходимо прекратить немедленно. Хаос опасен всегда, а в замкнутом пространстве – особенно. До тех пор, пока не придет помощь, мы должны вести себя спокойно и разумно. Восстановить порядок, определить правила. И для начала нужно выяснить, сколько нас. Составить полный список всех, кто находится в тоннеле, чтобы никого не пропустить, это важно.

Надо было отдать ей должное: звучала она уверенно и строго, а на подножке патрульной машины смотрелась так, словно там и родилась. Словом, Ленин из нее получился гораздо более удачный, подумал Митя с невольной ревностью и тут же этой ревности устыдился. Лет сто назад эта адская баба наверняка посылала бы в бой отряды, расстреливала предателей революции, выбивала из крестьян зерно и ходила бы затянута в кожу и с наганом, или что у них там было, маузеры? Так, всё, надо поспать. Вытащить Аську из кабриолета, найти Сашу и запереть обеих в Тойоте до тех пор, пока этот цирк не закончится.

– Я буду записывать, – сказала женщина-Мерседес, достала из-за пазухи довольно крупный бумажный блокнот и помахала им в воздухе. – Подходите по одному. Только водители, без пассажиров. Толпиться не надо. От каждой машины – один человек, который называет всех. Имя, фамилия, возраст, профессия. Марка и номер. Все, кого записали, возвращаются к своим автомобилям. Спокойно, без спешки.

Она уселась в продавленное капитанское кресло, уложила блокнот на массивные колени, щелкнула ручкой и поманила к себе кого-то из тех, кто оказался поближе, – по-чиновничьи равнодушно, не поднимая глаз. И этот казенный жест магическим образом сразу превратил разнородную человеческую массу, которая вообще-то явилась требовать объяснений, в послушную очередь, и превращение это случилось еще до того, как первый участник навязанной и не очень-то обоснованной, если вдуматься, переписи подошел, склонился пополам и принялся диктовать свою фамилию старательно и по складам. Тревожно к тому же всматриваясь в написанное, как будто стоял не перед грязной патрульной машиной с мятым бортом посреди запечатанной подземной трубы, а у окошка в паспортном столе или у стойки шенгенского визового центра. Или на допросе, подумал Митя. С моих слов записано верно. Елки, да как же они это делают? Учат их, что ли, специально? И еще ему пришло в голову, что на вопрос, кто она такая, женщина-Мерседес вообще-то так и не ответила.

Как ни странно, многие из тех, кто занял в очереди первые места, оказались пассажирами автобуса, который от полицейского Форда находился как минимум в получасе быстрой ходьбы. Видимо, им там правда было совсем худо. Они шумели, перекрикивали друг друга и беспокоились о том, что у них нет старшего. Номер автобуса никто из них тоже, конечно, не помнил, но женщина-Мерседес великодушно простила им эту оплошность. Отчитавшись, они потянулись назад по проходу усталой потрепанной шеренгой, их место заняли другие, и запись продолжилась. И хотя давка никуда не делась, ступить по-прежнему было некуда, это уже была другая давка, неопасная, как будто остывшая градусов на двадцать, и Митя даже смог добраться наконец до Тойоты, к Саше и красивой женщине-Кайен. Вид у обеих был испуганный.

– Вы как, в порядке? – спросил он.

Саша кивнула.

– Да, – сказала женщина-Кайен. – Да, спасибо. Хотя я была уверена, что нас сейчас затопчут. Ужасно испугалась. Если бы вы их не остановили... Это было очень вовремя и очень храбро, правда. Вы нас всех спасли просто.

Митя смутился и снова вспомнил, что майка на нем несвежая и не брился он два дня или даже три. Красивые женщины теперь хвалили его нечасто.

– Давайте я дверь попробую открыть, – предложил он им обеим. – И залезайте в машину. А я за Аской схожу.

– Вой-цех, – диктовал как раз крупный рыжеволосый дядька в небесно-голубом спортивном костюме и резиновых тапках, нависая над Фордом. – Войцех Ми-ло-шев-ски, тшидзешти съедем.

– Марка машины и номер, – сухо отозвалась женщина-Мерседес и занесла ручку над разлинованной страницей.

– Ivesco, LB jedenaście dziewięćset czterdzieści pięć, – сказал рыжий. – Эл-бэ. Один, один, девять, четыре, пять.

– Грузовик? – живо спросила женщина-Мерседес и подняла голову.

– Так, – ответил водитель ИВЕКО, несколько омрачаясь. – Wagon¹.

– А груз какой? – спросила она и перевернула свой блокнот, распахнула с другого конца, где оказалась у нее заготовлена новая, еще пустая таблица, и провела поперек нетронутых нежных строчек резкую вертикальную черту. – Что везете? Накладная у вас с собой?

– Ne rozumiem, – сразу сказал поляк неприязненно и трезво, отступая. – Nie mówię po rosyjsku².

Какой-нибудь швед или немец, вероятно, ответил бы безмятежно и предъявил документы, но сорок пять лет социализма даром не прошли, и внезапный живой интерес женщины с блокнотом к его опломбированному грузу, очевидно, вызвал у польского дальнбойщика самые мрачные предчувствия. Он сделал пустое лицо, повернулся и быстро зашагал назад, к своему рефрижератору. Женщина-Мерседес задумчиво смотрела ему вслед.

Из кабины Газели за этим коротким диалогом внимательно наблюдал седой темнолицый таксист. Он даже опустил стекло и высунул голову в проход, чтобы лучше слышать. Когда рыжий поляк прошел мимо, тихо ругаясь себе под нос, таксист задраил окошко и повернулся к своему молоденькому спутнику.

– У тебя что в кузове? – спросил он.

– Вода, – ответил юный водитель Газели и на всякий случай зачем-то показал на смятую пятилитровку под приборной доской, хотя ее содержимое на воду было совсем не похоже.

Таксист нахмурился и кивнул торжественно и строго, как человек, который получил только что подтверждение самых серьезных своих опасений и все же гордится тем, что оказался прав.

– Не выходи, брат, – сказал он по-отечески мягко. – И никому про это не говори. Они ее заберут.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 7 июля, 07:32

Человек в наручниках сделал еще один шаг вперед.

– Меня заказали, – сказал он. – Это подстава, я ничего не сделал, лейтенант. И тебе это тоже всё не нравится, я вчера еще заметил. Он меня в машине бросил, твой капитан, когда все побежали. Для него я – не человек. Думаешь, ты для него человек? Тогда где он, а? Он тебя потому и послал одного, чтоб его не притянули потом. А тебе, наверное, сказал стрелять, да? Ну, сказал же? Сам подумай. Он останется чистенький, вообще не при делах, он в машине сидел. Я в наручниках, и капитана твоего нету здесь, ты будешь виноват. Ты один. И они за тебя не впишутся, лейтенант. Всё повесят на тебя. Брось мне ключ, я сниму их, и ты меня не увидишь никогда, и никто не узнает.

Старлей тоже отступил и снова замер, расставив ноги и целясь беглецу в лоб, в плечо, в грудь, в живот, в колено и снова в живот. Глаза жгло от недосыпа, мокрая рубашка щипала

¹ Да. Грузовик (польск.).

² Не понимаю. Я не говорю по-русски (польск.).

спину, пистолет мотало из стороны в сторону. С каждой следующей минутой он становился все тяжелее, руки начинали дрожать. Человек у решетки больше не улыбался.

– Сколько тебе лет, старлей? – спросил он и снова шагнул. – Двадцать пять? Двадцать восемь? У тебя семья, наверное, хорошая, девушка. Ты еще все нормально можешь сделать. Уходи отсюда. Здесь вот-вот начнется какой-то серьезный замес, тебе не надо думать про меня, ты про себя думай. Ну, хочешь, не давай мне ключи, просто отпусти, отвернись, и я уйду. Скажешь, что ты меня не поймал. Да? Давай так. Посмотри на меня. Я просто пойду, да? И ты не будешь в меня стрелять. Вот, смотри, я просто пройду мимо. Ты все правильно делаешь, лейтенант.

С этими словами человек с разбитым лицом пошел вперед, а старлей шагнул в сторону и опустил руки, чувствуя себя почему-то статистом в дешевом спагетти-вестерне, безымянным второстепенным персонажем, который каким-то чудом вывалился из чужого сценария и в последнюю минуту избежал смерти на пустой улице, где закрыты все ставни, шуршит песок на ветру и катится шар из сухой травы. И хотя никакая смерть ему, казалось бы, точно сейчас не угрожала, облегчение было настолько сильное, что он едва не заплакал. Он был уверен, что какая-то очень большая беда только что его миновала.

И, конечно, тут же у него за спиной раздался топот, и в распадающуюся тоскливую декорацию, которая почти уже растаяла и существовать которой оставались считанные секунды, ворвался капитан. Красный, потный и страшный, как будто его варили в кипятке.

– Ах ты, сука, – прорычал капитан, и старлей съехался, убежденный, что слова эти адресованы ему. – Куда собрался, гнида, а ну, назад. Назад, я сказал!

Ремень у капитана был расстегнут, болтался и бил его по бедру, голубая форменная рубашка посинела под мышками и на животе, пуговица под горлом была вырвана с мясом, и дышал он тяжело и жутко, как будто его вот-вот хватит удар. Но шел он уверенно и быстро, как дуэлянт к барьеру, и пистолет в его рыжей лапе сидел крепко и нацелен был беглому арестанту прямо между глаз. И тот мгновенно поднял руки к лицу, как будто надеялся скрещенными ладонями остановить пулю, и попятился к решетке.

– Старлей! – крикнул он. – Мы же договорились! Я ничего не сделал, ну что ты, старлей!

Нет, нет, нет-нет, подумал двадцатилетний лейтенант, и зажмурился, и представил, как сидит в кабриолете, левой рукой держится за кожаный руль, а правой гладит нимфу по шелковой коленке. Он уже сделал все, что было ему по силам, – отказался от действия, отступил и сверх этого ничего уже никому не был должен, ни капитану, ни беглецу с пугающей улыбкой. И уж точно не мог сейчас помешать одному из них убить другого. Это было просто нечестно, особенно теперь, когда он не стал стрелять и согласился с тем, что стрелять ему нельзя ни при каких обстоятельствах, ни в кого вообще, никогда, и обрадовался этому своему решению, как не радовался, наверное, еще ни разу в жизни, – нечестно было ожидать от него, что он откажется от этой радости ради двух посторонних мужиков, у которых друг с другом какие-то долгие неприятные счета. Роль его была выполнена, дальше от него ничего уже не зависело. И смотреть на то, как бывший его начальник прострелит голову его бывшему задержанному, а после снимет с того наручники, чтобы стало похоже на угрозу жизни при аресте, был уже не обязан. Просто стоял, отвернувшись, и ждал выстрела.

Но выстрела не было. Капитан пронесся мимо, обдав старлея несвежим кислым запахом, обладатель которого двое суток на жаре не менял одежду, а после еще и пробежал пару километров. Ярость его, похоже, была уже слишком сильна и не позволила ему пальнуть издали и разом все закончить, он явно собирался насладиться моментом. Но может, и нет, вдруг подумал старлей. Может, он все не так понял и никто не умрет, никто и не должен был сейчас умирать. Они просто возьмут арестанта за локти, доведут до машины и уложат сзади, и все закончится. А завтра он подаст рапорт, и позвонит Лёхе, и к концу месяца будет сидеть в банке, в черном костюме с галстуком.

– Ну что, мразь. Добегался? – услышал он удовлетворенный, торжествующий и потому почти ласковый голос капитана и все-таки открыл глаза.

Капитан подошел к беглецу вплотную, прижал пистолет ему под ключицу, взялся свободной рукой за цепочку наручников и дернул на себя резко, как если бы поймал после долгой погони непокорную взнузданную лошадь – не чтобы остановить, а чтобы наказать, нарочно причинить боль. Напугать впрок и заставить слушаться. И человек в наручниках действительно охнул и покачнулся, потому что запястья у него были изодраны до мяса, но вместо того чтобы шагнуть вперед, сделал странное – неожиданно подогнул ноги и упал на колени, как рок-звезда на концерте, и боднул полицейского головой в живот. Внутри у того что-то екнуло, как будто разом весь воздух вышел у него из легких, и он тяжело повалился на бок, увлекая пленника за собой. Мгновение – и оба уже возились на асфальте, грузный капитан и легкий сухой арестант со скованными руками. Все выглядело почему-то абсолютно нереально, и старлею показалось даже, что продолжается все тот же плохой странный фильм, который так напугал его поначалу, только теперь он оказался снаружи – не участник, а зритель. Тем более что два дерущихся в пыли человека заняты были друг другом, рычали, толкались и скребли ботинками и забыли о нем.

Капитан был немолод и в плохой форме, покраснел уже до опасного свекольного цвета и дышал еле-еле, со свистом и хрипами. Ясно было, что серьезную драку ему долго не выдержать, у него просто лопнет артерия или откажет сердце. И все-таки он был тяжелее килограммов на тридцать, а в лежачих схватках главное преимущество – масса, рано или поздно она перевешивает любые козыри. Пыхтя, он подмял противника под себя и неловко навалился сверху, раскинув толстые ноги, и вот тогда наконец раздался выстрел.

На секунду все замерло, всякое движение прекратилось, застыли даже лопасти огромных воздушных пушек под каменным сводом, и остался только звук, эхо звука, многократно усиленное бетонными стенами. Потом капитан медленно, будто нехотя перекатился на спину и принялся смотреть в потолок, а невысокий арестант с трудом поднялся на ноги и выставил перед собой пистолет. Руки у него заметно дрожали, левая щека снова была в крови.

– Ты ни при чем, мальчик, – сказал он. – Не бойся. Я просто не хочу здесь умереть. Дай мне ключ.

Старлей достал из кармана ключ от наручников и протянул ему на раскрытой ладони.

– Спасибо. Я это запомню, – сказал тот и подмигнул. И опять улыбнулся ласково, весело, как доброму знакомому, которого не видел давно, и встретил случайно на улице, и от души этой встрече рад.

И юный лейтенант, у которого за последние девять часов случилось больше прозрений, чем за двадцать с лишним предыдущих лет, наконец понял, почему его со вчерашнего дня так тревожит эта улыбка: она была неуместна, вопиюще неадекватна происходящему. Нарушала какой-то базовый общий уговор. Даже самые простые души на сбой в чужой программе реагируют инстинктивно – сбой всегда пугает, потому что обнуляет наш собственный опыт, и последствия становится невозможно предвидеть, а уж тем более подготовиться к ним. Ни единого поступка странного улыбчивого человека старлею до сих пор понять не удалось, и упорствовать в этом дальше он точно не собирался. И потому говорить больше ничего не стал и вернуть служебный капитанский пистолет тоже не потребовал, а просто стоял и смотрел, как его бывший задержанный безмятежно поворачивается к нему спиной и легко, быстро трусит назад к машинам, прижав локти к бокам, похожий на городского утреннего бегуна.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 7 июля, 07:49

Звук пистолетного выстрела, который стоил жизни злополучному капитану, в тоннеле услышали не одновременно. Расстояние имеет значение, так что сначала звуковая волна пронеслась над опрокинутым навзничь мертвым мотоциклистом, не встречая препятствий, свер-

нула по бетонной трубе, чуть замедлилась, добравшись до первых автомобилей, и патрульной машины достигла с опозданием почти в полторы секунды.

Очередь испуганно дрогнула, чиновница из Мерседеса резко подняла голову от своего блокнота, женщина-Кайен охнула и прижала ладонь к губам. Митя с Патриотом переглянулись.

– Это что, стреляли сейчас? – глупо спросил кто-то, потому что звук выстрела трудно с чем-то перепутать, его легко узнает всякий, кто хоть раз в жизни включал телевизор.

С другой стороны, люди часто задают вопросы, даже если заранее знают ответ, подумал Митя, просто чтобы кто-нибудь с ними об этом поговорил. Надо же как повернулось, вот тебе и нелепый мутила-капитан. А старлей-то. Совсем же пацан еще, симпатичный даже.

– Они убили его, да? – крикнула Ася из-за чужих спин. – Пап! Они что, его убили? – и начала выбираться из кабриолета наружу.

– Ну почему сразу убили, – сказал Митя, стараясь звучать уверенно. – Это предупредительный выстрел. В воздух, при задержании.

– При задержании? – повторила женщина-Мерседес, встала и снова сделалась выше всех. – Вы о чем?

– У них человек был в машине, – быстро ответила Ася, пока никто не успел ее перебить. – В наручниках. И этот толстый его бил, я видела. У него все лицо было в крови, – закончила она и огляделась, явно взволнованная общим вниманием, и вид у нее сейчас был такой детский, такой торжественный, что Мите захотелось обнять ее.

– То есть с нами в тоннеле сбежавший уголовник и никто нам даже об этом не сказал? – спросила мама-Пежо. – Я правильно понимаю?

Это заявление эффект произвело гораздо больший, и все взгляды тревожно обратились к полицейскому Форду. Вмятина на двери и темное пятно на обивке заднего сиденья стремительно приобретали новый зловещий смысл. Уголовник, пронеслось по рядам, сбежал уголовник, и разошлось кругами.

– Только стрельбы нам сейчас не хватало! – воскликнула мама-Пежо, разогреваясь. – Вот мало нам всего остального, они сейчас будут бегать здесь и стрелять? В тесноте, где столько людей! А нам что прикажете делать, на пол ложиться? – обратилась она почему-то к женщине-Мерседес, как будто именно та была в ответе и за обоих отсутствующих полицейских, и за любые их необдуманные действия, и за девять часов, проведенных взаперти, в духоте и тревоге.

Щеки ее снова пылали, голос поднялся на новую высоту. Она даже раскинула руки, сразу сделавшись похожей на телевизионного проповедника. Низенького круглого проповедника с размазанной тушью и потерявшей форму завивкой цвета «спелая слива». Каждое ее слово попало в цель, и толпа позади нее постепенно вскипала, как суп на раскаленной конфорке.

– Совсем с ума посходили! – поддержал кто-то. – Нашли место!

– Господи, да когда же это кончится!

– Так они поймали его или нет? Лёва! Дай мне руку, Лёвочка!

– Ваша способность устраивать панику растет с каждой минутой, – сквозь зубы сказала женщина-Мерседес. – У вас что, совсем нет инстинкта самосохранения?

– А вы мне рот не затыкайте, – ответила румяная мама-Пежо. – С вами, между прочим, тоже не все понятно! Вы документы свои покажите для начала.

В лице большой светловолосой женщины что-то дрогнуло. На секунду вид у нее стал такой, словно она вот-вот лишится наконец скандинавского спокойствия и, может, даже схватит свою маленькую визави за горло. Но сделала она другое: наклонилась и заговорила еще тише.

– Я занимаюсь делом, – сказала она. – И если вы продолжите мне мешать, я устрою так, что каждый час до спасения, которое может случиться нескоро, обойдется вам, лично вам, очень дорого. Это ясно? Я правда могу серьезно испортить вам это время, поверьте мне.

– А вот это мы еще посмотрим, – сказала мама-Пежо так же тихо и улыбнулась. – Вы совершенно напрасно так в себе уверены, моя дорогая. Пугать меня не надо, я таких, как вы, много перевидала, и ваши приемчики со мной не сработают. Строем я ходить не буду и другим не дам. Вам придется со мной считаться, имейте в виду.

Через три с половиной секунды после выстрела звук долетел до тяжелого Майбаха Пулман, дремавшего через ряд от пустого пассажирского автобуса, и бледный человек в измятом черном костюме вскинул голову и посмотрел на своего желтолицего шефа. Он не сказал ни слова, а выражение его лица оставалось профессионально скучным, и все-таки ясно было, что ему до смерти надоело сидеть в скользком кожаном кресле и ждать и как рад он будет выбраться наконец наружу и что-нибудь предпринять – например, пробежаться к началу тоннеля и быстро навести там порядок, исправить просчеты своей заносчивой напарницы.

– Сиди, – раздраженно сказал желтый, отвечая на незаданный вопрос. – Валера сходит. Немолодой водитель в душном малиновом галстуке вздрогнул и обернулся:

– Я?..

Лоб и шея у несчастного Валеры сразу покрылись испариной, он нервно сглотнул и явно пытался выдумать какой-то веский и одновременно почтительный контрдовод. Объяснить, что пользы от него снаружи не выйдет никакой и лучше бы ему остаться здесь, на своем месте за рулем, а со всякой стрельбой и прочими неясными ужасами пускай разбирается тот, кого специально для этого готовили и кому уж точно платят в разы больше, чем ему, Валере. Но гнев желтого старика, похоже, пугал его не меньше, так что он только выпучил глаза, открыл и закрыл рот, как страдающая рыба, вздохнул и послушно полез вон из Мерседеса.

– Туда и обратно! – раздалось ему вслед. – Найдешь ее, уточнишь обстановку, вернешься и доложишь. И скажи ей, что, если через час у меня не будет списка, назад ее не пущу. Пускай там и остается.

Дверцу за собой он прикрыл аккуратно, чтобы не было хлопка, и в недрах бронированной машины тут же глухо щелкнул центральный замок, снова превратив ее в крепость. Непрозрачную и неприступную. Даже если бы какой-нибудь яркий убедительный аргумент наконец пришел ему в голову, предъявить его было некому.

Ряды в обе стороны тянулись бесконечные, безлюдные, воздух был перегретый и несвежий, как в армейской каптерке. От автобуса несло отработанной соляжкой. Валера застегнул пиджак и зачем-то поправил галстук, мысленно еще раз проклял свое вчерашнее решение ехать через сраный тоннель, а не по Рублевке или, например, по Можайке и отправился искать белобрысую стерву, которая зарплату свою, совсем уже заоблачную, тем более не заслужила, потому что с задачей опять не справилась. Он мог бы завтракать сейчас дома, под телевизор и уютное шипение утюга из комнаты, и жена принесла бы ему горячую рубашку, отглаженную без единой складки, и рабочий день его начался бы только через два часа. Вместо этого он шел, потя, мимо ленты брошенных машин и слушал, как звук его шагов гулко отражается от каменных стен.

До дальней решетки, раздавившей маленький оранжевый Фольксваген, от выстрела долетело уже только эхо, едва различимый хлопок. Юный водитель с распухшей сломанной рукой, туго примотанной к теннисной ракетке, не вздрогнул и не пошевелился. Он потерял сознание почти сразу после того, как проглотил шесть бесполезных таблеток ибупрофена, которые принес ему грустный стоматолог, и ничего уже не слышал.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 7 июля, 08:06

Путь от передних ворот до патрульного Форда занял у доктора целых сорок минут. Он добрался бы раньше, но тяжелая переноска ужасно ему мешала, и по дороге он то и дело оста-

навливался отдохнуть. Конечно, можно было оставить кота в машине, но воздуха в салоне Шкоды не осталось совсем, там было еще жарче, чем снаружи, а оставить окна открытыми он не решился. Кот за все время не издал ни звука, лежал на дне своего ящика безучастный и вялый, похожий на срезанный меховой воротник или забытую в подъезде шапку, и доктору казалось, что, если он побежит, кот будет просто кататься внутри, ударяясь о стенки, как жук в спичечном коробке. Именно поэтому он шел медленно и громоздкую пластиковую коробку держал перед собой осторожно, двумя руками, со стороны напоминая человека, который несет полную кастрюлю без крышки и боится ее расплескать.

К началу собрания у полицейской машины он опоздал и все объяснения пропустил, но сомнений в том, что здесь творится что-то важное, не было никаких: люди стояли плотно и шумели, как на митинге, и надо всеми возвышалась светловолосая женщина в синем костюме – та самая, которая во время паники едва не вывихнула ему руку и крикнула прямо в лицо: «Я не отпущу вас, пока вы мне всё не расскажете». Сейчас она стояла на подножке Форда и снова кричала:

– ...не продвинемся до тех пор, пока не возьмем ситуацию под контроль! Мы не закончили, давайте не будем вести себя как дети, успокоимся и продолжим!

Судя по эффекту, который ее слова произвели на бурлящую разнородную толпу, грубой женщине в синем удалось то, что у доктора как раз не получилось, на что он даже не посмел замахнуться: она сумела собрать их, несколько сотен человек в одном месте, и заставила слушать. Он вспомнил свою отчаянную идею добраться до Шкоды и жать на сигнал до тех пор, пока все не проснется, и то, какой неприличной, немыслимой эта идея ему показалась, и как он спасовал. Отступил прямо на старте, хотя у него-то как раз причина была веская, неотложная, и ровно по этой причине он сорок минут шел по душной бетонной трубе, мучая своего старого кота, в поисках человека, который снимет с него наконец эту ужасную навязанную задачу. И кажется, нашел. Может, ключом была именно грубость, напористая уверенность, которой у него не было. Тихий маленький доктор напористых грубиянов не любил и старался держаться от них подальше, но дольше тянуть было нельзя. Он посмотрел на часы, набрал воздуха в легкие и начал продираться сквозь толпу:

– Простите. Очень срочно. Ради бога, извините, это правда важно. Разрешите, прошу вас!

И тут неожиданно стало очень тихо, и он остался один в пустоте. Большая женщина смотрела на него сверху вниз с раздраженным недоумением, как смотрят на таракана посреди накрытого к празднику стола. Глаза у нее были светлые и холодные, а зрачки крошечные, как маковые зерна.

– Извините, – сказал он еще раз, задыхаясь. – Мне нужна помощь. Там, в начале тоннеля, пострадал человек. Состояние очень тяжелое, счет уже на часы. Ему нужны антибиотики и, по возможности, еще обезболивающие. Я уверен, у кого-нибудь здесь эти лекарства найдутся. Прошу вас, речь идет о человеческой жизни, если бы мы сейчас объявили...

– А вы что, врач? – быстро спросила женщина в синем и сошла с подножки.

– Что?.. Да, я врач, – сказал доктор и в том, что он стоматолог, на этот раз признаваться не стал, чувствуя, что его словам и так не хватает веса. Проблема с самого начала именно в этом и заключалась – его словам не хватало веса, и с этим пора было покончить. Убрать умоляющие нотки, звучать уверенно. – Он может потерять руку, он...

...Может умереть, хотел сказать доктор, и даже, скорее всего, умрет, что бы я теперь ни делал, но не успел.

– Врач? – зашумели сзади. – Кто здесь врач? Вы?

– Послушайте, – перебили его, – у меня жена на восьмом месяце, у нее тянет чего-то всю ночь, вы не посмотрите? Лена, иди сюда!

– Серёж, ну не надо, – сказала невидимая Лена, – все нормально уже...

– Ничего не нормально, сама же говорила! Пусть посмотрит, он доктор. Иди, говорю!

– А лекарства у вас есть? Спросите кто-нибудь, есть у него лекарства? У нас астма, ингалятор почти закончился! Тут так душно, если еще один приступ, я не знаю...

– И от давления что-нибудь!

– Я после шунтирования, так плохо себя чувствую, первый раз на дачу выбрался...

– Ну всё, – сказал Патриот. – Попал ты, доктор.

Маленький стоматолог развернулся вместе с котом – смущенный, с красными ушами, рубашка его спереди вся была перепачкана пылью. Он поставил переноску себе под ноги и поднял ладони вверх, и жест опять был неуверенный – то ли просьба выслушать, то ли капитуляция.

– У мамы диабет, – сердито сказала какая-то женщина в кедах и джинсовых шортах, проталкиваясь вперед, и крепко взяла его за локоть. – Инсулина на укол всего осталось, вы понимаете? На один укол. Мы думали, к полуночи будем дома!

Лицо у нее оказалось такое же, как и голос, – сердитое, обвиняющее. Наверное, накануне она косила траву или возилась с грядками: плечи обгорели, кромка ногтей была темно-зеленая.

– Отпустите меня, пожалуйста, – попросил доктор, и сердитая дачница замолчала и убрала руку. – У меня нет лекарств, – продолжил он громко, хотя глаза поднять по-прежнему не осмелился и обращался к голубой крышке переноски, к перемотанной скотчем ручке. – Совсем никаких, простите, правда нет. Мне очень жаль, я сделаю что смогу, обещаю вам, но сначала я должен помочь ему. Понимаете, у него рука, сепсис, это очень опасно, и если в ближайшее время мы не найдем...

– Так, – сказала женщина в синем костюме и снова забралась на свою подножку, как будто взошла на сцену. – Так. Значит, вот что мы сделаем! Все, кому нужна медицинская помощь, подойдите ко мне! Состояние здоровья, острые проблемы – я добавлю в список и прослежу, чтобы вы получили помощь, доктор займется вами в порядке очереди! Вы, с диабетом, в какой вы машине? – тут она распахнула блокнот и достала ручку.

– Подождите, – сказал доктор. – Давайте начнем с лекарств. Антибиотики, инсулин, бета-блокаторы, обезболивающие, ингаляторы – всё, что есть, полный список. А еще лучше, чтобы не терять времени, собрать все лекарства в одном месте, так будет гораздо проще распределять...

Большая женщина отвлеклась от своего блокнота и посмотрела на него с каким-то новым выражением. На секунду ему показалось даже, что она вот-вот улыбнется.

– А вот это – прекрасная идея, доктор, – сказала она медленно и провела в своем списке еще одну жирную вертикальную черту.

– В смысле – собрать в одном месте? – спросила сердитая дачница с зелеными ногтями. – Это типа вам отдать, что ли?

Очередь заволновалась.

– Ага, конечно! – раздался голос. – А решать, кому нужнее, будет кто – вы? Или этот доктор кошачий? Да кто ж вам отдаст-то последний ингалятор, а если мы до завтра тут проторчим? Разбежались!

Большая женщина выпрямилась и как будто стала выше еще на голову. Она обвела взглядом толпу и автора реплики, лысоватого мужчину в жилетке с карманами, из общей массы выхватила почти мгновенно и действительно наконец улыбнулась, хотя доктору ее улыбка совершенно не понравилась.

– Скажите, – спросила она ласково, – сколько у вас в машине воды?

Лысоватый в жилетке помрачнел и нервно переступил с ноги на ногу.

– А ваше какое дело! – ответил он и огляделся, ища поддержки. – Еще и воду им!

– Можете не отвечать, – сказала она, – давайте я попробую угадать. Вы едете с дачи и, значит, обратно, скорее всего, ничего не везете. Допустим, у вас была одна или даже две бутылки, и одну вы наверняка уже выпили ночью. А может, и обе, – продолжила она, сверяясь

с блокнотом, – потому что в машине вас... двое. Но даже если вторая бутылка еще не закончилась, как вы думаете, на сколько вам ее хватит?

Лысоватый молчал.

– А вы? – продолжила большая женщина, выбирая следующего адресата, румяную патриотову жену. – Предположим, просто предположим, что нас освободят не сегодня, а, например, завтра. Вам будет чем накормить детей?

Мама-Патриот нахмурилась и оглянулась на мужа.

– Ой-ой, – тихо сказала Саша. – Кажется, у нас сейчас начнется коммунизм.

– Да пускай хоть что-то уже начнется, – так же тихо ответил Митя, которому до смерти надоело и стоячее это собрание, и толкучка, и особенно – женщина-завуч с ее блокнотом. – Главное, чтоб закончилось поскорее. И вообще, что плохого-то в коммунизме?

– Дурак ты, Митька, – прошептала Саша и взяла его за руку, и он сразу забыл обо всем, потому что впервые за долгое время она назвала его Митька и прикоснулась сама, привычно, как раньше.

Женщина-Мерседес резко повернула голову и прищурилась, как будто расслышала шепот и теперь искала источник, и Митя отчетливо понял вдруг, что этого допустить нельзя, качнулся вперед, и загородил жену, и сделал пустое лицо. И рассердился на себя только после, когда неприятная баба в костюме отвернулась.

– Нам всем придется сейчас чем-то пожертвовать, – звучно сказала женщина-Мерседес. – В тоннеле несколько сотен машин. Кому-то из нас нужны лекарства, кому-то – вода или еда. Или медицинская помощь. Все это возможно только в случае, если мы будем сотрудничать. Ваше беспокойство понятно, но нам нужна полная открытость, иначе мы не сможем помочь друг другу. Так что давайте не будем тратить время на споры и займемся делом. Кто еще не записался? Подходите! – и снова щелкнула ручкой.

Повисла неловкая пауза. Подходить никто не спешил, а дачница в шортах, напротив, даже отступила на шаг и скрестила на груди свои зеленые руки. Похоже, затея с переписью стремительно теряла привлекательность.

Я все испортил, подумал доктор, я опять все испортил.

– Послушайте, – начал он, – все лекарства сдавать не нужно, правда, это неудачная идея, я только...

– Ну разумеется, не нужно, – перебили его, и на опустевший пяточок у полицейского Форда шагнула низенькая круглолицая женщина с царапиной на щеке. – Мне кажется, мы немножко увлеклись (тут она выразительно поглядела на чиновницу с блокнотом). Забирать у людей личные припасы – это уже какая-то... продразверстка, извините. Нет, так мы делать точно не будем. Все взрослые люди, если кто-то захочет поделиться, пусть решает сам. Но воду! – она подняла палец. – По крайней мере, воду, которая нужна всем, можно взять вот здесь. Тут хватит на всех.

Пухлый палец с коротким малиновым ногтем изменил направление и указывал теперь на пыльную Газель с надписью «Напитки Черноголовки» на борту.

Молоденький таджикский Газелист из речи женщины с красными волосами почти ничего не понял, как не понимал и все предыдущие разговоры, хотя вслушивался старательно и окошко не закрывал. Но палец, который она направила прямо ему в лоб, и то, как все эти незнакомые люди одновременно обернулись и заметили его, перевода не требовали, и он обреченно втянул голову в плечи и попытался спрятаться за своим рулем.

– Вы ведь не против начать с воды, правда? – спросила маленькая женщина, и улыбнулась, и взглянула высокой прямо в глаза. – Не хочу мешать вам делать вашу работу, но, по-моему, вода нам сейчас гораздо важнее вашего списка, как вы думаете?

Голос ее звучал мягко, но стоявшему рядом доктору показалось, что между двумя женщинами происходит еще один, молчаливый диалог, интонации в котором далеко не такие дружелюбные.

– Да чего тут думать, – сказал Патриот. – Пить-то надо.

– У нас вчера еще вода кончилась, – сказала дачница в шортах.

– А у нас полбутылки осталось! На двоих! – мстительно вставил лысоватый мужчина в жилетке.

Чиновница в синем костюме медленно закрыла блокнот, завернула колпачок ручки и убрала ее в карман пиджака. Лицо у нее было спокойное и задумчивое, как у человека, который столкнулся с любопытной задачей и выбирает вариант решения.

– Хорошо, – сказала она наконец. – Давайте займемся водой.

И пошла к Газели.

– Двери закрой, – быстро сказал седой таксист из Рено своему юному соседу и ответа дожидаться не стал, перегнулся с пассажирского кресла, и сам нажал на кнопку замка, и завертел рукояткой стеклоподъемника.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 7 июля, 08:14

Ничего, конечно, не помогло – ни то, что он опустил голову и перестал смотреть, ни запертая дверь и поднятое окно, ни даже его опасный пассажир. Снаружи раздался стук, уверенный и требовательный, и когда он поднял глаза, они стояли вокруг Газели – женщина с красными волосами, большая женщина с белыми, сердитый толстый человек из УАЗа и еще десяток незнакомых, которых он не узнал. Лица у них сейчас были одинаковые, с одним и тем же выражением, так что пытаться запомнить их не было смысла. Беловолосая женщина подняла свою большую белую руку и постучала еще раз.

– Откройте, – сказала она.

Через стекло ее голос звучал глухо, как из-под воды.

– Не открывай, брат, – сказал таксист из Рено. – Я говорил тебе, они всё заберут.

– Это неразумно, – сказала большая белая женщина за стеклом. – Вы же сами понимаете, вам придется открыть. Людям нужна вода.

– Он по-русски не понимает, – сказал Патриот, подошел к водительскому окну, сложил ладонь козырьком и заглянул внутрь. – Эй, слышишь? Вода! Во-да! Не понимаешь?

Молодой водитель Газели отодвинулся от окна как можно дальше и неуверенно посмотрел на таксиста. Тот покачал головой.

– Подождите, вы пугаете его. Надо объяснить, – сказала мама-Пежо и задрала голову. – Здесь очень много людей! – сказала она громко. – Они хотят пить! Дети хотят пить! – и показала, поднесла ладонь ко рту. – Пожалуйста!

– Да не понимает он ни хрена. Чего их на работу берут-то таких. Переведи ему! – крикнул Патриот таксисту и снова постучал.

Седой темнолицый таксист сложил руки на груди. Красномордой обезьяне, очевидно уверенной, что таджики и узбеки говорят на одном языке, он отвечать не стал. Обезьяна, скорее всего, даже не видела разницы.

– Ну как вам не стыдно! – сказала мама-Пежо. – Дети же! Откройте машину!

– Сиди, брат, – повторил таксист. – Они хотят забрать нашу воду.

Молоденький Газелист кивнул, об этом он и сам уже догадался. Но он ведь и не мог, правда не мог ничего им отдать, потому что триста двадцать пятилитровых бутылок в кузове ему не принадлежали, и девять часов назад он должен был доставить их в бизнес-центр на Верейской улице и сдать по накладной, восемь туго обтянутых целлофаном поддонов, по сорок бутылок на каждом. Именно по этой причине он и сам со вчерашнего вечера не пил и очень мучился от жажды, потому что, если бы он разорвал целлофан и вытащил хотя бы одну пяти-

литровку, у него бы не приняли весь поддон и накладную ему никто бы не подписал. Вода была чужая, и трогать ее было нельзя. Он и так уже пропал – не доставил груз вовремя, не сдал машину сменщику и к тому же разбил бампер желтого Рено Логан. В том, что работы у него больше нет, юный водитель Газели не сомневался и даже успел подумать, что мог бы позвонить дяде Файзуллоху и попроситься к нему в бригаду отделять коттеджи, хотя мама заставила его пообещать, что к дяде он и близко не подойдет. Он мог бы наняться дворником или на мусоровоз, у него все еще оставались варианты. Но потерять груз целиком и вернуться с пустой машиной – такого даже представить было нельзя. Это был уже совсем другой, серьезный проступок, за который его не просто уволят, а совершенно точно посадят в тюрьму, как вора. И ничего из этого он не мог им объяснить – ни людям снаружи, ни сердитому человеку на соседнем сиденье, потому что не знал их языка.

– Нет, вы посмотрите на них, – сказала дачница в шортах. – Сидят, как будто так и надо. Закрылись, главное.

– Закрылись? – переспросил Патриот недобро. – Это ничего, это мы шас поправим, – и пошел к УАЗу.

– Господи, – сказала Саша. – Они им стекло сейчас разобьют.

Толпа вокруг Газели действительно сгустилась и как-то потяжелела, Патриот уже нетерпеливо протискивался обратно, сжимая монтировку.

– Ну вода-то и правда нужна, Саш, – начал Митя и осекся, потому что она отпустила его руку и посмотрела, как смотрят на незнакомца, прижавшегося в автобусе. – погоди! – сказал он вслед Патриоту. – Эй, ну куда, стой, – и тоже начал толкаться к Газели.

Когда он добрался до запотевшего окна и постучал, оба азиата в кабине повернули к нему одинаково напряженные лица и в эту минуту вдруг стали похожи на отца и сына.

– Послушайте, мужики, – сказал Митя, повышая голос, чтобы было слышно через стекло. – Можно же по-хорошему. Ну сколько она там стоит, эта вода? Сами видите, что творится. Вам деньги возместят же потом, ну или хотите, она вам справку напишет, напишете же справку?

Женщина-Мерседес кивнула.

– С компенсацией мы решим, – сказала она сухо. – Это не проблема. Мне понадобится транспортная накладная. Документы на воду есть? Покажите.

– Ну чё ты глазами мне хлопаешь! – вмешался Патриот. – Всё, решили, давай открывай!

Маленький таксист перегнулся через своего юного соседа, приблизил смуглое лицо к стеклу и отдельно, почти с удовольствием произнес на своем безупречном русском, глядя Патриоту прямо в глаза:

– Справки нам не нужны. Это наша вода, и мы сами решим, на что ее обменять.

– Чего? Чего ты сказал, блядь? – взревел Патриот, багровея.

– Вы не в том положении, чтобы торговаться, – сказала женщина-Мерседес. – Можете даже на это не рассчитывать.

– Почему это – ваша? – звонко спросила мама-Пежо. – Как это вы ее присвоили вдруг, интересно? Этот мальчик – просто водитель, а вы тут вообще ни при чем, это даже не ваша машина!

Толпа загудела.

– Менять они собрались, главное! – возмутилась дачница в шортах, оглядываясь. – Нет, ну нормально?

– Может, им брильянтов еще отсыпать? – сказал кто-то.

– Наглость какая, и не стыдно же...

– Погодите, то есть воды не будет?

– Как это не будет, минуточку, сорок градусов...

– Так, закончили пиздеть! – рявкнул Патриот и покрепче перехватил монтировку. – А ну подвинься, Очки! – и полез к покрытому испариной окну Газели, обдав Митю жаром. – Я ему обменяю щас, меняла!

Да пошли вы, тоскливо подумал Митя, пошли вы все. В висках у него опять застучало, во рту горчило. Пускай делают что хотят. Бьют стекла, торгуют водой, меняют на инсулин. Сторож я им, что ли? Чего они, в самом деле, уперлись, эти двое?

Газель качалась, шум нарастал. В кабине тоненько причитал юный водитель. Патриот замахнулся.

– Вы что! Вы что, эй, ну вы что! – закричали вдруг рядом, и, оглянувшись, Митя увидел светловолосого лейтенанта.

Рубашка на нем была насквозь мокрая, глаза воспаленные, как будто он нырял без маски и только выбрался на берег, и никакой силы в его беспомощном выкрике не было, никакого гнева, только испуг. Он вообще выглядел очень испуганным, даже больным, но в руке у него был «Макаров», а курок был взведен, и этого оказалось достаточно. Шум немедленно смолк, Патриот опустил монтировку.

– Ты чего это, старлей? – сказал он. – Нормально всё?

– Вы поймали его? – спросила мама-Пежо. – Вы же поймали его, да?..

– Где ваш начальник? – перебила женщина-Мерседес. – Где капитан?

Лейтенант не ответил. Казалось, он только сейчас понял, что пистолет до сих пор у него в руке, и неприятно этому удивился. Он поспешно отжал курок и принялся старательно записывать свой «Макаров» назад в кобуру, думая о том, что толстый капитан лежит сейчас в семи сотнях метров отсюда на спине с уродливым черным пятном на груди и сердито смотрит в потолок и от распоряжений неприятной бабы из Мерседеса поэтому совершенно свободен.

– Не поймали, – ахнула мама-Пежо, и глаза у нее сделались круглые.

– Лейтенант! – резко сказала женщина-Мерседес, и он вздрогнул и обреченно поднял голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.